

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И.А.БУНИНА**

**ЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ:
ИСТОРИОГРАФИЯ, ТЕОРИЯ,
ИСТОРИЯ**

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 6

Елец – 2007

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Елецкого государственного университета имени И.А.Бунина
от _____ 2007 г., протокол №

Ответственные редакторы:

доктор филологических наук профессор Р.И.Хашимов,
кандидат филологических наук доцент Г.П.Пальчун

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук доцент В.А. Бурцев, кандидат
филологических наук доцент Г.С.Журавлева (ответственный секре-
тарь), кандидат филологических наук доцент Г.Н.Сергеева.

Рецензенты:

В.И.Казарина, доктор филологических наук, профессор Елецко-
го государственного университета имени И.А.Бунина; В.В.Щеулин,
доктор филологических наук, профессор Липецкого государственного
педагогического университета.

Европейские языки: историография, теория, история, методика.
Межвузовский сборник научных работ. Выпуск 6. – Елец: Егу им.
И.А.Бунина, 2007.

В очередном выпуске рассматриваются актуальные вопросы
лексической и фразеологической семантики, грамматики европейских
языков, проблемы сопоставительной и когнитивной лингвистики,
диалектологии и двуязычия. Часть статей посвящена исследованию
языка средств массовой коммуникации.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студен-
тов-филологов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

- Бурцев В.А.* (г. Елец). Собственные имена в тексте и дискурсе
Климова М.В. (г. Елец). Своеобразие структур переходного типа в русском языке (на примере функциональных онимов)
Кузнецова О.М. (г. Елец). Индивидуально-авторская замена компонентного состава фразеологизмов в художественных произведениях и эпистолярном наследии И.С. Тургенева
Мясникова И.И. (г. Елец). Сопоставительная семантика глагола *исчезать* в русском и немецком языках
Пищулина О.Ю. (г. Елец). Метафористический перенос в названиях узоров русских кружев
Хашимов Р.И. (г. Елец). О билексемах русского языка
Шелепова Л.И. (г. Барнаул). О семантическом аспекте этимологического анализа
Шетэля В.М. (г. Москва). О семантике фразеологизмов польского и русского языков

II. ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

- Зверев А.Д.* (г. Черновцы, Украина). Еще о конструкции «идти в солдаты»
Ильченко О.С. (г. Новороссийск). О причинах преобладания формы родительного-винительного падежа в именах собственных в древнейших славянских памятниках
Кравец О. В. (г. Таганрог). Компаративные конструкции в русском и английском языках.
Мирохина Т.М. (г. Елец). Коммуникативно-функциональный потенциал придаточной части, оформленной союзом *если бы*
Пальчун Г.П. (г. Елец). Речевая коммуникация и средства личного дейксиса
Селеменова О. А. (г. Елец). Речевая реализация и функционирование структурной схемы «где нечто подвергается воздействию что»
Смирнова Р.Ф. (г. Таганрог). Роль отрицания в логико-семантической структуре предложения. (К проблеме «расплывчатой» грамматики во французском языке)
Чернега Л. В. (г. Таганрог). Явления переходности при адъективации страдательных причастий

III. ЯЗЫКИ В ИХ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ СВОЕОБРАЗИИ

- Лаврищева Е.В.* (г. Елец). Национальная специфика репрезентации концепта «язык» (на материале русского и немецкого языков)

Мещерякова О.А. (г. Ливны). К проблеме перцептивных обозначений в художественном тексте

Петрова Т.В. (г. Архангельск). Свет и тени «Руанского собора»

Сетаров Р.Д. (г. Елец). Национальная специфика метафорической номинации

IV. ДИАЛЕКТОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Васильев Ш. И. (г. Стерлитамак). Антонимичные фразеологические единицы военной тематики в древнерусском языке XI – XIV вв.

Винниченко Т.В. (г. Архангельск). Названия приемов художественного шитья в памятниках письменности XVI – середины XVIII вв.

Ломов А.Г. (г. Елец). Эволюция разночтений устойчивых словесных комплексов (УСК) по спискам «Повести временных лет» («разрушение» и «деривация»)

Межжерина А.В. (г. Киев, Украина). Социально–этический портрет кн. Андрея Боголюбского и его оппонентов в восточнославянских письменных памятниках XI–XIII веков

Саввина Ю.Ю. (г. Елец). Тематическая группа «Грибы» в елецком говоре

V. РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ЕЕ ПАРАМЕТРЫ

Быкасова Л.В. (г. Таганрог). Язык и стиль рекламных текстов (на материале немецкого и английского языков)

Рыжков М.С. (г. Елец). Амбивалентный (устно-письменный) характер Интернет-диалога (на материале английского языка)

Трегубова Ю.А. (г. Елец). Социолингвистическая модель неконтактного русско-английского двуязычия учащейся молодежи Липецкой области

I. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

В.А. Бурцев
г. Елец

Собственные имена в тексте и в дискурсе

В статье делается попытка рассмотреть семантику собственных имен в тексте и в дискурсе. Мы полагаем, что текстовый и дискурсивный материал по-разному специфицирует функционирование языковых единиц. Поэтому значение собственного имени, употребленного в тексте, будет отличаться от значения того же собственного имени, если оно рассматривается как единица дискурса. Сквозь призму собственных имен (а равно и других объектов анализа) возможно также уточнение терминологических отношений между понятиями *текст* и *дискурс*. Как известно, эти понятия либо отождествляются, либо разводятся по следующему основанию: дискурс – это текст в процессе становления, текст – результат, продукт речевой деятельности. С нашей точки зрения, понятие *дискурс* не может быть определено исключительно на основе противопоставления результата речевой деятельности ее процессу. В рамках данной оппозиции учитывается прежде всего коммуникативная составляющая феноменов текста и дискурса, в силу этого, в частности анализ дискурса, осуществляется в русле лингвистики речи. При таком подходе рассмотрение, представляемое как анализ дискурса, специфицируется простым введением в фокус исследования **конкретного текста** широкого спектра экстралингвистических моментов. Между тем в нашем понимании дискурс как материал исследования представляет собой не конкретный текст, а совокупность текстов, объединяемую на основе общих тем, событий и историй. Во французской школе анализа дискурса подобную совокупность, вслед за М. Фуко, называют *архивом* [Серио 1999]. Представляется, что параметры коммуникативной ситуации не будут иметь решающего исследовательского значения для архива; основное место здесь займет анализ соотношения между языком и событием, языком и темой, языком и историей. Надеемся, что дальнейшее изложение позволит подтвердить данный тезис.

В системе языка собственные имена представляют собой разряд *неполнозначных* слов, обладающих только семами *одушевленности*, *лица* и *пола*. Эти семы можно считать дифференцирующими в случае, если они входят в отношение с полярными семами *не-лица* и *неодушевленности*, которые также будут формировать лишь собственные имена. Собственное имя с неличной семой и семой одушевленности относится к зоонимам; собственное имя с семой неодушевленности может относиться к топониму, гидрониму и т.д. Так, имена *Виктор*,

Владимир, *Ким* по своему семному составу идентичны. В любом минимальном контексте они могут быть взаимозаменяемы без различия по смыслу. Следовательно, собственные имена с совпадающим составом сем занимают в системе языка одно и то же место и являются тождественными словами, такими же, как *кое-кто* и *кто-нибудь*. Их отличия касаются означающего, а не означаемого. При этом выбор означающего мотивируется энциклопедическими знаниями адресанта. Так, если мы хорошо знаем людей, носящих данные имена, то никогда не скажем, что *Ким бросил курить*, так как из нашего опыта общения с ним известно, что *наш* Ким - человек некурящий и никогда не имел этой вредной привычки. Особенно наглядно неполнозначность собственных имен иллюстрируется сообщением адресату имени, с которым он не может связать свои энциклопедические знания. Например, что обозначает имя *Йон*? Для любого «непосвященного» - это только имя лица мужского пола. Лишь тот, кто знает некоторое количество лиц мужского пола, носящих это имя, может связать его с более обширной информацией.

Мы считаем, что собственные имена (онимы) допускают только референтное употребление, а их конкретное значение, позволяющее идентифицировать предметы, - исключительно речевое значение. Из референтной отнесенности собственных имен вытекают все частные свойства их речевой (не языковой) семантики: субъективная варируемость, зависимость форм именования от денотата, связь с иллокутивными силами, контекстуальная обусловленность семантической мотивированности.

Теперь необходимо рассмотреть, как трактуется речевая семантика собственных имен и есть какая-то разница между значением текстового собственного имени и дискурсивного? Некоторые авторы считают, что речевая семантика онимов – это их конкретные признаки, выявляемые в процессе функционирования. Так, И.Г. Кошечкина определяет специфику значения собственных имен наличием у них в речи «особого опознавательного значения, которое не является общепонимым». Она пишет: «В зависимости от своих индивидуальных особенностей одна Лидия Сергеевна будет представляться как собрание определенных, свойственных лишь ей качеств..., а другая – собранием тех же определенных, но совсем иных признаков» [Кошечкина 1976: 64].

А.В. Суперанская связывает функцию собственных имен с выделением индивидуального из общего и говорит о «побочных, дополнительных коннотациях», которые имеет собственное имя при условии известности объекта [Суперанская: 113].

М.Н. Ермаченко называет речевое значение собственных имен «сигнификативной спецификой», в отличие от сигнификативного инварианта (сигнификативный инвариант в нашем понимании – семное сочленение вышеуказанных сем). Раскрытие сигнификативной специ-

фики, по мнению М.Н. Ермаченко, обусловлено экстралингвистическими факторами. Автор видит в сигнификативной специфике преломление сигнификативных черт референта. На этом основании делается вывод об исключительной роли контекста для собственных имен, так как «он знакомит нас с денотатом, несет дополнительную необходимую информацию об имени собственном, раскрывает его сингнификативную специфику, что очень важно для имен собственных личных, ведь они выступают в большинстве случаев в роли субъекта речи» [Ермаченко 1970: 36].

В связи с вопросом о речевом значении собственных имен встает проблема квалификации и обозначения дополнительных оттенков, формирующих речевое значение онимов. В имеющихся работах эта проблема рассматривается сквозь призму понятия *коннотация*. Применительно к нарицательным именам коннотация определяется как «семантическая сущность, узуально илиokkaзионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочные и стилистические маркированные отношения субъекта речи к действительности при обозначении ее в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [Телия 1986: 5]. Например, слово *пустоголовый* коннотативно, так как выражает субъективное отношение к предмету речи; а слова *пустой* и *голова* в их прямых значениях лишены коннотации.

Можно ли с этих позиций сравнить собственные имена? Допустим, такие, как *Скотинин* и *Петров*, *Владимир* и *Вовчик*. Очевидно, что в первой паре слов коннотативными возможностями обладает оним *Скотинин*. Однако эти возможности предопределены не семантикой собственного имени, а семантикой производящего нарицательного слова *скотина*, которое в свою очередь получает коннотацию при употреблении в синтаксически связанном значении. Во второй паре коннотативными являются оба слова, их коннотация связана со стилистической маркированностью, обычной для них сферой употребления. Кроме того, в слове *Вовчик*, несомненно, можно выделить эмотивную маркированность, однако для собственных имен она не выступает постоянным элементом слова. Знаки типа *Вовчик* и подобные ему (*Славик*, *Шурик*, *Вадик*, *Толик*) могут «лексикализироваться», становиться своего рода прозвищами и в процессе речи использоваться как нейтральные имена для идентификации объекта. Иначе говоря, коннотация собственных имен не зависит от означаемого.

Это касается и литературных онимов. Имя *Хлестаков* не обладает коннотацией, как бы мы ни пытались найти в его производных дополнительные оттенки значения. Семантика собственного имени сама по себе не включает эмотивных или стилистических микрокомпонентов значения. Между тем знак *Хлестаков* устойчиво связывается с персонажем «Ревизора», т.е. **обозначает образ** (приобретая статус

денотата), и через его посредничество получает семантизацию и актуальный смысл.

Теоретически это обстоятельство учитывается, и в определении ономастической коннотации обычно включают указания на некоторый континуум признаков, который относится не только к обозначающему, но и к обозначаемому. Например, Л.М. Буштян под ономастической коннотацией понимает «комплексное социально-лингвистическое явление, включающее в себя как часть в целое экспрессивность, эмоциональность и дополнительную информативность языкового знака, часто проявляющееся как имплицитно сопутствующая информация, кодирующаяся и декодирующаяся в зависимости от психического, возрастного, образовательного и социального уровня носителя языка, а также от принадлежности к той или иной национально-культурной области» [Буштян 1983: 6]. В данном случае *обозначаемое* – это точка зрения носителя языка. Если объект анализа – имя собственное художественной речи, то в определении коннотации должны получить отражение точка зрения автора текста и та ситуация, в которой находится персонаж произведения. Благодаря им прежде всего и формируется ревой смысл имени.

Иначе говоря, объем коннотации собственных имен предопределяется не только объемом включаемых в слово субъективных микрокомпонентов значения, но и содержанием дополнительной информации, которая релевантна с точки зрения смысла текста. Так, наше восприятие Хлестакова, возможно, будет отличаться от общепринятого, если сохранить всего его характерные личностные черты, но поместить данный персонаж в другую ситуацию (например, он русский офицер, участвует в боевых действиях кампании 1812 года и случайно оказывается в лагере французов, которые принимают его за лицо, инкогнито инспектирующее войска). Известное утверждение Ю.Н. Тынянова о том, что в художественном тексте нет *неговорящих* имен, может быть связано с контекстуальной заряженностью онимов. Это служит одним из доводов того, что последние раскрывают свою семантику только через определенную референцию, т.е. когда нам известен денотат с набором присущих только ему атрибутов.

По нашему мнению, референтная отнесенность онимов не всегда достаточно учитывается в поэтической ономастике. Между тем эта область ономастических исследований должна, безусловно, связываться с изучением индивидуально-эстетических приемов использования словесных знаков. «Ономастика художественного текста никогда не бывает зеркальным отражением имен, употребляющихся в жизни, но ее проекцией, прошедшей сквозь призму авторского творчества» [Теория 1986: 220]. Это одно из центральных положений поэтической ономастики. Оно разрабатывалось и разрабатывается целым рядом отечественных лингвистов. Например, Ю.А. Карпенко считает, что литературные собственные имена: 1) всегда вторичны и

воспринимаются на фоне общелитературных как субъективное отражение объективного; 2) они детерминированы личностью автора и мотивами его творчества; 3) испытывают функциональную перестройку с точки зрения информации и эмоции имени; 4) литературные онимы – это речевые факты, в то время как реальные, общенародные – факты языка [Карпенко 1986]. Для того чтобы на законных правах войти в структуру художественного текста, онимы должны передавать информацию, которая вносит непосредственный вклад в реализацию художественной функции; последняя не может быть связана с номинацией, целью которой является идентификация объекта. То, что отражает суждение автора и придает определенный произвол в референции имени, препятствует идентификации и помогает «нюансировке смысла» [Арутюнова 1977: 201-203].

Обычно при анализе функционирования собственных имен акцент делается на отношениях означаемого к сигнификату, при этом устраняется референт. Между тем подобные отношения, постоянные для данной единицы на данном синхронном срезе языка, предопределены объемом понятия [Гак 1972: 79]. Они исключают прагматические интенции субъективного характера, поскольку понятийное ядро лексического значения собственных имен вмещает только наиболее общие абстрактные свойства обозначаемых объектов. Можно полагать, что любая содержательная характеристика собственных имен через отношение «знак-понятие» будет всегда представлять обобщенное, типизированное, надындивидуальное представление о предмете.

Это очевидно и для стилистических значений – иногда именно они выступают как искомая величина при характеристике художественных онимов. Описание собственных имен сквозь призму социально типизированных условий общения релевантно для индивидуально-го в той мере, в какой оно способно для обозначения общего: коллективных привычек, речевого узуса. С нашей точки зрения, репрезентация социально типизированных способов употребления не может перейти фундаментальную для семантики онима границу, отделяющую индивидуальное от коллективного. Поэтому выводы, к которым обычно приходят исследователи, легко можно спроецировать на любую писательскую систему. В таком плане, в частности, выполнена работа Т.Д. Сусловой [Суслова 1986], целью которой было установление закономерностей функционирования собственных имен в произведениях В. Катаева. Описание Т.Д. Сусловой построено в рамках стилистики языка, и в соответствии с основными схемами анализа этого стилистического направления в работе отражаются только функционально-стилевые коннотации собственных имен (официальное, разговорное, книжное, нейтральное...). За пределами исследования остаются все изобразительные качества онимов и те содержательные связи, которые выявляют интенции автора в построении образов персонажей. Иначе говоря, в работе раскрыт узуальный механизм

употребления языка, свидетельствующий о принятых в данном обществе способах выражения. Ср. следующие выводы Т.Д. Сусловой: «Фамилия, произнесенная в присутствии лица, сигнализирует о некотором отчуждении, имеющейся дистанции, выражает оттенок неуважительности, несет подчас сниженный характер, звучит официально. При знакомстве через посредника фамилия, названная с титульным словом, характеризует называемое лицо как с точки зрения личностных отношений, так и его социальный статус. В среде военных фамилия с титульным словом является уставной» [Сусллова 1986: 8].

Примерно к таким же результатам приходят и другие исследователи [Мурадян 1988; Шойбонова 1999; Терехова 1974], которые пытаются вскрыть закономерности употребления литературных онимов в контексте социально типизированных условий общения. Тем самым они ограничивают предмет исследования коллективными возможностями употребления языка. Так, И.В. Мурадян, проанализировав антропонимию прозы А.С. Пушкина, заключает, что « в прозаических произведениях основная авторская номинация героев вполне соответствует норме именования в русском обществе... Рассматривая примеры основной авторской номинации героев художественного произведения, следует отметить такую важную их особенность, как нейтральность. Действительно, даже при высокой вариативности авторской номинации все варианты наименований (имя и отчество, личное имя и фамилия) нейтральны...» [Мурадян 1988: 154-155].

В таком контексте трудно не согласиться с В.П. Григорьевым, который считает, что прозаические тексты являются ограниченно годными к функциональному анализу онимов. «В филологической литературе внимание исследователей направлено обычно на отдельные, так называемые «говорящие» имена (Скотинин, Печорин, Сквозник-Дмухановский, Карамазовы, щедринские фамилии и т.д.). Во многих случаях, особенно в прозе, материал собственных имен и не дает ничего существенного для постановки более широкой задачи исследования» [Григорьев 1976: 101]. Постулирование ограничений на исследование собственных имен в художественной прозе кажется уместным применительно к методам анализа на уровне стилистической системы языка. Эти методы, естественно, не отражают закономерностей функционирования литературных собственных имен. Отнесение структурно-системных описаний к функциональному анализу носит метафорический характер и имеет смысл только как обозначение сферы возможной содержательной характеристики языкового материала, извлеченного из текста. Иначе говоря, анализ собственных имен через систему языка дает весьма общую картину особенностей их употребления в художественном тексте. Кажется вполне очевидным, что вне текста значение собственного имени всегда будет обладать только смыслом, определяемым семным сочленением, свойственным слову как единице языковой системы.

По нашему мнению, оттекстовый аспект анализа должен ориентироваться на когерентный (целостный) текст, в котором собственное имя приравнивается к композиционному элементу (не единице текста). Идея оттекстовой аспектизации состоит в том, чтобы эксплицировать речевой смысл, актуальный для данного онима, и те условия, в которых он реализуется. Под «речевым смыслом» можно понимать то содержание означающего, которое оно получает в контексте как знак художественного образа. В таком понимании речевой смысл равен референции, если характеризовать последнюю как результат соотношения смысла языкового выражения с актуальной ситуацией действительности [Попов, Трегубович 1984: 67-72]. Получается, что собственное имя обладает неограниченными пропозициональными связями. В нем нет узувальных зон отнесенности к предмету, кроме исторических (текстовых и внетекстовых) условий возникновения данного собственного имени. Следовательно, речевой смысл собственного имени не является единой или постоянной величиной, а его дестабилизация зависит от внутренней динамики и логики развития образа в художественном тексте.

Чтобы показать, насколько далеко могут разойтись текстовые значения одной онимической формы, приведем пример из рассказа И.А. Бунина «Я все молчу».

В качестве методики анализа использовалось последовательное соотнесение собственного имени с характеризующими его предикатами.

ШАША

*В сапогах с лакированными голенищами
Наигрывал на дорогой ливенке
Деньги не переводились
Одевался щеголем
Женился чудесно*

ШАША

*Стоит распояской, согнувшись
Корявое бородатое лицо
В разбитых сапогах
Босой, в лохмотьях*

ШАША

Слепой и калека.

Имя *Шаша* служит и точкой отсчета, и кульминационной точкой в эволюции личности персонажа. *Шаша* – это и детское прозвище, и прозвище слепого калеки. Оно релевантно любому состоянию героя. Этот пример показывает, насколько текучим может быть речевой смысл онима. Как только в употребление вовлекаются языковые средства, характеризующие денотат, смысловые пределы собственно-

го имени неизмеримо расширяются по сравнению с его общезыковой семантикой. Применительно к художественной литературе в этом случае принято говорить об изоморфизме между семантикой онима и доминирующим смыслом в содержании образа [Чернухина 1977].

Вполне очевидными иллюстрациями служат топиализированные (тематические) онимы, то есть те, которые вынесены в заголовок текста. Например, бунинские произведения характеризуются частотным использованием собственных имен в функции заглавия, ср.: *Степа, Руся, Зойка и Валерия, Таня, Галя Ганская, Генрих, Натали*. В заголовочной позиции собственные имена выступают доминантам темы, как концептуально сформировавшееся целое, которое потенциально включает определенное число обозначителей. Наше мнение о персонажах, носящих данные имена, складывается после прочтения произведения, до этого процесса мы не в состоянии сказать что-либо о специфике значения каждого имени. Н.А. Кожина отметила, что в позиции заглавия собственные имена выполняют репрезентативную функцию, которая сводится к представлению «внутренней заданности текста» [Кожина 1988: 175-176]. Она считает возможным интерпретировать тексты с заголовочными собственными именами как элементы «некоторой литературной парадигмы». Очевидно, этот тезис может быть применен к циклическим образованиям, объединенным по тематическим или ассоциативным признакам, которые оказываются симметричными характерной семантике онима.

Описание коннотации собственных имен сквозь призму лексического значения вызывает определенные трудности, связанные с квалификацией «дополнительной информации». Поскольку она содержится не в наименовании, а в дополнительных сведениях о предмете, есть основания вывести ее рамки значения языковой единицы. К такому заключению приходят многие ученые. Н.И. Толстой настаивает на том, что информацию (не для всех одинаковую), которую несет собственное имя, не следует смешивать со значением, семантикой [Толстой 1970: 200]. К такому же мнению склоняется В.Д. Бондалетов, считая невозможным квалифицировать сведения о носителе собственного имени как подлинно лингвистические [Бондалетов 1970: 25-26]. Сказанное достаточно очевидно. Для нас гораздо важнее подчеркнуть другое. При функционировании слова в художественной речи следует принимать во внимание, что номинативный словесный знак связан ономастическим отношением как с денотатом, так и с содержанием произведения. В первом случае границы речевого значения собственного имени устанавливаются параметрами денотата. Второй случай – следствие того, что собственное имя входит в структуру текста как знак художественного образа и обнаруживает свое речевое воплощение в означающих последнего.

Поэтому в теории художественной речи считается важным, чтобы анализ языковых средств не отрывался от содержания произведе-

ния, его смысла. Об этом писал В.В. Виноградов»: «Означающее или выражаемое средствами языка содержание литературного произведения само по себе не является предметом лингвистического изучения. Лингвиста больше интересуют способы выражения этого содержания или отношение средств выражения к выражаемому содержанию. Но в плане такого изучения и содержание не может оставаться за пределами изучения языка художественной литературы. Ведь действительность, раскрывающаяся в художественном произведении, воплощена в его речевой оболочке; предметы, лица, действия, называемые и воспроизводимые здесь, внутренне объединены и связаны, поставлены в разнообразные функциональные отношения. Все это сказывается и отражается в способах связи, употребления и динамического взаимодействия слов, выражений и конструкций во внутреннем композиционно-смысловом единстве словесно-художественного произведения. Состав речевых средств в структуре литературного произведения органически связан с его содержанием и зависит от характера отношения к нему со стороны автора [Виноградов 1980: 31]. С этих позиций мы полагаем существенным характеризовать речевую семантику собственных имен как особый тип значения, который, в отличие от коннотации, представляет не дополнительную, а основную информацию, отражающую содержание знака художественного образа. Кажется вполне уместным квалифицировать данное значение как эстетическое, появляющееся лишь при порождении текста как результат референции.

В дискурсе смысловая доминанта имени собственного определяется связью не с совокупностью атрибутов денотата, а с позднее развивающимся понятием-представлением, которое содержит дополнительные оттенки значения логического или эмоционально-экспрессивного характера. Именно такие собственные имена иногда предлагают называть коннотативными онимами (коннотонимами). Таковы, например, все переносные употребления собственных имен (обычно литературных), которые используются не для идентификации, а для характеристики человека: как *Манилов*, как *Чичиков*, как *Базаров*. На способности онимов изменять тип значения, возможно, основан переход собственных имен в нарицательные. И такие производно-нарицательные онимы всегда используются с той или иной коннотацией – положительной или отрицательной. Все случаи транспозиции собственных имен, по-нашему мнению, следует относить к дискурсивным явлениям. Другое дискурсивное явление – «концептуализация» собственных имен. Под концептуализацией собственных имен мы понимаем способность онима выражать содержание общественного языкового сознания. Оним-концепт – это уже единица коллективного сознания со специфическим семантическим содержанием, которое отличается как от языкового содержания собственного имени, так и от его речевых (текстовых) значений.

Представим, что кто-то употребил имя *Моцарт*. Практически любой носитель языка соотнесет это имя с представлением о «великом композиторе», а не с представлением о пятилетнем мальчике, написавшем в этом возрасте музыкальное произведение. Такое соотношение возможно лишь в том случае, если носителю языка знакома определенная совокупность текстов, характеризующаяся некоей доминантой в приписывании признаков данному имени.

Факты подобного рода (но в другом ракурсе) отмечены в работе Р.И. Хашимова [Хашимов 2005], в которой анализируются лингвистические знаки, выполняющие мировоззренческие функции. Рассматривая в этом свете собственные имена, Р.И. Хашимов пишет: «Имена исторических деятелей, известных реальных, мифических, литературных, изобразительных персонажей или их названия, прозвища приобретают функцию идеологем, так как начинают соотноситься с системой взглядов, идей и деяний конкретного лица. Так, Петр I – великий реформатор, Петр Великий, Николай II – Священная Особа, великомученик, Сталин – недоучившийся семинарист, отец народов, вождь всех времен и народов, Генсек, Горбачев – прораб перестройки, разрушитель СССР, Ельцин – всенародно избранный президент, первый президент России, дирижер, Дон Кихот – последний рыцарь, Дон Жуан – женолюб, волокита, Козьма Прутков – народный философ и т.д. и т.п.» [Хашимов 2005: 262].

С нашей точки зрения, не все кореферентные номинации, характеризующие подобные денотаты, приобретают функцию идеологем лишь в силу тех или установок субъекта. Некоторые обозначения формируются независимо от мировоззрения или от деяний конкретного лица: таковы, например, наименования *великомученик* применительно к Николаю II и *недоучившийся семинарист* применительно к Сталину. Подобные обозначения формируются в дискурсе, который связан с идеологией; однако они соотносятся не только с системой взглядов отдельного лица, но и с коллективными системами взглядов и представлений. Заметим, что эти коллективные системы могут существенно меняться, меняя дискурсивные значения собственных имен. В советском политическом дискурсе смысл имен *Николай II* и *Сталин* не мог содержать значений *великомученик* и *недоучившийся семинарист*. В этом плане язык – часть истории. Она фиксируется не в конкретном тексте (создаваемом или созданном), выявляющим речевые значения, а в совокупности текстов, в которых концептуализируются лишь определенные речевые значения. Совокупность, корпус, архив текстов, где вербализуются отношения между языком и историей, мы рассматриваем как дискурс.

Литератур

Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса /Общ. ред. П. Серно. М., 1999.

Кошечкина И.Г. К проблеме знака и значения в языке: Учебное пособие. М., 1976.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973.

Ермаченко М.Н. К общей теории имени собственного //Ученые записки Московского гос. пед. ин-та иностр. языков им. М. Тореза. Т. 55. 1970.

Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.

Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе //НДВШ. Филол. науки. – 1986. - № 4.

Арутюнова Н.Д. Номинация, референция, значение //Языковая номинация (общие вопросы). М., 1977.

Гак В.Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование //Вопросы французской филологии: Сб. трудов Московского пед. ин-та им. В.И. Ленина. М., 1972.

Сулова Т.Д. Антропонимы в тетралогии В.В. Катаева «Волны Черного моря» (антропонимические модели и их функционирование). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1986.

Мурадян И.В. Антропонимия прозы А.С. Пушкина. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1988.

Шойбонова С.В. Имя собственное в художественной литературе (на материале произведений бурятских писателей). Улан-Удэ, 1999.

Терехова Л.И. Стилистические коннотации антропонимов и их использование во французской литературе. Л., 1974.

Григорьев В.П. Ономастика Велимира Хлебникова (индивидуальная поэтическая норма) //Ономастика и норма. М., 1976.

Попов Ю.В., Трегубович Т.П. Текст: Структура и семантика. Минск, 1984.

Чернухина И.Я. Очерк стилистики художественного прозаического текста (факторы текстообразования). Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1977.

Кожина Н.А. Заглавие художественного произведения: онтология, функция, параметры типологии //Проблемы структурной лингвистики, 1984. М., 1988.

Толстой Н.И. Еще раз о семантике имени собственного //Актуальные проблемы лексикологии. Минск, 1970.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М., 1983.

Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избр. труды. М., 1980.

Хашимов Р.И. Идеологема и ее лики //Селищевские чтения: Материалы Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Афанасия Матвеевича Селищева. Елец, 2005.

М.В. Климова
г. Елец

Своеобразие структур переходного типа в русском языке (на примере функциональных онимов)

Языковеды XIX – XX веков открыли и проанализировали многие виды переходности в языке, создали теорию и типологию этого явления. При этом наметилось широкое и узкое понимание исследуемой проблемы. Г. Пауль в состав переходных структур включал не только случаи перехода из одной части речи в другую, явления контаминации, переходность на уровне разных промежуточных ступеней, но и случаи окказионализации и обособления [Пауль 1960]. Переходность может иметь место только между единицами, которые отличаются формальным сходством и противопоставлены функционально-семантически. Сближение единиц осуществляется за счет постепенного устранения функционально-семантических различий. На каком-то этапе одна единица приобретает признаки другой, сохраняя полностью или частично свои собственные. Такие языковые единицы составляют основу, ядро переходных структур.

Явление переходности охватывает все языковые уровни (лексический, словообразовательный, морфологический, синтаксический). А.В. Бондарко пишет: «Выражаемые в речи семантические комплексы всегда представляют собой результат взаимодействия нескольких грамматических категорий в их связях с лексикой и различными типами контекстуальной и ситуативной среды» [Бондарко 1996: 3]. Ср. взаимодействие падежных форм существительного, форм полных и кратких прилагательных, порядковых числительных и прилагательных и др. Особенно показательны в этом плане случаи лексикализации отдельных грамматических форм слов. Ср. *быки* (И.п. мн.ч. от *бык* «животное») и *быки* «столбы в речке для ограждения моста в период ледохода», а также *барашки*, *верха*, *низы*, *зады*, *леса*, *массы*, *часы* и др. [Прохорова 1996: 102]. Грамматическая форма множественного числа может проходить разные ступени по пути ее полной лексикализации. Ср. *решение* - *решения*, *увлечение* - *увлечения*, где форма множественного числа обозначает отдельные акты одного и того же действия; *небо* - *небеса*, *чудо* - *чудеса*, где форма множественного числа значит то же, что и форма единственного числа. Названия времен года (*весна*, *лето*, *осень*, *зима*) в творительном падеже могут употребляться в обстоятельственном значении и приближаться к статусу наречия (*приехал летом на каникулы*), сохраняя при этом и элементы существительного (*приехал ранним летом на каникулы*). Ср. утверждение М.В. Панова: «...в *Приехали утром* слово *утром* в такой же степени существительное, в какой оно и наречие» [Панов 1994: 15].

Некоторые лингвисты склонны считать отглагольные существительные формами глагола, а притяжательные прилагательные на – *ов*,

-ин – формами соответствующих исходных существительных. И для этого определенные основания есть. Отглагольные существительные имеют ряд общих с глаголом признаков: выражают действие (для существительных первичным является значение предмета), передают отдельные элементы видовых характеристик (ср. *спасать* - *спасание* и *спасти* - *спасение*, *носить* - *ношение* и *нести* - *несение*). В то же время от предметных существительных отглагольные отличаются некоторыми грамматическими и семантическими признаками: в большинстве случаев они не имеют форм множественного числа, не имеют богатого набора собственно предметных сем (одушевленность-неодушевленность, конкретность, собирательность, единичность, вещественность, родо- видовые семы). Прилагательные типа *папин*, *мамин*, *отцов*, *Сережин*, *Антонов* Е.А. Земская относит к явлению транспозиции [Земская 1992]. Действительно, конструкции *костюм отца* - *отцов костюм* тождественны по значению. Отличия касаются лишь степени распространенности (родительный принадлежности всегда возможен при другом существительном, тогда как притяжательное прилагательное далеко не всегда, субстантивная конструкция имеет более конкретное значение, адъективная – более широкое и обобщенное) [Зверев 1981:124-125]. Близость-отдаленность притяжательного прилагательного от исходного слова проявляется и в разном их написании – с заглавной или строчной буквы (*Сашина рубашка* – *сашина рубашка*), что наблюдается в современной печати (например, в книге Л. Леонова «Русский лес» такие прилагательные пишутся с маленькой буквы).

Если единица теряет свои собственные признаки и включает только признаки другой, она перестает быть переходной. Ср. наречие *почти* (бывшая глагольная форма), союз *хотя* (бывшее деепричастие) и др. В то же время многие деепричастия могут получать наречные значения, а наречия – выполнять функции служебных слов. Переходные структуры должны опираться на формальное сходство. Без такого сходства нет явления переходности. То есть переходная структура должна сохранять форму одной из соотносимых единиц, вбирая в себя смысловые и функциональные признаки другой. В этом случае одна единица может употребляться на месте другой и наоборот. Если между единицами нет формальной и функционально-семантической соотносительности, они не могут переходить одна в другую. Ср. прилагательные и субстантивированные прилагательные (существительные): они имеют общую формальную основу (адъективное склонение) и функционально-семантическую (ср. *дежурный* = дежурный врач, ученик и т.д.)). В то же время прилагательные и существительные переходить, например, в глаголы не могут: между ними нет формальной и функциональной соотносительности. Отглагольные существительные и прилагательные получили отдельные признаки глагола

(значение действия), но функцию глагола в языке выполнять не способны.

Более свободно возникают переходные структуры в пределах одной части речи. Ср. нарицательные и собственные имена, конкретные и абстрактные, единичные и собирательные существительные. Вместе с тем трудность изучения проблемы переходности усложняется ее многоаспектностью, тесной связанностью формальных и семантико-функциональных признаков. Актуальность же ее в настоящее время возросла в связи с тем, что язык исследуется не только как система форм, но и как речевая деятельность, как язык ситуаций, как язык живого общения. Переходные структуры – это результат живого взаимодействия языковых единиц в действии.

Наиболее подходящим объектом для изучения проблемы переходности является выяснение отношений между именами нарицательными (ИН) и именами собственными (ИС). Употребление ИН в значении ИС и ИС в значении ИН приводит к появлению множества переходных структур. ИС мы рассматриваем как идентифицирующие наименования, включающие и денотат, и сигнификат. Денотат в них, ассоциирующийся с лицом, занимает значительно более важные позиции, чем сигнификат, который представляется общим и отодвинут на задний план. ИН являются классифицирующими структурами, также имеющими денотат и сигнификат, но в ИН они или «уравновешены», или сигнификат выступает более весомым, чем денотат.

В языке и речи сигнификат ИС разный: в языке он беден и общ, ср. для фамилий – «по фамилии», для имен – «по имени», для прозвищ – «по прозвищу», в речи он достаточно богат, приближаясь в этом плане к сигнификату ИН.

Вслед за исследователями (Л.А. Булаховским, А.А. Белецким, А.В. Суперанской, В.Д. Бондалетовым и др.) мы не считаем границы между ИС и ИН абсолютными, между ними существует целое «переходное поле» [Булаховский 1953:102; Белецкий 1972:19; Суперанская 1978:33; Бондалетов 1983:28]. Из всех выделенных учеными случаев переходности (фамилии, названия жителей, названия предприятий, коллективов, топонимы, этнонимы, прозвища и нек. др.) наиболее полно данный языковой тип реализуется в прозвищах, а также в функциональных онимах. Последние близки к прозвищам, но в отличие от них выступают обычно единственными обозначениями лица. Они в большей степени являются структурами переходного типа, чем прозвища, так как сохраняют более тесные связи с производящими апеллятивами.

Функциональные онимы содержат указание на профессию, должность, занятие или род деятельности: *Писатель, Художник, Скульптор, Скрипач, Учитель, Студент, Генерал, Конструктор, Ди-*

ректор, Следопыт, Председатель, Пилот, Космонавт, Математик, Оленевод, Челнок, Банкир и мн.др. Они легко возникают в языке: любой апеллятив с таким значением может быть переведен в оним. Функциональный оним не просто называет лицо, выделенное из ряда других лиц, но одновременно характеризует его по роду деятельности, занятию и др. В структуре онима сохраняется сигнификат производящего апеллятива. Семантика функционального онима включает семы «лицо», «один из видов деятельности» (эти семы заимствованы у соответствующего апеллятива), а также семы «единичность», «уникальность», «конкретность». Они как бы совмещают в себе функции фамилии и прозвища. Уже в силу этого они всегда коннотативно значимы, в одних случаях в меньшей степени, в других – в большей степени.

Стилистическое и семантическое использование апеллятивов в номинации известных, конкретных лиц является показателем высокой степени унификации объекта, ср.: *«Но вот на сцену вышел Великий Скрипач. Присущим ему - единственным - движением Скрипач привлек к себе скрипку и кивнул пианисту ...»* (И. Поволоцкая. Сочельник); *«И тут в далях коридора возник Скрипач ... он словно бы подобрал наряд под футляр скрипки, которую нес в руках, точно треуголку»* (М.Рощин. Три ночи в Янах); *«Денег не было, холста не стало, краски кончались, оставалась беленая печка, на ней и вынужден был писать художник ... И вдруг Художник увидел, как в печь полетели куклы, игравшие только что свой счастливый спектакль»* (С.Ласкин. Вечности законник). Апеллятив *художник* в приведенном контексте имеет значение «живописец, герой произведения, живущий в бедности, не имеющий нормальных условий для работы и т. д.», то есть указывает на конкретное лицо с некоторыми признаками идентификации объекта. Номинация героев онимами *Художник*, *Скрипач* усиливает идентификацию объектов, подчеркивая в них творческое начало. Сравнивая семную структуру коррелятов *художник - Художник*, *скрипач – Скрипач*, основное отличие находим в отсутствии - наличии определенной коннотации: оба слова имеют общую предметную основу, но в *Художник*, *Скрипач* содержится еще сема «единичность» плюс коннотативный элемент «творческое начало, величие».

Конкретность и уникальность обозначаемого лица подчеркивается не только написанием слова с прописной буквы, но и отдельными лексико-грамматическими средствами, используемыми в данной речевой ситуации. Ср.: *«Я вижу старого Профессора, по привычке пришедшего в оставленную для него в подвале факультета Христа ради каморку»* (О.Крышталь. Даже молча мы кричим...); *«В кабине лифта кроме Скульптора и его жены больше никого нет»* (В.Сидур. Памятник современному состоянию); *«Для тех, кто в палате, он был просто Механизатор. А что Механизатор, так это потому, что при-*

везли его прямо с поля. От агрегата» (О. Гончар. Ночь мужества). В приведенных примерах унификация объектов строится на формулах: любой профессор - этот Профессор, любой скульптор - этот Скульптор, любой механизатор - этот Механизатор. В основе имен Профессор, Скульптор, Механизатор денотат представлен конкретным лицом, а сигнификат отражает понятийные признаки соответствующих нарицательных имен. Ср. также средства, усиливающие конкретность ситуации: указание места постоянного жительства Профессора (подвал), наличие жены у Скульптора, указание места работы Механизатора (привезли прямо с поля, от агрегата).

Особую группу составляют наименования лиц, относящихся преимущественно к категории служащих: Комендант, Редактор, Директор, Председатель, Врач и др. Например: «Мимо прошел Комендант в кителе без погон, подозрительно зыркнул на Кайдановского ... - Скоро другой у вас будет комендант, - сказал Комендант. - Я в тюрьму пойду. Халатность допустил» (Н. Галкина. Сказки для сумашедшего), «Я исправно ходил в Комендантское Управление, надеясь найти в списке свою фамилию. Но Комендант, видимо, не торопился, и не только своей фамилии, а зачастую я не видел и самого списка» (В. Корсак. У белых). Лексема комендант имеет значения: «1. Начальник войск крепости или укрепленного района. 2. Военный начальник, ведающий надзором за правильным несением гарнизонной и караульной службы, за дисциплиной военнослужащих в общественных местах, за сохранением порядка в гарнизоне. 3. Военный начальник на путях передвижения войск, на участках маршрутов, форсирования переправ. 4. Заведующий общественным зданием». Онимом Комендант 1 именуют коменданта общежития одного из ленинградских военных училищ. Комендант 2 в другом контексте - это военный начальник, служащий в Комендантском Управлении. В обоих случаях онимы возникли на основе разных ЛСВ одной и той же лексемы. Любопытно противопоставление семантики апеллятива и онима («... будет у вас другой комендант, - сказал Комендант»), свидетельствующее о вхождении сигнификата апеллятива в структуру онима с дальнейшей идентификацией последнего. Апеллятив может противостоять ониму в форме множественного числа, что, естественно, удаляет их сигнификаты друг от друга. Ср.: «Заходит в редакцию. Представляется секретарем. Он начинает забывать, как это происходит - переговоры с редакторами. Из кабинета выходит Редактор» (Д. Шраер-Петров. Старый писатель Форман).

В номинации данной категории лиц могут участвовать синонимичные апеллятивы (врач - доктор), например: «Его звал Врач, один из тех, кто правит этим миром ... Врач звал его во второй раз. Он уже был в этом кабинете на третий день стационарного лечения ...» (А. Лещинский. Золотые крылья); «На другой день после работы по-

шел к *Доктору*. Это был рафинированный, как принято выражаться, интеллигент. С чеховской бородкой. Со всеми держался на «вы», матерных слов, похоже, сроду не произносил. В квартире у него - как в операционной... » (В.Дегтев. Харизма). Синонимы *врач - доктор* дифференцируются на уровне языка коннотативными семами «интеллигент», «уважение», свойственные второму корреляту. Ср. значения онимов: *Врач* - врач психдиспансера, обладающий большой властью в данном учреждении; *Доктор* - врач, занимающийся частной практикой, человек высокой культуры и вызывающий к себе уважение.

Таким образом, функциональные онимы – разновидности речевых инноваций, создаваемых по продуктивному в настоящее время лексико-семантическому способу. Они обозначают уникальный объект, обладают четко выраженной внутренней формой, содержат признаки ИН и ИС в одной языковой единице, что подтверждает ее переходный характер. Такие онимы всегда включают оппозитивные признаки: номинацию и предикацию, денотат и сигнификат, предметно-логическое и коннотативное значения.

Литература

- Белецкий А.А.* Лексикология и теория языкознания (ономастика)/ А.А. Белецкий. – Киев, 1972.
- Бондалетов В.Д.* Русская ономастика/ В.Д. Бондалетов. – М., 1983.
- Бондарко А.В.* Предисловие / А.В. Бондарко // Межкатегориальные связи в грамматике. – СПб, 1996.
- Булаховский Л.А.* Введение в языкознание / Л.А. Булаховский.- Ч. II. – М., 1953.
- Зверев А.Д.* Словообразование в современных восточнославянских языках / А.Д. Зверев. – М., 1981.
- Земская Е.А.* Словообразование как деятельность / Е.А.Земская. – М., 1992.
- Панов М.В.* О грамматической нейтрализации / М.В.Панов // Лингвистические исследования. Эволюция и функционирование языка: Сб. науч. тр. – Екатеринбург, 1994.
- Пауль Г.* Принципы истории языка / Г. Пауль. – М., 1960.
- Прохорова В.Н.* Русская терминология (лексико-семантические образования) / В.Н. Прохорова. – М., 1996.
- Суперанская А.В.* Апеллятив – онома / А.В.Суперанская // Имя нарицательное и собственное. – М., 1978.

О.М. Кузнецова
г. Елец

Индивидуально-авторская замена компонентного состава фразеологизмов в художественных произведениях и эпистолярном наследии И.С.Тургенева

Все многочисленные способы фразеологических модификаций укладываются в две большие группы:

I. Структурно-семантические трансформации, основанные на видоизменении формы исходных фразеологических единиц;

II. Семантические преобразования, в которых отступления от традиционной структуры устойчивых сочетаний не наблюдаются.

Изменение лексико-грамматической целостности фразеологизма включает в себя ряд трансформаций:

§1. Замена одного из постоянных компонентов устойчивого сочетания лексемой того же семантического плана (синонимом или словом, близким по значению). Например: *"Я успел заметить, что при появлении Тропмана людской гам внезапно как бы свернулся клубом - и наступила б е з д ы х а н н а я тишина..."* (Литературные и житейские воспоминания: 416); исходная форма - *мертвая тишина* (ФССРЛЯ, I: 582).

"Мужик груб; ему что соловей, что зяблик - все едино. Не их р а з у м а дело" (Литературные и житейские воспоминания: 425); исходная форма - *не моего (твоего, их и т.п.) ума дело* (ФСМ: 134). *"Кучер мой... подошел и, не спуская с него в з о р а, медленно достал из-под полы кафтана тавлинку"* (Записки охотника": 95); исходная форма - *не спускать глаз /с кого, чего/* (ФССРЛЯ, II: 431). *"Нет, брат, не на того н а т к н у л с я. "Чего мне бояться?"* (Записки охотника": 137); исходная форма - *не на того напал* (ФСМ: 226). *"Он даже повторял эти, иногда тупые или бессмысленные, выходки и, например, в течение нескольких дней, ни к селу ни к городу, все твердил: "Ну, это дело д е в я т о е"* ("Отцы и дети": 159); исходная форма - *дело десятое* (ФСМ: 132). *"...он бросился бы оттуда, назад... в тот дорогой, теперь уже родственной ему дом, к ней, к излюбленным ее ногам... Но делать нечего! Надо испить ф и а л до дна"* („Вешние воды": 109); исходная форма - *испить (горькую) чашу до дна* (ФСМ, 321); *фиал* – у древних греков и римлян низкая и плоская чаша для возлияния во время жертвоприношений.

В письменной практике И.С. Тургенева данный вид трансформации представлен весьма широко (отмечено около 35 употреблений), поэтому в качестве иллюстративного материала приведены лишь отдельные примеры модифицированных подобным образом ФЕ.

§2. Замена нескольких компонентов ФЕ лексемами того же семантического плана. Например: *" - Это было мудреное, - промолвила она наконец со вздохом, - около пальца не обвертишь"* (Новь": 396); исходная форма - *обводить вокруг пальца* (ФСМ: 289).

§3. Замена одного из компонентов ФЕ словом иного семантического плана. Например: " – Эх, Федосья Николаевна! поверьте мне: все умные дамы на свете не стоят вашего л о к о т к а" ("Отцы и дети": 125); исходная форма - ногтя (мизинца, подметки) не стоит (чьего) (ФСМ: 457).

"... я всегда держу свои о б е щ а н и я: не правда ли, Ипполит Сидорыч?" ("Вешние воды": 106); исходная форма - держать (свое) олово (ФСМ: 137). "Прежде всего благодарю Вас за то, что даже на одре б о л е з н и вы меня не забыли" (Письма: 249); исходная форма - на одре смерти (ФСМ: 296). "Я убеждаюсь, что здешний климат мне по ш е р с т и" (Письма: 288); исходная форма - не по сердцу /кому, кто, что/. "...это Вы непременно должны написать — ибо это будет п е р л первой величины" (Письма: 484); исходная форма - звезда первой величины (ФССРЛЯ, I: 431).

Данный вид трансформации представлен в контекстах И.С. Тургенева 17 примерами.

От нормативного фразеологизма на большую (барскую, широкую) ногу образованы следующие трансформированные ФЕ путем замены одного из компонентов лексемой иного семантического плана: "Дом своей мать Литвинова тоже поставила на европейскую ногу..." ("Дым": 183). " - Душевно рад знакомству, - проговорил Василий Иванович, - только вы уж не взыщите: у меня здесь все по простоте, на военную ногу" ("Отцы и дети": 96). "Он... упомянул об одном молодом русском, некоем Соломине, который, по слухам, на отличную ногу поставил фабрику соседа-купца" ("Новь": 312). " - Я хочу только сказать, - спокойно продолжал Соломин, - что дворяне не привыкли к этого рода деятельности. Тут нужен коммерческий расчет; тут все надо поставить на другую ногу" ("Новь": 377).

§4. Замена нескольких компонентов устойчивых сочетаний лексемами иного семантического плана. Например: "Вдруг из бильярдной вышел человек, несколько растрепанный и н е с о в с е м т в е р д ы й на ногах" ("Записки охотника": 215); исходная форма - едва держаться (стоять) на ногах (ФССРЛЯ, I: 329). "...я сам, бывало, нарочно поддакивал из угла какому-нибудь глупейшему говоруну, который во время оно, в Москве, с восхищеньем о б л о б ы з а л бы прах ног моих" ("Записки охотника": 248); исходная форма - не достоин коснуться праху ног его. "Послушайте, - я все-таки женщина опытная и не буду з о в о р и т ь на ветер" ("Дворянское гнездо": 203); исходная форма - бросать (кидать) на ветер слова (ФСМ: 49). "Не сомневаюсь в том, что меня, как говорится, о т щ е л к а ю т на о б е корки" (Письма: 500); исходная форма - на все корки (ругать) (ФСМ: 206). "...она велела вам сказать, что черт не т а к о й ч е р н ы й, каким его и з о б р а ж а ю т" ("Дым": 219); исходная форма - не так страшен черт, как его малюют (Ж: 303).

§5. Замена другими словами всех компонентов фразеологизма при сохранении семантики исходного устойчивого сочетания. Например: *"У здешних русских высунулись рожи: но они уже смирились"* (Письма: 322); исходная форма - вытянулись лица (ФССРЛЯ, I: 228). *"По приезде сюда я был встречен следующей новостью: между всеми здешними мужиками и бабами ходил толк..."* (Письма: 545); исходная форма - носятся слухи. *"Надо было либо покориться и смиренно порест общей колее, либо отвернуться разом..."* (Литературные и житейские воспоминания: 261); исходная форма - идти избитой дорогой /путем/ (ФСМ: 182-183).

§6. Замена отдельных компонентов фразеологизма другими словами, в результате чего происходят более или менее ощутимые нарушения традиционной семантики исходных устойчивых сочетаний. Например: *"...сперва он рассказывал об одном своем соседе, который, состоял лет тридцать под бабшмаком жены, до того обабился..."* ("Рудин": 99); исходная форма - под башмаком (кого, чьим, у кого) находиться, быть (ФСМ: 33). *"Я получил письмо от Колязина... Он приехал ревизовать губернию. Он теперь в тузы вышел..."* (Отцы и дети: 39); исходная форма - выходить в люди (ФСМ: 98). *"...покойный государь Алексей Михайлович Романов говаривал: "Делу время, а потехе минут к у". А мы самому делу одну минуту посвятили"* („Несчастливая": 55); исходная форма – делу время, а потехе час (Ж: 123). *"Но нам не впервые с Вами покоряться печальной необходимости, особенно в нынешнем году – стало быть, толковать нечего"* (Письма: 345); исходная форма – делать нечего (ФСМ: 131).

Контекстуальные замены компонентов фразеологических единиц выполняют в литературном произведении те или иные художественные задачи. К ним относятся: усиление смысловой связи устойчивого сочетания с его словесным окружением, конкретизация характерной для многих фразеологизмов абстрактности, детализация значения фразеологических оборотов и т.п.

Благодаря указанным семантическим обновлениям, автор получает возможность более точно описать некоторые сюжетные ситуации, уточнить или конкретизировать отдельные понятия и т.д. Например: *"Я получил письмо от Колязина... Он приехал в ••• ревизовать губернию. Он теперь в тузы вышел..."* ("Отцы и дети": 39). Замена в приведенном примере компонента *люди* лексемой *тузы* конкретизирует обобщенный смысл исходного устойчивого сочетания, переносит значение данного трансформированного оборота на описываемое автором понятие.

"Но нам не впервые с Вами покоряться печальной необходимости, особенно в нынешнем году - стало быть, толковать нечего" (Письма: 345). В данном случае нормативный фразеологизм *делать нечего* – «иного выхода нет, иначе поступить нельзя; приходится примириться с чем-либо, обычно с тем, что есть» (ФСМ: 131) моди-

фицирован путем замены компонента *делать* словом *толковать* применительно к конкретным обстоятельствам. Абстрактное значение исходного устойчивого сочетания получает смысловую конкретизацию: „в создавшейся ситуации говорить (рассуждать, спорить) не имеет смысла”.

Сравним выполняемую трансформированными ФЕ аналогичную стилистическую функцию в следующих примерах: “ – Эх, Федосья Николавна! Поверьте мне: все умные дамы на свете не стоят вашего д о к о т к а” (“Отцы и дети”: 125); ср.: ногтя (мизинца, подметки) не стоит (ФСМ: 457).

"Прежде всего благодарю Вас за то, что даже на одре б о л е з н и Вы меня не забыли" (Письма: 249). Замененный в приведенном выше выражении компонент служит уточняющим словом, вносящим во фразеологический оборот дополнительный смысл (см.: ФЕ на одре смерти). *"...это Вы непременно должны написать - ибо это будет п е р л первой величины"* (Письма: 484). В данном примере слово *звезда* заменено компонентом *перл*. Фразеологический оборот *звезда первой величины* означает „известный, прославившийся человек”. И.С. Тургенев же говорит о высоких достоинствах художественного произведения. Этим оправдана произведенная им замена компонента нормативной ФЕ.

Уточнение отдельных понятий характерно для следующих фразеологических выражений, созданных путем соответствующих замен компонента нормативного фразеологизма *на большую (барскую, широкою) ногу* со значением „богато, роскошно, не стесняясь в средствах” (ФСМ: 283). Ср.: *"Дом свой мать Литвинова тоже поставила на е в р о п е й с к у ю ногу..."* („Дым”: 183). *„- Душевно рад знакомству, - проговорил Василий Иванович, - только уж вы не взыщете: у меня здесь все по простоте, на в о е н н у ю ногу..."* (“Отцы и дети”: 96). *"Он... упомянул об одном молодом русском, некоем Соломине, который, по слухам, на о т л и ч н у ю ногу поставил фабрику соседка-купца"* (“Новь”: 312). *"- Я хочу только сказать, - спокойно продолжал Соломин, - что дворяне не привыкли к этого рода деятельности. Тут нужен коммерческий расчет; тут все надо поставить на д р у г у ю ногу"* (“Новь”: 377).

Весьма интересным представляется используемый И.С. Тургеневым индивидуально-авторский прием, состоящий в замене стабильного компонента словом, выражающим общее значение исходной ФЕ, благодаря чему происходит уточнение семантики нормативного фразеологизма. Например:

"...я всегда держу свои о б е щ а н и я: не правда ли, Ипполит Сидорыч?" (“Вешние воды”: 106). В данном примере трансформации подвергся фразеологизм *держат (свое) слово* со значением „исполнять, выполнять обещание, обещанное” (ФСМ: 137).

Во многих случаях лексическая замена компонентов фразеологизма усиливает интенсивность понятия, выражаемого исходным устойчивым сочетанием. Например: 1) лить слезы - струить слезы: "Что до неприбытия Василя Петровича в Степановку, - я полагаю, с т р у и т ь слезы Вы не будете" (Письма: 359); 2) попадаться в руки (кого) - попадаться в лапы (кого): "Мне надобно такого, который сам бы меня сломил... Да я на такого не наткнушь, бог милостлив! Не попадусь никому в л а п ы, ни-ни!" ("Первая любовь": 22); 3) чужая душа - потёмки - чужая душа - темный лес: "Кажется, он ей нравится, а впрочем, господь ее ведает! Чужая душа, ты знаешь, т е м н ы й л е с, а девичья и подавно" („Дворянское гнездо": 79); 4) переполнилась чаша - перелилась чаша: "Он уехал, наконец. Этой капли только недоставало; чаша п е р е л и л а с ь" ("Гамлет Щигровского уезда: 247); 5) работать за двоих - работать за четверых: "И живет до сих пор Герасим бобылем в своей одинокой избе; здоров и могуч по-прежнему, и работает за ч е т в е р ы х по-прежнему..." ("Муму: 152).

В редких случаях слово, использованное автором для замены компонента фразеологизма, необычно для контекста и производит поэтому комический эффект. Например: "Я убеждаюсь, что здешний климат мне не по ш е р с т и" (Письма: 288); ср.: не по сердцу (кому, кто, что), „кто-то, что-то не нравится кому – либо”.

Проведенная в данной статье работа подтвердила, что фразеологическая трансформация как языковое явление представляет собой "набор" индивидуально-авторских приемов, заключающихся в целенаправленном видоизменении структуры и традиционной семантики фразеологических единиц.

Литература

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 1966; сокр. Ж.

Тургенев И.С. Собрание сочинений. – Т. I-XII – М., 1953-1958.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М., 1967; сокр. ФСМ.

Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. А.Н. Тихонова. – Т. I-II. – М., 2004; сокр. ФССРЛЯ.

И.И.Мясникова
г. Елец

Сопоставительная семантика глагола *исчезать* в русском и немецком языках

Вопрос о характере эквивалентности лексем с точки зрения их семантического устройства имеет большое значение для теории и ме-

тодологии сопоставительного изучения языков. Поскольку слова усваиваются как «самостоятельные, отдельные единицы, входящие в определенные контексты и служащие для образования разнообразных высказываний» [Минина 1973:3], то при изучении лексических систем двух языков нередко замечаешь, что они не только не совпадают, но и их лексические единицы не могут быть абсолютно тождественными. Данное обстоятельство отражает национальную специфику языка, который «выступает в качестве национальной культуры, поскольку слова фиксируют содержание, зависящее от условий жизни носителя языка – народа» [Слепцова 2006:409].

Однако следует признать, что языки отличаются друг от друга не только количественным составом словаря. Важное место занимает семантика слов, где лексема «представляет собой микромир, в котором отражается какой-то кусочек реальной действительности» [Филин 1983:271], а сущность лексического значения «выявляется прежде всего через содержание слова, в его соотносительности с объективно существующим миром вещей, процессов, явлений» [Алимпиева 1986:3].

Описание же явлений, процессов окружающего нас мира возможно с помощью «... наиболее сложной, грамматически организованной, отвлеченной и в то же время наиболее насыщенной, то есть непосредственно отражающей действительность, категорией языка» [Виноградов 1947:651] – глагола, изучение которого приобрело в настоящее время особую актуальность, особенно в рамках сопоставительного анализа лексических единиц.

Мир вещей, предметов, явлений настолько разнообразен, что их появление и исчезновение раскрывается перед нами с помощью глагольных лексем, среди которых «исчезать» занимает особое место. Во-первых, это связано с тем, что в человеческой практике и сознании исчезновение тех или иных предметов, звуков, мыслей, чувств, животных и т.п. в гораздо меньшей степени интересует людей, поскольку сам процесс исчезновения занимает десятую (последнюю – М.И.) фазу существования бытия в целом [Попов 1990:118]; во-вторых, данный пласт словарного состава мало изучен не только в русском языке, но и в немецком.

В связи с этим сопоставительное изучение семантики отдельных лексических единиц русского и немецкого языков, в частности глагола «исчезать», позволит нам обнаружить и рассмотреть специфические черты содержательной стороны лексического значения данного глагола.

Так, опираясь на материал академических словарей современного русского языка [2, 6, 10] по вопросу семантики глагола «исчезать (исчезнуть)» можно утверждать, что данная лексема многозначна и состоит из пяти лексико-семантических вариантов:

1) переставать существовать, наличествовать; (//оказаться неизвестно где или там, где невозможно найти, обнаружить;

пропадать, теряться), (// совершенно пройти, переставать обнаруживаться, проявляться (о чувствах, мыслях, знаниях, впечатлениях и т.п.);

2) становиться невидимым, незаметным; оказаться вне поля зрения; скрываться, пропадать, уходить из виду;

3) переставать слышаться, ощущаться, чувствоваться;

4) разг. Быстро или незаметно уходить, улетать, удаляться; покидать какое-либо место;

5) теряться, пропадать.

Каждый лексико-семантический вариант находит свое выражение и употребление в речи, текстах, произведениях художественной литературы.

Ср. *В апреле месяце, когда **исчез** снег со двора, первая картина была разработана.* (М. Булгаков. Театральный роман, с. 234). *Женщины **исчезали** за занавеской, оставляли там свои платья и выходили в новых.* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, с. 130). ... он [Раскольников] *вдруг поднял голову и пристально поглядел на нее: он встретил на себе беспокойный и до муки заботливый взгляд ее; тут была любовь, ненависть его **исчезла**, как призрак.* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, с. 402). – *Софья Ивановна, .. со стола моего, в комнате друга моего, Андрея Семеновича Лебезятникова, тотчас же вслед за посещением вашим, **исчез** ... государственный кредитный билет сторублевого достоинства.* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, с. 385).

В немецком же языке, согласно лексикографическим источникам [8, 12, 13], сущность лексического значения русского глагола «исчезать» отражается в ряде лексем: *schwinden, verschwinden, sich verlieren, entschwinden, entweichen, verfliegen* и другие. Однако более тщательный анализ семантики данных слов показал, что наиболее общепризнанными, стилистически нейтральными эквивалентами являются глаголы *schwinden* и *verschwinden*. Рассмотрим дефиниции данных лексем более подробно.

Schwinden – исчезать

1. «(Gehoben) schließlich restlos verschwinden, erlöschen, aufhören zu existieren» - (высокое) наконец полностью исчезнуть, прекратиться, перестать существовать.

*Meine Angst, meine Hoffnung **schwindet**.* [8 : 416] – *Мой страх, моя надежда **исчезает**.*

*Der Name **ist** mir aus der Erinnerung **geschwunden**.* [Там же] – *Имя **исчезло** у меня из памяти.*

2. «Allmählich entschwinden, verschwinden, sich entfernen» - постепенно скрываться, исчезать, уходить, удаляться.

*Ihre Gestalt **schwand** in der Dämmerung.* [13 : 1426] – *Ее фигура **исчезла** в темноте.*

Verschwinden – исчезать

1. «Unsichtbar werden, weggehen, wegfahren, wegfliegen» - становиться невидимым, уходить, уезжать, улетать.

*Sie **verschwand** im Gewühl.* [13 : 1719] – Она **исчезла** в толпе. *Er ist gleich nach dem Essen **verschwunden**.* [Там же] – После еды он немедленно **исчез**.

2. «Abhanden kommen, nicht mehr auffindbar sein» - пропадать, теряться, не быть более обнаруженным.

*Mein Schlüssel **ist verschwunden**.* [12 : 1312] – Мой ключ **исчез** (потерян).

3. «(Umgangssprache) sich unauffällig entfernen» - (Разг.) незаметно удаляться, уходить.

Verschwinde! [Там же] – **Исчезни!**

4. «Sich aus jmds. Blickfeld entfernen b dann nicht mehr sichtbar sein» - уходить, удаляться (скрываться) из поля зрения и не быть видимым.

*Die Sonne **verschwindet** hinter den Wolken.* [13 : 1719] – Солнце **исчезает** за облаками.

*Der Hirsch **verschwand** im Wald.* [8 : 416]– Олень **исчез** (скрылся) в лесу.

Своеобразие семантики глагольной лексемы неоднократно обсуждалось и продолжает обсуждаться в лингвистической литературе [Виноградов 1947:338-341]. Поскольку «по своему значению глагол представляет как бы свернутое предложение.., и поэтому его значение, по словам Н.Д. Арутюновой «требуется фразовой интерпретации» [Цит. по кн. Гайсина 1981:41], а именно выявление в значениях сопоставляемых слов слов базовых компонентов, из которых складывается содержание глагольных лексем.

Дальнейшее изучение семантики выделенных языковых единиц с помощью методики компонентного анализа позволило нам выявить основные базовые компоненты сопоставляемых значений глаголов.

Базовые компоненты значений	Глаголы		
	исчезать	schwinden	verschwinden
1. «перестать существовать»	+	+	—
2. «становиться невидимым», «уходить, уезжать»	+	—	+
3. «незаметно уходить, удаляться»	+	+	+
4. «оказаться вне поля зрения», «скрываться, удаляться из поля зрения»	+	—	+
5. «пропадать, теряться»	+	—	+

Данная таблица представляет предварительные результаты сопоставительного изучения семантики глагола «исчезать» в русском и немецком языках.

Как видно из таблицы, только один базовый компонент (3) является универсальным для глагольных лексем обоих языков. Остальные компоненты (1, 2, 4, 5) полностью соответствуют русскому глаголу и в той или иной степени отражают специфику употребления немецких глаголов. В то же время стоит также отметить, что лексико-семантический вариант «переставать слышаться, ощущаться, чувствоваться» как лексическое значение не существует в семантике рассмотренных немецких глаголов, а значит и не имеет места выделение базового компонента.

Литература

Алимпиева Р.В. Семантическая значимость слова и структура Лексико-семантических групп. – Л., 1986. – 179с.

Большой толковый словарь русского языка /Гл. ред. С.А. Кузнецов, - Спб.: «Норинт», 2000. - 1536с.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.-Л., 1947.

Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. – Изд. Саратовского униве., 1981. – 195с.

Минина Н.М. Семантическое поле в практике (немецкого) языка. – М.: «Высшая школа», 1973. – 140с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: Около 57 000 слов/Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1988. – 750с.

Попов В.Н. Русские глаголы со значение несуществования в их противопоставленности глаголам со значение существования//Вопросы языкознания. – 1990. – №1. – с. 114-127.

Рахманова И.В. и др. Немецко-русский синонимический словарь: Ок. 2680 рядов/И.В. Рахманова, Н.И. Минина, Д.Г. Мальцева, Л.И. Рахманова. – М.: Рус. яз., 1983, - 704с.

Слепцова Л.А. Сопоставительный лингвокультурологический анализ синонимических рядов глаголов созидательной деятельности в русском и английском языках// Актуальные проблемы соврем. лингвистики. Тихоновские чтения: Мат-лы международной конф-и, посвященной 75-летию профессора А.Н. Тихонова. Т.1. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. – с. 408-413.

Словарь современного литературного языка в 17 томах. – М.: Рус. яз., 1991.

Филин Ф.П. Проблемы исторической лексикологии русского языка. – В кн.: Славянское языкознание: IX Междунар. съезд славистов. Киев, сентябрь 1983, - М., 1983.

Wahrig Gerhard. Deutsches W. Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag GMBH, 1997.

Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Dudenverlag: Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich, 2003.

О.Ю. Пищулина
г. Елец

Метафорический перенос в названиях узоров русских кружев

Ведущее место в образовании терминологии кружевоплетения, несомненно, занимают переносные наименования. Термины кружевоплетения, созданные путем образного осмысления признаков, явились результатом желания и стремления человека дать яркое и одновременно доступное для понимания представление об именуемых предметах и явлениях.

Большинство терминов кружевного дела образуется путем сопоставления внешних признаков предметов (формы, общего вида, цвета). Внешнее сходство сопоставляемых предметов, используемое для образования терминов кружевоплетения путем переноса и метафорического изменения значений первичных наименований, в подавляющем большинстве случаев обнаруживается прежде всего в структуре их общего внешнего вида, в частности, при назывании рисунков и узоров.

Широкое распространение в русском кружевном деле имели растительные орнаменты - стилизованное изображение разнообразных цветов, деревьев и т.д. Наиболее часто встречающиеся названия таких узоров: *репей, репейк, листья, листки, листочки, деревца, цветы, цветочки*.

Одним из излюбленных узоров русских кружевниц была распущенная гвоздика с зубчатыми краями - *репей*. Слово *репей* обладает рядом значений, одно из которых, как отмечает И.И.Срезневски, - "узор в виде зубчатых листков или цветочков" (Срезн., III : 222) - развивается как вторичное путем метафорического переноса наименования, основанного на внешнем сходстве реалий (растение → узор, подобный его листьям или цветам). Дальнейшая семантическая эволюция лексемы *репей* идет по пути расширения содержания понятия, например, у В.И.Даля - "узоры, городки, разводы с пучёчками, с цветами" (Даль, IV : 92).

Обращает на себя внимание заметная несхожесть мотивировочных признаков: южн. *репей*, север, *розетка* - из франц. гозеИе - деревянное или лепное архитектурное украшения в виде розы.

Орнаменты с элементами в виде каких-либо повторяющихся листьев обозначались лексемами *листья, листки, листочки*. Авторы словаря XI-XIII вв. указывают для лексем *лист* и *листочек* значение "узор в виде растительных листьев". Значение *узор* в виде листьев развивается как вторичное путем метафорического переноса наимено-

вания, основанного на внешнем сходстве реалий (Сл. XI-XUI, VIII : 238-239).

Один из видов растительного орнамента - орнамент, включающий стилизованное изображение деревьев - в старорусском языке носил название *деревице*. Основное значение слова *деревице* - "уменьшительное к *дерево*" (Сл. XI-XUI, IV : 221). Семантическая эволюция данной лексемы (развитие значения "*узор*" в виде деревьев) сходна с изменениями в семантике описанных выше лексических единиц *репей* и *листьё, листки и листочки*.

Орнаменты с элементами в виде каких-либо повторяющихся цветов обозначались в кружевном деле словами родовыми (*цветы, цветочки*) и видовыми (*розы, маки* и т.п.). Профессиональные слова образованы при помощи метафорического переноса по сходству —> узор, подобный *цветам, розам, макам*. *Цветы, цветочки* (= цветок) - "часть растения, обычно имеющая вид венчика из лепестков, окружающих пестик с тычинками" (Евгеньева, IV : 635).

Роза. Прямое значение: "декоративный кустарник с крупными махровыми, обычно ароматными, цветками разнообразной окраски и со стеблями, покрытыми шипами, а также цветки этого растения" (Евгеньева, III : 726). Значение новое, переносное - узор *в виде* розы.

Мак - прямое значение: "травянистое растение с крупными цветками, содержащее млечный сок и дающее плод в виде коробочки с мелкими семенами" (Евгеньева, II : 216). Переносное значение: узор *в виде* мака. Узоры *маками* могут быть в форме цветка мака, а также в форме маковой коробочки.

Одно из значений полисемантического слова *звезда*, реализуемое в системе терминов кружевоплетения, - узор в виде геометрической фигуры, изображающей звезду. По-видимому, развивается это значение путем метафорического переноса по чисто внешнему сходству реалий. "Звезда - геометрическая фигура с остrokонечными выступами, равномерно расположенными по окружности; фигура с лучами, исходящими от центра" (Евгеньева, I : 60) —> узор *в виде* геометрической фигуры, изображающей звезду.

Кружочки - так кружевницы называют повторяющийся орнамент округлой формы. *Кружочки* - мн. ч., уменьш. от *круг* - "предмет, имеющий округлую форму кольца" (Евгеньева, II : 136).

Веточка - растительный орнамент, изображение которого напоминает мастерицам сучки молодого дерева или кустарника. Возникло из прямого, номинативного значения слова: "Ветка" - боковой отросток, побег, идущий от ствола дерева (кустарника) или стебля травянистого растения" (Евгеньева, I : 157).

Аналогичным образом возник ряд других наименований рисунков: *тарелочки, пышка*.

Тарелочки. По виду этот рисунок действительно напоминает тарелку. "Тарелочка - столовая посуда круглой формы с плоским дном и приподнятыми краями" (Евгеньева, IV : 341).

Пышка. Орнамент, по своей форме напоминающий пышку. Этот рисунок, выполненный частой решеткой, имеет именно выпуклую форму, а не просто округлые контуры.

Ситуация на "языковом поле" с синонимичными номинациями "пышка" и "денежка" весьма интересна. Она еще раз показывает, что в пределах терминологии кружевоплетения встречаются случаи не столь четкого, а "бытового" восприятия реалии в момент ее номинации. Это объясняется, по всей видимости, не научным, а народным взглядом на реалии номинации. Мы имеем в виду характер мотивации термина "пышки" в значении "рисунок круглой, выпуклой (подчеркнуто нами. - О.П.) формы" (Ожегов, 625) и "пышка" - "маленький гладкий плотный ромб". Таким образом, номинаторы называли "пышкой" и выпуклую и плоскую форму рисунка, хотя в общенародном языке, как ясно из приведенного нами толкования "пышки" С.И.Ожеговым, сема "пышная", т.е. круглая, имеет существенное значение.

И приведенный здесь и другие примеры показывают, что в народной речи "нормы номинации" более аморфны, чем это наблюдается в литературном языке, где норма значительно более строга во всем, в том числе и в отборе мотивировочных признаков.

Этим же мы объясняем "расплывчатость" мотивировочного признака при выборе номинации слова **денежка**: 1) узор в виде квадрата; 2) узор в виде ромба; 3) узор в виде параллелограмма (СРНГ, VII : 30). Трудно отыскать в реальной жизни "**денежку**" в виде квадрата, ромба или параллелограмма. Фактически у общенародного "денежка" и специального значения "денежки" нет общего семантического номинанта, общей семы.

Денежки - орнамент в виде поставленного на угол квадрата. В современных словарях данная лексема в этом значении не зафиксирована, и чем руководствовались кружевницы, когда давали такое наименование узору, предположить сложно.

Вагончики. Прямоугольники, следующие друг за другом и соединенные между собой тонким жгутом. Видимо, прямоугольники по форме напоминают кружевницам настоящие вагоны, следующие друг за другом. Отсюда и название одного из узоров кружевного дела.

Лимоны. Узор эллипсовидной формы с вытянутыми концами, напоминающий по форме лимон. Ср. "Лимон - овальный плод дерева лимона ..." (Евгеньева, II : 183).

Паелинки. Узор, напоминающий веер в раскрытом виде. С.И.Ожегов приводит 2 значения лексемы *веер*: "1. Небольшое, обыч-

но складное опахало, раскрывающееся полукругом. 2 перен. То, что имеет форму полукруга, усеченного с боков и книзу" (Ожегов, 1988 : 68).

Речка. Узор, напоминающий кружевницам волны. Но поскольку в России рядом с центрами кружевоплетения нет океанов и морей, но есть обилие рек, узор напоминает им волны именно реки. Отсюда и наименование рисунка.

Кирпичики. Ряд орнаментов, состоящий из одноцветных прямоугольников (преимущественно красного цвета). **Кирпичик** - уменьш. к кирпич - "предмет, имеющий форму прямоугольного бруска" (Евгеньева, II : 51). В данном случае перенос наименования указывает и на цвет: орнаменты тоже имеют преимущественно красный цвет.

Яркой особенностью терминологии кружевоплетения является наличие в ней большого числа терминов в форме существительного в творительном падеже: *огурцами, колесами, сердцами, корзинкой, корбочками* и т.д. Эти термины представляются нам результатом распада составных наименований, таких, как **рисунок огурцами, рисунок колесами, рисунок сердцами** и т.д., в которых творительный падеж выступает в качестве несогласованного определения, связанного с именительным падежом связью примыкания [Русская грамматика 1980, II : 65]. В этих многочисленных конструкциях устранено без нарушения понимания легко подразумеваемое "избыточное" слово "рисунок". В настоящее время они воспринимаются и профессиональными мастерицами, и рядовыми пользователями в качестве самостоятельных названий. Рассмотрим ряд таких форм.

[Рисунок] **огурцами.** Это продолговатый рисунок, не только напоминающий своими очертаниями огурец, но имеющий даже выплетенные плодоножку и выпуклые места, как у настоящего овоща.

[Рисунок] **колесами.** Это рисунок округлой формы, существенным отличием которого является наличие нитяных оси и спиц внутри круга, выполненного основной нитью.

[Рисунок] **корзинкой** (корзиночкой) - рисунок, по форме напоминающий корзину, внутри которой выплетена косая сетка, "подтверждающая", что корзина выполнена из прутьев.

Кружевницы, как видим на материале использованных наименований 3-х последних рисунков, абсолютно верны "художественной правде: они передают в рисунке не только общие очертания предмета, но даже его детали: плодоножку огурца, ось и спицы колеса, прутья корзины и т.д.

[Рисунок] **рёбрушками.** Плавные горизонтальные линии, идущие вдоль кружева, в некоторых местах пересекающиеся вертикальными толстыми плетешками, "ребрышками".

[Рисунок] **сердцами.** Несколько следующих друг за другом символов сердца.

[Рисунок] *серпом*. Узор, напоминающий по форме серп. Ср.: "Серп - ручное сельскохозяйственное орудие в виде сильно изогнутого мелко зазубренного ножа для срезывания хлебных злаков с корня" (Евгеньева, IV : 83).

Группа лексики кружевного дела, образованная путем метафорического переноса по сходству, очень многочисленна, разнообразна и незамкнута, т.к. кружевницы работают как художники. Они переносят на свои изделия очертания окружающих их предметов и дают им названия. Как правило, что вполне естественно, это предметы повседневного быта, отсюда они и получили свои наименования: *черенки, лапки, елка, стеклушки, блины, курица, барабаны, лапти, пёрушки, глазки, мушки, тёрка, паучки, месяцы, пряники, колосья* и многие другие.

Кроме названных различных узоров, несомненно, было много других вариантов одного и того же рисунка. Народная фантазия, образное мышление, наблюдательность, изучение сходства между предметами окружающего мира, естественно, порождало множество рисунков, заимствованных из самой жизни. А сходство реалий обуславливало и установление семантической соотнесенности родства между словами общенародного употребления и специальными терминами кружевоплетения.

Внешнее сходство сопоставляемых предметов, используемое для образования терминологии путем метафоризации, нередко бывает относительно случайным, как бы не имеющим очевидного логического и лингвистического обоснования. Это обстоятельство не является исключением, имеющим место лишь в анализируемой терминологии, оно характерно вообще для языка.

Л.А.Булаховский, наблюдая явления переноса наименований по сходству признаков на материале целого ряда языков, отмечал: "То сходство, по которому даются и переносятся названия, бывает, как уже замечено, зачастую очень относительным, очень случайным, и без всякой натяжки многие наименования, засвидетельствованные исторически, могут быть оценены как настоящие "произведения искусства" (Булаховский 1953 : 60).

Например, *сцепное немецкое калязинское кружево*. *Сцеп, оцепить* - это "скрепить, прицепив одно к другому" (Ожегов 1988 : 772). Однако в названном кружеве нет никакого видимого сцепления частей. Возможно, название образовалось оттого, что в этом кружеве соединились, "сцепились" традиции, мотивы, орнаменты немецкого и русского кружева, которое плели в г.Калязине Тверской губернии.

Судя по названиям рязанского кружева (*травчатое, ветка травчатая, ветка с виноградом*), основные мотивы были первоначально растительными. Эти названия сохранились и впоследствии, но сами узоры настолько геометризировались, что в настоящее время можно только догадываться об их растительной основе, да и, несмотря на названия *обрывной черенок и двадцать огурчиков*, узоры явля-

ются чисто геометрическими. Большие овалы насновки *огурчики* покрывают весь фон, среди них цепью проходят разного размера ромбы полотнянки. *Обрывной черенок* - один из вариантов сквозной косяк клетки с ромбовидным заполнением, которая была в это время принята по всей России.

Также обманчивы названия *корабли* и *полукораблей*: они совсем не изобразительны, хотя главный мотив имеет ладьевидную форму, и ромб над ним может наполнить парус. *Корабли и полукорабли* различаются лишь мелкими деталями.

Своеобразную эволюцию растительных мотивов в мотивы геометрические ярко иллюстрирует орнамент *речка с виноградом*. В современном кружеве плавный волнистый стебель превратился в зигзагообразный, на нем появились "городки". Лист оторвался от стебля, приобрел форму ромба.

Обращает на себя внимание тот факт, что общеизвестный мотив *паучок* (представляющий собой маленький овал полотнянки, связанный с другими двойными нитями), так же входит во многие местные рисунки, но в составе таких рисунков он уже называется *мушкой*. Известны случаи, когда в разных системах рисунки дают совершенно новые явления и, следовательно, названия. Таким же распространенным в русском кружеве мотивом является *пышечка*, называемая в других местах *денежкой*.

Сильно удлиненные узкие овалы, выполненные приемом насновки, очень напоминают по форме рыбок и именуется именно так. "Так и воспринимают их кружевницы. На недоуменный вопрос приезжей художницы: "Где же здесь рыбки?" - плетая ответила с удивлением! "Вот же плывут. Разве не видишь?" (Фалеева 1983: 131). Этот факт, так же как и многие другие, убедительно показывает, что рождение названий в кружеве геометрического рисунка есть результат последующей ассоциации в сознании кружевниц, а не заранее заданный сюжет.

Примером комбинации известных мотивов, дающей в результате новый рисунок, а следовательно, и новое название, может служить использование фигуры *копеечка*. Край *копеечки* в сочетании с зубцами *мысок* рождает узор *вороньи глазки*. Помещенные в три ряда, они называются *маковыми*. В Михайловском уезде *речка* нашла новое решение в совсем иной разработке поверхности и называется *змейкой*, или *куриной лапкой* (Климова 1993).

Одним из самых известных узоров в северных кружевах является *отметный*, рожденный сочетанием *большого наука* и *лепешки* с зубцами *бубенцы*. Объяснить такое странное название теперь уже крайне трудно. Возможно, как предполагает В.А.Фалеева, в нем "отметалось" что-то из еще более сложного рисунка, однако современные местные жительницы, как подчеркивает исследователь, уже ничего не помнят о его происхождении (Фалеева 1983: 133).

Трудно судить и о появлении термина *перами*. Узор представляет собой волнистую гирлянду листьев, с нее свисают стебли цветов, а на фоне в промежутках расположены фигурные розеточки. Быть может, это - диалектная форма от "перьями".

Таким образом, в сфере специальной терминологии, связанной с художественным воззрением мастериц, и денотаты и их обозначение характеризуется большой вариативностью и художественной субъективностью восприятия и языкового выражения.

В то же время и в этом промысле некоторая устойчивость традиций в назывании (характерная и для народной номинации, и для номинации в сфере литературного языка) сохраняется. Об этом свидетельствуют и данные исследователей истории кружевоплетения. Так, по свидетельству Н.Т.Климовой, долгое время петербургские кружевницы не знали, как выполняется "насновка", и стали пробовать плести на раздвинутых пальцах, без коклюшек. В результате этого "насновка" потеряла свою плотность, четкость формы, и ее стали называть *лепешкой*. Потом кружевницы овладели правильным приемом исполнения, однако и название, и мягкая форма насновки остались как особенность местного кружева (Климова 1993: 48).

Кроме названных выше мотивировочных признаков, сходство предметов может проявляться также в положении, которое они занимают, в образе их действия и т.д. И такой перенос нередко тоже имеет относительный или случайный характер. Данную группу названий рисунков образуют, как правило, составные термины, одна или даже обе части которых представляют собой результат метафорического переноса. Прежде всего к таким наименованиям относятся разновидности "края": *мысы, бубенцы, балалайки, павлинки, денежки, круги* и т.д.; в них первое слово **край** является прямым наименованием ("край" - предельная линия, ограничивающая поверхность или протяженность чего-либо" (Евгеньева, II: 119), а второе слово является переносным наименованием. Обратимся к примерам.

Край мыса - плотные, сильно выступающие, треугольные зубцы из простой решетки или полотнянки разной плотности (Ср. "Мысы - выдающаяся углом часть чего-либо" (Евгеньева, II: 317). Толчок для

8

переноса - выступающие зубцы. Зубцы могут быть красными и поэтому так и называются *красные мысы*; они могут быть светлыми - *суровые мысы*, где светлый треугольник подчеркнут цветной красно-синей узкой каймой. Треугольные зубцы часто делятся пополам - красный с черным, красный с синим - их так и называют *половинчатые мысы*.

Край бубенцы - полукруглые зубцы, редко расставленные, сильно выступающие из плотной цветной полосы. Ср.: "бубенец - полый металлический шарик с кусочками металла внутри, позваниваю-

щий при встряхивании" (Евгеньева, I: 120). Налицо образность по округлой и полукруглой форме.

Край балалайки - зубцы, следующие один за другим, смыкающиеся своими рассеченными полукружьями. Вероятно, эта разновидность кружевного края напомнила мастерицам очень распространенный у русского народа музыкальный инструмент. "Балалайка - русский народный щипковый музыкальный инструмент с тремя сторонами и корпусом треугольной формы" (Евгеньева, I: 51).

Аналогичное положение с термином *круги-край*, где часть составного наименования "круги" создана в результате метафорического переноса. *Круги* - узор кружев, состоящий из трех рядов ромбов, расположенных в шахматном порядке.

Ряд составных наименований со стержневым словом **край** весьма широк, зависимое слово может употребляться как в им.п. (павлинки, денежки и т.п.), так и в твор.п. (балалайками, цветками) и т.д.

В группу терминов, образованных путем сопоставления признаков функционального назначения, образа действия, состояния, положения, входят и другие наименования, как составные, так и одиночные.

Запонки вшивочек. Это часть рисунка, по форме напоминающая запонку. Она, подобно запонке, как бы **вшита** в основной рисунок. *Вшивочек* - прямое наименование, произведенное от глагола "вшивать".

Черепочки прошивные. Выполненные прошивкой растительные мотивы в кружеве, по форме сходные с черенками. "Черенок - отрезок стебля, корня и места растения, отделяемые для вегетативного размножения (Евгеньева, IV: 664). Как и в предыдущем случае, вторая часть термина - результат уже прямой номинации, возникшей на основе глагола "прошивать" что-то.

Цветами тонкий - результат распада более сложного составного термина "узор цветами тонкий" и выпадения обобщающей части термина. Позже наименование **цветами тонкий** стало восприниматься как самостоятельный профессиональный термин, первая часть которого является результатом метафорического переноса по внешнему сходству ("цветами"), а вторая **"тонкий"** - прямое наименование, указывающее на размер узора.

Суровые маковки. Этот кружевной узор по внешним очертаниям напоминает распущенный цветок мака. Опорное слово **маковки** образовано путем метафорического переноса. Зависимое же определение указывает на материал, из которого выполнено кружево - из суровых ниток. И в этом случае налицо переносное наименование, возникшее от прямого, номинативного. ("Суровый - грубый, небеленый (о ткани, нитках и т.п.)" (Евгеньева, IV: 308).

Аналогичным образом образованы профессиональные термины *колеса суровые* и *мысы суровые*.

Достаточно широкую группу в лексиконе русских кружевниц представляют в сфере метафорических образований составные термины, зависимые слова которых указывают на присутствие в орнаменте другого цвета. При этом иногда даже уточняется, какой именно цвет: *разноцветные решетки, жучками край с цветом, пышка с цветом, копытца цветные, запонки с красным огурчиками с белым, огурчиками с черным* и мн. др. Некоторые из этих наименований рассмотрим подробнее.

Огурчиками с белым (с черным). Первая часть термина является, как уже говорилось раньше, результатом метафорического переноса, вторая же свидетельствует о прямом назывании добавления контрастных цветов в узор кружева (белый, черный, синий, красный и т.д.).

Жучками край с цветом. Лексема *край* здесь употребляется в прямом значении: линия ограничивающая что-либо; *жучками* - рисунок, состоящий из одного ряда "паучков", заканчивающихся небольшими зубцами (краями), а слово "с цветом" указывает на возможность введения в узор нитей иного цвета, чем в основном кружеве.

Накладная мушка. Вид кружевного узора округлой формы. "Мушка" имеет вид выпуклого узелка, как бы наложенного на основной орнамент; следовательно, *накладная* - прямое наименование, образованное от глагола "накладывать".

Метафорический способ образования в сфере терминологии кружевного дела представлен достаточно широко и ярко, что вызвано функциональным многообразием реалий данного промысла и ярким, образным мышлением русских кружевниц - профессионалов, обусловивших отбор признаков, через которые осмысливались именуемые предметы.

Литература

Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. - Киев, 1953.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского словаря. - Т. 1-ГУ. - Изд. 2-е. - М, 1981-1982.

Климова Н.Т. Народный орнамент в композиции художественных изделий. Коклюшечное цветное кружево. - М., 1993.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - Изд. 2-е. - М., 1994.

Словарь древнерусского языка (X1-X1У вв.) в 10-ти томах / Гл. ред. Р.И.Аванесов. - Т. НУ. - М., 1988-1991.

Словарь русских народных говоров. - Вып. 1-XXУП. - Л., 1965-1992.

Словарь русского языка X1-XУП вв. Под ред. Г.А.Богатовой. - Вып. 1-XXIII. - М., 1975-1995.

Словарь русского языка XVIII в. - Вып. 1-X1П. - Л., 1984-1995.

Словарь русского языка. - Т. 1-ГУ / Под ред. А.П.Евгеньевой. - Изд. 2-е.-М., 1981-1984.

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. - Т. 1-Ш. - Изд. 2-е. - М., 1989.

Фалеева В.А. Русское плетеное кружево. - Л., 1983.

Р.И. Хашимов

г. Елец

О билексемах русского языка

В процессе формирования понятия о фрагменте объективной действительности, а этот процесс связан с вычленением какой-то части, единицы, коммуникативная функция языка определяет способы номинации. При этом процесс номинации может пойти по пути или заимствования, или использования существующих в языке единиц, так как при актуализации какой-либо единицы информации от человека или общества требуется немедленная языковая реакция. Результатом этой реакции при творческом поиске нужного слова-образа у писателя или при массовой актуализации какой-либо информации может стать как однословная, так и многокомпонентная единица номинации.

Одним из древнейших способов номинации является создание составных сложных слов при помощи соединения слов (ср. единицы из устного народного творчества: *ковер-самолет, скатерть-самобранка, сапоги-скороходы*). Подобные единицы представляют собой одну номинацию, соотносятся с единичной (*Москва-река*) или классом реалией (*инженер-строитель*), с единым понятием.

Слова типа *человеко-день, печи-лавочки, ракета-носитель, жар-птица, научно-технический, северо-запад* и др., имеющие одну и ту же номинативную сущность, для своего именованья не имеют единого и однозначного термина. Так, в последнем издании «Русский язык: Энциклопедия» слова *северо-запад, первоисточник, птицефабрика* И.С.Улукханов называет сложными [Улукханов 2003: 514-515], а В.В.Лопатин – сложносоставными [Лопатин 2003: 516] и приводит в качестве иллюстрации слова *торгово-промышленный, дом-музей* и даже идентичную единицу (*северо-запад*).

По мнению Н.М. Шанского, подобные единицы создаются путем сложения и «в зависимости от того, что объединяется в **целостную лексическую единицу** (выделено мной – Р.Х.) – основы или слова, сложение распадается на основосложение и словосложение. С помощью словосложения образуются сложные составные слова, распадающиеся не на морфемы, а на самостоятельные слова, имеющие структурно-грамматическое оформление. С помощью основосложения образуются сложные слитные слова, распадающиеся уже на морфемы и обладающие единообразием» [Шанский 1968: 269]. Термин **сложные составные слова** по отношению к единицам типа

плащ–палатка, генерал–майор, диван–кровать в смысловом отношении является весьма неоднозначным, так как элемент **составной** уже предполагает сложную структуру слова и трудно соотносится с понятием его цельнооформленности, а терминологичность названия данного языкового явления нивелируется трехкомпонентным словосочетанием.

Номинации типа *рабочий–рационализатор, старик–отец, поэт–песенник, молодец–удалец, утес–великан, скатерть–самобранка* и др. рассматриваются в составе приложений, определяемых как «вид согласования, при котором в роли определяемого и определяющего выступают существительные» [Михайлова 2003: 378]. В то же время от подобных приложений «следует отличать сложные слова (*изба–читальня, ясли–сад*), сочетания синонимического (*друг–приятель*), антонимического (*купля–продажа, прием–выдача*), ассоциативного (*хлеб–соль, руки–ноги*) характера» [Михайлова 2003: 380]. Аналогичным способом рассматриваются составные сложные слова в составе приложений и в специальных исследованиях [Чумакова 2001].

Характер взаимоотношений компонентов целостной единицы *рабочий–рационализатор* и *изба–читальня*, отнесенных к разным типам (приложению и сложным словам), по признаку наличия какого-либо качества, свойства, функционального признака и т.п. в принципе трудно различимы. Вне поля зрения академических изданий и специальных исследований остаются составные сложные слова, созданные на основе глаголов, числительных типа *пошло–поехало, есть–пить, живется–можется, два–три, пятнадцать–двадцать* и др., которые ничем не отличаются по способу номинации реалий от приведенных выше приложений или иных сложных слов. На особый характер цветowych сложений указывает В.В.Краснянский: «есть возможность представить адъективное сложение *свинцово–серый* как сочетание двух лексем, т.к. исторически такие сложения восходят к сочетанию наречий с прилагательными и в своей структуре отражают генетическую связь с этими сочетаниями. Но интерпретация цветowych сложений в системе современного русского языка может быть только одной – **это особые лексемы** (выделено мной – Р.Х.)» [Краснянский 2000: 8–9; 2006: 20–21]. Следовательно, по способу создания и характеру семантической структуры, по форме существования и функционирования такие слова лучше именовать **билексемами**. В последующем нашем изложении мы постараемся доказать обоснованность введения подобного термина.

Важнейшим признаком слов и фразеологизмов является их воспроизводимость, которая отличает их от свободных сочетаний слов и предложений, создаваемых в процессе речи. Являются ли таковыми билексемы как целостные единицы? Часть билексем (*жар–птица, бой–баба, пай–мальчик*) обладает связанным характером номинации компонентов, так как вне этих сочетаний один из компонентов обла-

дает прямым номинативным значением (*птица, баба, мальчик*), а другой – связанным значением (*жар, бой, пай*). Морфологическая изменяемость/неизменяемость первой части билексем обусловлена существующим в русском языке законом минимизации фонеморфологической структуры слов [Хашимов 2002; Конопкина 2005], которая ярко проявляется на уровне сложносокращенных слов. Однако с точки зрения семантической преемственности производные лексемы сохраняют значение исходной единицы словообразовательного процесса. Следовательно, существование билексем типа *жар–птица* обусловлено практикой речевого общения на данном (русском) языке. Основная масса билексем *друг–приятель, звать–величать, жить–поживать, город–герой, три–четыре, десять–двадцать* и т.п. представляет собой свободное агглютинативное сочетание слов, так как каждый компонент сохраняет свое номинативное значение, не предполагает наличие друг друга, и в этом они сближаются со свободными словосочетаниями, т.е., по терминологии Ю.С.Маслова, обладают позиционной и синтаксической самостоятельностью [Маслов 1975: 105, 107].

Хотя такой признак слов, как цельнооформленность, «не имеет того универсального значения, который ему придают, и вовсе не подходит для многих языков» [Маслов 1975: 106], он помогает отличить сложное слово от свободного или устойчивого словосочетания. Является ли билексема, как и слово, цельнооформленной единицей? На этот вопрос также вряд ли можно дать однозначный ответ, так как билексемы, как и словосочетания, чаще обладают двуударностью (*сте́жки–доро́жки, вопро́сы–отве́ты, ку́пля–прода́жа, ша́пка–уша́нка*) и обозначают сложное, но расчлененное понятие. Однако от словосочетаний билексемы отличаются линейной нерасторжимостью, т.е. она (билексема) не допускает фонетических разрывов, иных лексических вклиниваний, обладающих позиционной и синтаксической самостоятельностью. Важнейшим признаком билексем является их открытость, обуславливающая и прогнозирующая появление неологизмов на базе существующих в языке средств: *летчик-космонавт, космонавт-врач, космонавт-исследователь, космонавт-турист* и т.д. Можно предполагать, что с расширением/специализацией сфер деятельности человека в космосе возникнут номинации типа *космонавт-слесарь, космонавт-программист* и т.п.

От словосочетаний билексемы отличаются, во-первых, синтаксической самостоятельностью, т.е. они выступают в предложении, как и слова, самостоятельным членом предложения, во-вторых, характером сочетаемости компонентов. В русском языке свободные словосочетания образуются на основе флективной морфологии, подчинительных или сочинительных связей, и это обусловлено синтетическим строем языка (ср. *язык-основа*, с одной стороны, и *основа языка, языковая основа, основа и язык*, с другой стороны). Билексемы же создаются на принципах агглютинативной морфологии, свободного поряд-

ка компонентов (ср. *воспоминания-размышления, размышления-воспоминания, пить-гулять, гулять-пить, два-три, три-два*), что позволяет говорить о развивающейся тенденции аналитических языковых элементов русского языка не только в сфере образования грамматических форм, но и в сфере номинации. Аналитизм структуры и семантики, агглютинативный способ соединения компонентов номинативной единицы давно присущи русскому языку, как и флективный способ.

С точки зрения семантической структуры билексемы отличаются и от слов, и от свободных и устойчивых словосочетаний.

На наш взгляд, сложное понятие, сложная реалья может обозначаться и простой номинативной единицей, и словом, состоящим из нескольких корней, и составным наименованием. Вряд ли можно сомневаться, что простой единицей *двигатель* обозначается не совсем простое понятие, так как обозначаемая реалья представляет собой весьма сложное явление. Смысловая идентичность единиц *решить* и *принять решение* также вряд ли вызовет сомнение, хотя один и тот же фрагмент действительности представлен различными средствами. Следовательно, любое простое слово может репрезентировать сложный фрагмент объективной действительности. Чтобы раскрыть данный фрагмент, потребуется объяснительный, во многом энциклопедический способ представления знаний. Аналогичным способом можно представить сложное или простое понятие такой языковой единицей, которая состоит из двух или более компонентов, представляющих самостоятельные номинативные единицы.

Независимо от графического представления такие единицы, как *лесостепь* и *человеко-день, перекати-поле* и *быстрорастворимый*, воспринимаются как цельные номинативные единицы в силу, в первую очередь, семантической слитности при номинации явления действительности. Дефисное написание лишь подчеркивает аналитический, агглютинативный характер единицы и представляемой информации о сложной реалии. Ср. способ представления одной и той же единицы по данным Словаря языка А.С.Пушкина *час-от-часу* и *час от часу; с часу-на-час* и *с часу на час* [Словарь языка Пушкина, IV: 879]: *Голод час-от-часу становился ужаснее* (А.С.Пушкин. История Пугачева); *Лиза час от часу более нравилась Алексею.* (А.С.Пушкин. Барышня-крестьянка); *С часу на час должно было и нам ожидать нападения Пугачева* (А.С.Пушкин. Капитанская дочка); *Войско его [Пугачева] с часу-на-час умножалось неимоверно* (А.С.Пушкин. История Пугачева). Процессу лексикализации подвергаются целые словосочетания и предложения «путем ликвидации пробелов между словами. Производное отличается от производящих наличием контакта (или полуконтакта – при использовании дефиса вместо пробела между словами) выраженных видеорядом частей, напр., *словаслилисьводнуфразу* или *политика-как-продолжение-войны-другими-средствами*» [Попова,

Рацибурская, Гугунава 2005: 109]. Графическая интеграция (слияние, голофразис) разнородных языковых номинативных и служебных единиц подчиняется тому же закону – закону расширения и создания новой номинативной единицы путем агглютинации (независимо от наличия или отсутствия полуконтакта), так как автор новообразования пытается создать единый семантический комплекс, или синкретическое значение подобной номинативной единицы.

Сказочный зачин *жил–был* (*жили–были, жила–была*) не тождественен возможному словосочетанию *жил и (да) был* (*жили и (да) были, жила и (да) была*) по структуре и семантической наполненности, так как данную билексему в конкретном тексте нельзя соотнести с каким–либо одним из значений слов *жить* и *быть*, хотя контекст предполагает однозначность функционирования слов. Содержание слова *жил–был* носит концептуальный характер, так как репрезентирует концепт «житье, существование» во всей полноте: существовать, быть живым; быть поглощенным чем–л., увлеченным кем.–, чем–л.; считать что–л. главным в жизни; вести тот или иной образ жизни; пребывать, проживать где–л.; находиться с кем–л.; находиться, иметься, присутствовать; размещаться, располагаться; совершаться, случаться [Словарь русского языка, т. I: 130, 487]. Исходя из такого понимания данного слова, вряд ли можно согласиться, что билексема *житье–бытье* имеет только значение «условия существования; жизненный уклад» [Словарь русского языка, т. I: 487]. Концептуальный характер содержания подобных единиц обуславливает и их фразеологическую форму выражения: многие глагольные составные сложные слова имеют в реальном функционировании усеченную парадигму, чаще третьего лица или безличную форму, форму прошедшего времени и инфинитива, т.е. не используются во всех своих формах. Данные формы используются в устойчивых сочетаниях в качестве вопроса в значении «как здоровье, как поживаете» [Словарь русского языка, т. II: 305] – *как живете–можете, как живется–можется: «Здравствуй, друг родной! // Что ж ты не сказала?» // Поднялась, трясет // Головою дряхлою // И к руке идет, // Кланяется низенько... // «В дом иди». - «Иду-с». // «Как живется–можется?» // «Что-то не пойму-с». // «Как живешь, я спрашивал, // Все одна?» - «Одна-с»* (И.Бунин. Няня). Однако речь идет не только о здоровье, об условиях жизни. На наш взгляд, формула *живется–можется, живете–можете* имеет более абстрактный характер и обозначает все условия существования, в том числе и одиночество/совместное проживание, возраст, род занятий и т.п. Она (формула) представляет собой некий культурологический символ, так как сознание человека, антропоцентрическое по своей природе, проецирует на свою жизнь объективную действительность по аналогии с пространством и временем мира, воспринимаемого органами чувств в непосредственных ощущениях. Жизнь человеческая воспринимается в пространственных и временных координатах как нечто протяженное,

а условия жизни как некую систему, ограничивающую ее различными препятствиями, которые человек преодолевает сам или с помощью других людей, поэтому и возникает чаще безличная форма в виде *можется*. Следовательно, **билексема любого типа представляет собой особую номинативную единицу, которая обладает концептуальным содержанием, так как соединение в одну единицу пары слов, сохраняющих/преобразующих свою семантическую структуру, обуславливает синкретическое лексическое значение.**

Рассмотрим использование билексем вне фразеологических единиц, но приобретающих синкретическое номинативное значение.

В высказывании *«Когда высказал идею (купить собаку – Р.Х.), все вроде обрадовались, а потом начали обсуждать, кто будет за ней ухаживать, гулять–кормить»* (Комсомольская правда, 23 октября, 2006) билексема *гулять–кормить* не соотносится с каким-либо одним из значений, входящих в семантическую структуру слов *гулять* и *кормить*: **гулять** «1. Ходить, не торопясь, для отдыха, удовольствия; прогуливаться. 2. Разг. Быть свободным, от работы. 3. Прост. Веселиться, развлекаться; кутить. 4. с кем. Прост. Находиться в близких, любовных отношениях [Словарь русского языка, т. I: 356–357]; **кормить** «1. (сов. накормить). Давать корм, пищу. 2. (сов. прокормить). Доставлять средства для пропитания; содержать на своем иждивении. [Словарь русского языка, т. II: 104]. Билексема *гулять–кормить* представляет собой реализацию когнитивного признака «уход, забота о братьях наших меньших» и репрезентируется сложением слов, несущих новое синкретическое номинативное значение «ухаживать, приносить (покупать) корм для собак, продукты, систематически кормить (собаководы рекомендуются в одно и то же время), давать пищу и выводить на прогулку в определенное время; относиться как к члену семьи, нуждающемуся в особом уходе и особой заботе». В подобной билексеме трудно определить опорное слово, оно фактически обладает двумя ударениями, ни один из компонентов не является зависимым, не соотносится со словосочетанием *гулять и кормить*, не имеет полной парадигмы спряжения. Близкими по содержанию выступают билексеммы *кормить–поить, есть–пить*: *А у меня - глянь, угол-то сидит, ребятишек-то. Не чужие ведь. Я вон козу для них держу, поросенка выкармливаю... Тоже небось **пить-есть** просят.* (И. Бунин. Деревня). Однако в билексеме *пить–есть* концептуальное содержание сужено до биологического поддержания жизни человека, и билексема выступает в предметном значении «пища, еда».

Глагольные билексеммы довольно распространены в русском языке, хотя и отражаются в художественной, публицистической речи. Семантические последствия образования билексем весьма интересны, когда соединяются в одну пару и близкие и/или смежные по семантике единицы, и далекие по своей тематической принадлежности. Например, в строчках *Дымный ветер кружит и несет в небе ворона бо-*

ком. // *Конский след на бегу порошит-заметает...// Вон прохожий вдали. Истомлен на пути одиноком, // Мертвым шагом он мерно и тупо шагает* (И.Бунин. Жесткой, черной листвой шелестит и трепещет кустарник...) билексема *порошит-заметает* создает единый концептуальный образ реалии–ситуации: под воздействием ветра снежная пыль из–под копыт заметает конский след.

В стихотворении «Ковыль» И.А.Бунин использовал две единицы: компоненты одной билексемы далеки, а другой – близки по принадлежности к общей семантике (тематической отнесенности): *Не ковыль ли, старый и сонливый, / Он [ветер] качает, клонит и качает, / Вежи половецкие колышет / И бежит-звенит старинной былью?; Бледный день над сумраком забрезжил, // И рассвет ненастный задымился...// Что шумит-звенит перед зарею? // Что колышет ветер в темном поле?* Писатель использует два образа действия ветра *бежит-звенит, шумит-звенит*. В первом случае билексема состоит из различных по тематической принадлежности слов *бежать* (класс глаголов движения) и *звенеть* (класс глаголов звучания), во втором случае компоненты *звенеть* и *шуметь* относятся к одной и той же тематической группе глаголов звучания. В первом примере возникает значение «звонко разносить весть, рассказывать», во втором – «широко, звонко и несмолкаемо оповещать, рассказывать». Общей концептуальной семой является «звонко рассказывать». К образу «звонкости» писатель прибегает довольно часто: ср. *Внизу - шум волн, а наверху, как струны, // Звенит-поет решетка маяка. // И все плывет: маяк, залив, буруны, // И я, и небеса, и облака* (И.Бунин. На маяке). Билексема использует с единым синкретическим значением «ритмично издавать мелодичные звуки».

Билексема может создаваться путем соединения слов, самых неожиданных по своей семантике. Причем, речь не может идти об интеграции, суммировании значений, соединения синонимических/антонимических единиц. Сочетаются слова, принадлежащие различным семантическим полям. Рассмотрим следующий пример. «*В советское время Венгрию называли «самый веселый барак в лагере». Нам при нашем гуляш-коммунизме давали чуть больше свободы, чем остальным»* (Комсомольская правда, 10 октября, 2006). Неологизм *гуляш-коммунизм* создается за счет целого комплекса когнитивных признаков. *Гуляш* – это «мясное кушанье в виде мелких кусочков тушеного мяса (гл. обр. говядины) под соусом с перцем (венгерское национальное блюдо)» [Черных 1999: 226]. В данном контексте слово *гуляш* реализует не значение «кушанье», а определение *венгерский* в сочетании со значением «веселый», возникающим из ассоциации со словом *гулять*. Возникает совершенно новое значение – синкретическое значение «веселый коммунизм венгерского типа». Отсутствие изменяемой формы первого компонента только подчеркивает абстрактное значение.

Даже за единицами, сохраняющими парадигму изменения обоих компонентов, сохраняется какое-то синкретическое значение. Рассмотрим следующий пример: *Лохмотья, нож - и цвета черной крови // Недвижные глаза... // Сон давних дней на этой древней ноге. // Поют дрозды. Пять-шесть овец, коза* (И.Бунин. Калабрийский пастух). Билексема *пять-шесть*, во-первых, имеет перечислительное содержание и перечислительную интонацию, во-вторых, не несет точного количественного значения: она обозначает «1. приблизительно от пяти до шести; 2. от чуть больше/меньше пяти и до чуть больше/меньше шести; 3. приблизительно (возможно) только пять или только шесть». Билексемы, содержащие перечислительные числительные, всегда имеют синкретическое значение «от и до» и соответствуют модели «от приблизительно столько до приблизительно столько» [$\approx X \rightarrow \approx Y$] и отличаются в смысловом отношении от словосочетания *от пяти до шести*, которое указывает на точное количественное содержание какой-либо реалии. Следовательно, кроме количественных, собирательных (в некоторых классификациях – порядковых, дробных) числительных можно выделить и особый разряд перечислительных числительных, куда могут войти и часть порядковых билексем: ср. военную команду «*На первый-второй* (номера) *рассчитайся!*».

Анализ только билексем (парных лексем) в сфере существительных, глаголов, числительных и др. показывает, что они представляют собой особые имена фрагментов действительности, так как создаются единицы с синкретическим (концептуальным) значением. План содержания таких производных создается за счет семантического сближения, интеграции, трансформации существующего языкового материала. По характеру плана выражения они могут быть закрытыми, двучленными (типа *бой-баба, хлеб-соль, жили-были, купля-продажа, перекасти-поле*), и открытыми, многочленными (*инженер-конструктор-приборостроитель; жук-дровосек-корнеед; инженер-генерал-майор; радио-, видео-, телеаппаратура; овоще-, фрукто-, хлебозаготовки*).

Литература

Адливанкин С.Ю. К вопросу о системности словообразования (на материале производства сложных существительных с опорным компонентами *-ход, -лет, -воз, -вод*) // Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. Пермь, 1977.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии . – Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2001.

Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М., «Просвещение», 1973.

Изотов В.П. Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка): Дис. ...д-ра филол. наук. Орел, 1998.

Конопкина Е.С. Минимизация слов и морфем как явление словобразования. Авторф. дисс. ...канд. филол. наук. – Елец, 2005.

Краснянский В.В. Сложные цветообозначения русской речи. – Орехово–Зуево, 2000.

Краснянский В.В. Сложные цветолексемы в русской речи. – Орехово–Зуево, 2006.

Лопатин В.В. Сложносоставные слова // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н.Караулова. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003.

Михайлова М.С. Приложение // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н.Караулова. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003.

Телия В.Н. Номинация // Энциклопедический лингвистический словарь. М., 1990.

Палек Б. Кросс–референция: К вопросу о гиперсинтаксисе / Пер. с англ. Т.Н.Молошной / Б.Палек // Новое в лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. М.; Прогресс, 1978.

Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. - Воронеж, 1999.

Русская грамматика. Том I. – М., «Наука», 1980.

Словарь русского языка. В 4–х т. / АН СССР, Ин–т рус. яз.: Под ред А.П.Евгеньевой. – 2–е изд., испр. И доп. – М., Русский язык, 1981.

Словарь языка Пушкина. Т. IV. М., Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961.

Современный русский язык. / Под ред. В.А.Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Азбуковник, 1997.

Улуханов И.С. Сложное слово // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н.Караулова. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003.

Харченко В.К. Словарь-тезаурус детской речи. – Белгород, изд-во Белгородского гос. ун-та, 2001.

Хашимов Р.И. Об одном способе словообразования // Русский язык. Актуальные проблемы лингвистики и дидактики. – Елец, 2002.

Черных П.Я. Историко–этимологический словарь современного русского языка: В 2–т. 3–изд., Стереотип. М.: Русский язык, 1999..

Чумакова Ю.А. Семантическая структура приложений в русском языке // Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. – Елец, 2001.

Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М.: изд-во МГУ, 1968.

Л.И. Шелепова
г. Барнаул

О семантическом аспекте этимологического анализа

В комплексной методике этимологического анализа семантический аспект признаётся наиболее сложным и в то же время наименее разработанным [Откупщиков 1967: 198]. Это объясняется в первую очередь тем, что системность и закономерность семантических изменений далеко не столь очевидны, как в области фонетики, где устанавливаются ряды фонетических изменений и соответствий, и в области словообразования, где выстраиваются словообразовательные ряды, выявляются типы и модели. Некоторые ученые, ссылаясь на сложный, запутанный характер смысловых процессов, объявляют семантический критерий этимологического исследования вообще ненаучным, субъективным, основывающимся на «чутье», «здравом смысле исследователя» [Трубачев 1964: 100].

Вместе с тем уже во второй половине XIX в. в отечественном и зарубежном языкознании появляются работы, свидетельствующие о внимательном отношении их авторов не только к внешней стороне слов, но и к внутренней – смысловой. Как своеобразная реакция против убеждения младограмматиков в том, что развитие языка определяется «непреложными фонетическими законами», действующими со «слепой необходимостью», появились в последней трети XIX в. работы австрийского лингвиста Г. Шухардта, в том числе его этимологические разыскания, в которых исследователь доказывал, что фонетической и смысловой стороне в одинаковой мере присуща закономерность, что «степень вероятности этимологии зависит от достоверности наших выводов как в фонетической, так и в семантической области, причем обе области должны пользоваться одинаковыми правами» [Шухардт 1950: 210]. Н.В. Крушевский одну из глав «Очерка науки о языке» посвящает истории слов, главное внимание при этом уделяя их внутренней форме, закономерностям номинации [Крушевский 1883: 131 – 132]. Еще раньше Ф.И. Буслаев, пользуясь сравнительно-историческим методом, большое внимание уделял смысловой стороне речи. Заслуга Ф.И. Буслаева – в признании им наличия семантических закономерностей в языке [Буслаев 1852: 173]. Современник Ф.И. Буслаева – П.А. Лавровский, стремясь «проследить <...> все <...> превращения внутреннего слова, подметить все переходы его от одного значения к другому», отметил одну из тенденций развития значения – «от грубо вещественного до высоко духовного». В этом развитии он видел отражение постепенного изменения мыслительной способности народа, вообще его духовных сил [Лавровский 1853: 32].

Особенно отчетливо и целенаправленно проблема закономерности семантических явлений ставится в конце XIX в. в семасиологических исследованиях М.М. Покровского. В них утверждается мысль, что семасиологические явления, при всей их сложности и кажущейся

прихотливости, закономерны. М.М. Покровский, поставивший себе целью усовершенствование методов семасиологического исследования, одним из главных методических требований выдвигает необходимость изучать целые группы слов, относящихся к однородной группе понятий. Изучение слова «в связи с другими словами, синонимичными с ним, и, главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений», важно потому, что «семасиологический процесс распространяется на целые категории слов», «слова со сходным значением проходят сходную семасиологическую историю» [Покровский 1895: 12 – 29].

Мысль о необходимости анализа целых групп лексики, относящихся к однородной группе понятий (т.е. тематических и лексико-семантических групп, семантических полей и микрополей), оказалась весьма плодотворной в этимологических исследованиях XX в. «Этимологическое исследование тематических групп лексики, - пишет О.Н. Трубачев, - лучше всего позволяет нащупать типичные переходы значений и применить с пользой наблюдения над семантическими закономерностями в других близких случаях» [Трубачев 1961: 204]. О.Н. Трубачеву принадлежит идея создания семасиологического словаря, который отражал бы наиболее типичные случаи семантических изменений (на материале индоевропейских языков) [Трубачев 1964]. На основе этого замысла, до сих пор не осуществленного, в настоящее время создан проект «Каталога семантических переходов» [Зализняк Анна А. 2001].

Семантические закономерности, таким образом, выражаются в повторяемости определенных семантических процессов, в типовом, «стандартном» характере целого ряда семантических изменений [Откупщиков 1986: 52]. Повторяемость же семантических связей обуславливается, как правило, повторяемостью фактов реальной действительности, природной и общественной средой, материальной и духовной культурой носителей языка, поскольку значения слов отражают мир реальных. Отчасти семантические изменения и сочетания значений объясняются общими закономерностями человеческого мышления [Абаев 1960: 75; Лингвистический энциклопедический словарь 1990 : 596].

«Групповой подход» к этимологическому объяснению слов привел к тому, что опорой для семантического анализа в этимологических исследованиях становится «метод семантической типологии» («семантических параллелей», «изосемантических рядов»), когда в качестве доказательства предполагаемого развития значений (или возможности сочетания значений) приводятся случаи аналогичного развития (или сочетания) значений [Трубачев 1985: 15; Русский язык. энциклопедия 1998: 645]. Этот метод широко используется в современной этимологии и дал положительные результаты при исследовании различных лексических групп: названий аффектов и эмоций ,

родственных отношений , домашних животных , ремесленной терминологии, растений , болезней , слов со значениями «пропасть, исчезнуть», «худой» и др.

Представим данную методику на примере ряда конкретных этимологий, с широким привлечением (при конструировании «изосемантических рядов») лексических данных современных русских народных говоров

Древнейшее (первоначальное) значение слова *борщ*, сохранившееся в ряде русских говоров, - «особое растение со съедобной зеленью». Это название растения родственно др.-инд. *bhṛstís* «острие», др.-в.-нем. *burst*, нем. *Borste* «щетина», *Bürste* «щетка», лат. *fastigium* «верхушка, острие». Скорее всего, растение названо по форме своих острых листьев [Этимологический словарь славянских языков 1976: 131]. В результате действия закона семантического расширения на основе указанного значения у слова *борщ* развивается новое (переносное) значение, также отмечаемое в отдельных говорах русского языка, - «зелень, ботва у разных съедобных растений – свеклы, брюквы, турнепса». Далее, вследствие метонимического переноса (по смежности), у анализируемого слова появляется значение, известное в современном русском литературном языке, - «суп из зелени, ботвы, главным образом, из свеклы» [Меркулова 1967: 60-62].

Для доказательства достоверности предложенной семантической реконструкции большое значение имеет перенос «растение» > «пищевой продукт из этого растения», регулярный в литературном языке (ср.: *горчица, какао, кофе, чай*). Но особенно существенно в данном случае конкретное проявление этого переноса, наблюдаемого в диалектах: название съедобного растения > наименование супа из него, ср.: *пўчка* – «съедобное растение» и «щи» [Опыт областного великорусского словаря 1852]; *бот* – «ботва молодой свеклы, картофеля, тыквы» и «щи из ботвы свеклы или свежих овощей» [Словарь смоленских говоров 1974]; *ботва́* – «стебли и листья свеклы, картофеля и некоторых других овощей» и «холодный суп из свеклы с огурцами и луком; свекольник» ; *ботви́нник* – «стебли и листья свеклы и других овощей, пригодные для приготовления ботвиньи» и «окрошка, холодный борщ» ; *мо́рква* и *моркв́а* – «морковь» и «суп из баранины, приправленный морковью» [Словарь русских народных говоров].

Таким образом, в диалектной лексико-семантической группе «названия супов» наблюдается закономерность: исходное (первоначальное) значение у названий супов – «растение». Поэтому предложенная семантическая реконструкция слова *борщ* представляется убедительной.

Существует мнение о звукоподражательном характере слова *филин*, «видимо, заимствованного в литературном языке из говоров, в которых сочетание *хв* изменилось в *ф*» [(Аванесов 1949: 125]. Первоначально *хви́линъ* – «жалобный крикун» [Даль 1979]. В говорах отме-

чены родственные формы с этимологическим сочетанием *хв*: *хвилить* – «обижать, вводить в слезы», «расстроить, рассердить»; *хвилиться* – «болеть, слабеть» [Картотека «Словаря русских народных говоров»]. К переходу *хв* > *ф* ср. диалектные формы, возникшие в результате гиперкоррекции (гипернормализации): *фалить* – «хвалить», *фастать* – «хвастать», *фатать* – «хватать», *фойный* – «хвойный», *фост* – «хвост» и др. [Колосов 1877: 26].

Семантически предложенную этимологию подтверждают другие названия филина в русских говорах (также с звукоподражательным корнем): *ухалица*, *ухало* (от *ухать*) [Мельниченко 1961]; *бухало*, *бухалим*, *бухалица* (от *бухать* – «издавать глухие, отрывистые звуки, ухать (о выпи)», «завывать (о филине)»; *гугай* (вероятно, от *гугать* – «издавать восклицание, крик, похожий на «ух»; «глухо кричать») [Словарь русских народных говоров]. Показания русских говоров можно дополнить данными других языков, в которых названия филина также звукоподражательные: болг. *бу́хал* – «филин», болг. диал. *бух* – «филин», греч. *βύας* – «филин», лат. *būbo* – «филин» и т.д. [Фасмер 1964 : 254; Этимологический словарь русского языка 1965 : 240; Этимологический словарь славянских языков 1976: 79].

Таким образом, семантическая модель «жалобно кричать, завывать» > «филин», наблюдаемая в говорах русского языка и в других языках, делает достаточно убедительной в смысловом отношении этимологию: *хвилить* > *хвилин* > *филин* и сомнительными другие, приведенные в «Этимологическом словаре русского языка» М.Фасмера [Фасмер 1973: 194]: заимствование из голл. *uil* – «сова», сближение с лат. *filix* – «папоротник», сокращение имени собственного *Филимон*.

Вообще ономотопеи (звукоподражания) среди названий птиц весьма распространены во многих языках и их диалектах – явление, имеющее, несомненно, экстралингвистическую мотивировку. Так, С.С. Майзель, на основе изучения названий птиц в разных языках, конструировал изосемантические ряды: «петь : петух» и «издавать звук, петь : птица» [Старинин 1955: 107]. М.М. Гинатулин среди признаков, по которым мотивированы имена птиц, выделяет голос и в качестве иллюстрации этого приводит наименования: *грач*, *удод*, *кукушка*, *чибис* и другие [Гинатулин 1972: 46]. Считают, что и слово *дрозд* – звукоподражательного происхождения, так как «крик дрозда напоминает *дррти*» [Фасмер 1964: 541]. В подтверждение этой версии можно привести еще такие диалектные названия дрозда, как *трещотка* [Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: Дополнения] и *варакуша*, *варакушка* (от диалектного глагола *варакать* – «говорить вздор, нелепость; болтать») [Словарь русских народных говоров].

Однако лексические данные говоров позволяют поставить вопрос о возможности и иной этимологической трактовки рассматри-

ваемой лексемы – о связи названия дрозда и названия леса, растения, поля. Тем более что наименование птиц по месту обитания также не является уникальным (ср. *овсянка*, *ржанка*, *морянка* и другие названия птиц, приведенные в уже упоминаемой работе М.М. Гинатулина [Гинатулин 1972]. На материале русских говоров (с привлечением данных памятников древнерусской письменности) возможно выстроить следующие изосемантические ряды: *дрозд* – «колос овса», «головка репчатого лука», *дроздиться* – «колоситься» [Словарь русских народных говоров], *раздроздиться* – «разрастись» [Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: Дополнения] : *дрозд* – «птица»; *дрездить* и *дрездиться* – «куститься (о хлебных злаках)» [Словарь русских народных говоров], древнерусск. *дрязда* – «лес» [Срезневский 1989] : *дрезда* и *дрездун* – «дрозд» ; *деряба* – «трава непахучая, растет в лесу» [Словарь русских народных говоров], *дерябка* – «лесная малина» [Даль 1979] : *деряба* – «дрозд»; *дубровка* – «трава», «поле» : *дубровик* – «птица сем. дроздовых; дрозд белобровик» [Словарь русских народных говоров]. Возможно, *дрозд* первоначально – «лесная или полевая птица»? [Откупщиков 1967: 146-147].

Таким образом, отдавая должное «методу семантических параллелей» как способу объективной проверки правильности этимологического решения, следует вместе с тем подчеркнуть, что он не снимает всех трудностей семантического и ономазиологического анализа, связанных с противоречивым характером номинации и семантических изменений. Использование данного метода не во всех случаях дает однозначное, единственно правильное решение, поскольку в рамках той или иной лексической группы наблюдается скорее тенденция наименования по определенному признаку, нежели закономерность, причем таких тенденций может быть несколько, а не одна. Как подчеркнул в одной из своих работ Ю.В. Откупщиков, «значительная часть слов с одинаковой семантикой восходит к совершенно различным изосемантическим рядам. Расхождения типа рус. *стол* (ср.: *стлать*) – англ. *table* (ср.: лат. *tabula* – «доска») встречаются в языках, видимо, чаще, чем совпадения» [Откупщиков 1967: 200]. С другой стороны, бесспорно и то, что в определенной сфере выявляются основные номинативные направления, знание которых позволяет осуществлять прогноз с известной долей допущений, тем более что «этимологические построения <...> почти всегда носят относительный характер, являются гипотезой, которая в дальнейшем может быть уточнена, видоизменена, а то и вовсе отвергнута» [Маковский 1989: 19]. Как отмечает О.Н. Трубачев, «спорность определенного (значительного) числа этимологий – не повод для скепсиса или иронического неверия, но лишь обычная ситуация для наук объясняющих (не описательных)» [Трубачев 2003: 52].

Итак, современный этап развития этимологии характеризуется ориентацией «на семантику, на значение – смысл, на результаты, достигнутые в области диахронической и синхронической семасиологии и формулируемые в виде семантических «почти универсалий», фреквенталий и шире — типовых схем «смыслового производства» [Топоров 1994: 126].

Литература и источники

Абаев В.И. Как русское уклад «сталь» помогло выяснить этимологию осет. < ...> «сталь» // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 1. М., 1960.

Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949.

Буслаев Ф.И. Рецензия на «Словарь областных речений великорусского наречия» // Известия ОРЯС. Т. 1. Вып. 4. СПб., 1852.

Гинатулин М.М. Семантика слов и органы чувств // Иностранная филология. Вып. 1. Алма-Ата, 1972.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1979.

Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2.

Картотека «Словаря русских народных говоров» (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).

Колосов М.А. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия // Сборник ОРЯС. Т. 17. № 3. СПб., 1877.

Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. Казань, 1883.

Лавровский П.А. Замечания об особенностях словообразования и значения слов в древнем русском языке // Известия ОРЯС. Т. 2. СПб., 1853.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990

Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений. М., 1989.

Мельниченко Г.Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.

Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.

Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967.

Откупщиков Ю.В. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии: книга для учащихся. 3-е изд., испр. М., 1986.

Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков. М., 1895.

Русский язык: энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1998.

Словарь смоленских говоров / под ред. А.И. Ивановой. Вып. 1 – 4. Смоленск, 1974 – 1985.

Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1 – 23), Ф.П. Сороколетов (вып. 24 -). Л. – СПб., 1966 - . Вып. 1 - .

Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: Дополнения / под ред. О.И. Блиновой, В.В. Палагиной. Ч. 1-2. Томск, 1975.

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: в 3-х т. Репринтное издание. М., 1989.

Старинин В.П. К вопросу о семантическом аспекте сравнительно-исторического метода (изосемантические ряды С.С. Майзеля) // Советское востоковедение. 1955. № 4.

Топоров В.Н. Из индоевропейской этимологии. V (1) // Этимология 1991 – 1993. М., 1994.

Трубачёв О.Н. Задачи этимологических исследований в области славянских языков // Краткие сообщения Института славяноведения. 1961. № 33 – 34.

Трубачёв О.Н. «Молчать» и «таять». О необходимости семасиологического словаря нового типа // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964.

Трубачёв О.Н. О семантической теории в этимологическом словаре ... // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985.

Трубачёв О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования. 2-е изд., доп. М., 2003.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М., 1964 – 1973.

Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950.

Этимологический словарь русского языка / под ред. Н.М. Шанского. Вып. 1 – 9. М., 1963 – 1999.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 1 – 30. М., 1974 – 2003.

В.М.Шетгэля
г. Москва

О семантике фразеологизмов польского и русского языков

Польский язык, являясь языком близкородственным по отношению к русскому языку, также как и русский язык, подвергся похожими фразеологообразующим процессам и влияниям, в результате которых в его фразеологической системе образовались единицы во многом подобные единицам русского языка.

Таковыми схожими как по форме, так по смыслу будут, например, единицы: *alfa i omega* – **альфа и омега** в знач. ”начало и конец; самое главное”, *Ameryka odkryc* – **открывать Америку** «провозглашать

всем известные истины», pięta Achillesa – *Ахиллесова пята* „наиболее уязвимое, слабое место”, w głębi duszy – *в глубине души* „втайне”, w mgnienie oka – *в мгновение ока* „очень быстро, мгновенно, моментально”, w ogień i wodę – *в огонь и воду* „на любые самоотверженные поступки, на все, жертвуя всем, не раздумывая”, na cały głos – *во весь голос* „громко оповещать о чем-либо”, wodzić za nos – *водить за нос* „обманывать”, wszyscy jak jeden – *все как один* „дружно”, całym sercem – *всем сердцем* „искреннее”, wstać z lewej nogi – *встать с левой ноги* „быть в плохой настроении”, cena grosz – *грош цена* „не имеет никакой цены”, robić z muchy słonia – *делать из мухи слона* «сильно, необоснованно преувеличивать что-либо, придавать большое значение чему-либо незначительному» и многие другие.

Заметно, что чаще всего при сравнении тождественности фразеологических единиц польского и русского языков не наблюдается в них полной формальной идентичности всех его компонентов. Полное совпадение заметно во фразеологизмах *альфа и омега*, *грош цена*, *в мгновение ока*, а в других случаях некоторые из компонентов все же «переводится», напр.: *делать из мухи слова* в польском языке слово *делать* «переводится» на *robić*.

Кроме того поляки *не вставляют палки в колеса*, а *вставляют их в спицы* (wstawiać pałkę w szprychy); *пишут не вилами на воде*, а *прутиком* (pacykiem na wodzie pisane), что должно обозначать «действие сомнительное, маловажное». Они «ловят мухи», когда хотят сказать, что «бездельничают». Данное выражение соответствует русскому *бить баклуши*.

Во многих случаях тождество (схожесть) фразеологических единиц польского и русского языков обусловлена генетикой этих единиц. Заимствованными в польском и русском языках являются, напр.: jabłko Adama – *Адамово яблоко* в знач. „кадык”, wziąć kurs – *взять курс* – «намечать определенную цель» (все из немецкого языка); apetyt przychodzi w czasie jedzenia – *аппетит приходит во время еды* «о том, что во время какого-то дела приходит заинтересованность, увлеченность»; wieża z kości słoniowej – *башня из слоновой кости* «о предмете мечтаний, оторванных от жизни» (из французского); być albo nie być – *быть или не быть* „выражение колебания при принятии какого-либо решения” (из английского); miasto wieczyste – *вечный город* «о Риме» (из латинского языка).

Некоторые схожие по форме и семантике фразеологические единицы польского и русского языка могут иметь разный источник заимствования. Так, например, все генетические старославянизмы русской фразеологии были заимствованы русским языком из священных книг, переведенных на старославянский или церковнославянский из греческого языка. Таким образом, старославянский язык был посредником для современного русского языка в заимствовании таких, например, единиц как: *беречь как зени-*

цу ока, имя им легион, в том время, когда польский язык заимствовал эти единицы из латинского языка (strzec jak oka w głowie, takich jak oni jest legion). И если сравнивать фразеологизмы *имя им легион* и takich jak oni jest legion, то отметим определенные семантико-стилистические несоответствия между ними. Дословно польский фразеологизм переводится: «таких как они есть легион» и не обладает той более высокой стилистической нагрузкой, что поэтизированное выражение русского языка.

Полукалькированными заимствованиями с разными значениями с использованием одного и того тюркизма *баш* „голова” в польском языке будет фразеологизм *baśka grascje* (дословно: *голова работает*) *голова на плечах* и *баш на баш* „одно на другое (при обмене), услуга за услугу”.

В польском языке существует большая группа единиц, которые можно сопоставить с русскими только в плане семантики. Напр., для фразеологизма *вгонять в краску* в том же значении «приводить в смущение, заставлять краснеть кого-либо» в польском языке имеется оборот: *spieć raka* (дословно: «свариться до красноты, до которой варят раков»), а для единицы *взяться (браться) за ум* – «становиться благоразумнее» – имеются в польском два синонимические обороты: 1) *rójść po rozum do głowy* (дословно: «пойти в голову за разумом») ; 2) *przybyło oleju w głowie* (дословно: «прибавилось в голове подсолнечного масла»). Поляки шутливо считают, что большой ум зависит от количества, имеющегося в голове подсолнечного масла, «олея» (*olej*). Один из персонажей «Трилогии» Г.Сенкевича пан Заглоба для прибавления ума шутливо советовал шляхтичу грызть семечки подсолнуха и запивать их вином. Объяснял он это так: вино ударяет в голову, а масло, как известно, всегда на поверхности и, таким образом, ума в голове прибавляется.

Многие единицы польского языка имеют смысловые эквивалент в русском языке, хотя и не построены с помощью неодинаковых слов, напр.: *brać na swoje barki* (дословно: «брать на свои плечи») - *брать в свои руки*; *co do joty* - *буква в букву* («с учетом каждой «йоты», «йота» - буква польского алфавита); *I tyle jego widzieli* («и только его видели») - *был таков*; *w różowych okularach* («в розовых очках») - *в розовом свете*; *widzieć setno sprawy* («видеть суть дела») - *видеть насквозь*; *czyżby o to chodziło* («развие в этом дело») - *вот оно что*; *dwie sroki za ogon* («хватать две сороки за хвост») - *гнаться за двумя зайцами*; *nawarzyć piwa* («наварить пива») - *заварить кашу*; *jak spod gupny* («как из водосточной трубы») - *как из ведра*; *jak śnieg za kołnierz* («как снег за шиворот») - *как снег на голову*; *o wilku mowa* («о волке речь, а он тут») - *легок на помине*; *słoń na ucho nastąpił* («слон на ухо наступил») - *медведь на ухо наступил*; *widzieć jak ucho u śledzia* («увидеть ухо у селедки») - *не видеть как своих ушей*; *połamania nóg* («шутливое пожелание сломать ногу») - *ни пуха ни пера*; *ni rak ni ryba*

(«ни рак ни рыба») - *ни рыба ни мясо*; kto sieje wiatr («кто сеет ветер») – *ни с того ни сего*; jak wiatr w polu («как ветер в поле») - *отбиваться от рук*; palcem w bucie nie poruszyć («пальцем в ботинке не пошевелить») - *палец о палец*; odpłacać tą samą monetą, płacić pięknym za nadobne («платить прелестным за прекрасное») - *платить той же монетой*; znać jak swoje pięć palców («знать как своих пять пальцев») - *собаку съел* и др. (Семантику данных единиц в русском языке см. в ниже указанной литературе). Можно признать, что выражение *знаться за двумя зайцами* весьма колоритно, особенно это обнаруживается при сопоставлении его с польским аналогом «хватать две сороки за хвост».

В отличие от перечисленных, если сравнивать фразеологические обороты польского и русского языка, то обнаружим там и единицы похожие по своему строению, но различные по своей семантике. Напр., исконное русское *знаться по пятам* «преследовать кого-л., не отставая» имеет омонимичную пару в польском языке *gonić w piętkę* „быть уставшим», что, вероятно, из польской охотничьей терминологии в знач. «думать нелогично, ошибаться», потому что, если собака «гонится в пятку» – то бежит в обратную сторону следа, удаляется от преследуемого зайца. Межъязыковым омонимом будет также выражение: *rać nie przykładając* (дословно: «ничего не делая») и *не покладая рук* («работать усердно, без усталости, непрерывно»).

При рассмотрении этих специфических «общих» фразеологических единиц польского и русского языков можно отметить и единицы взаимно заимствованные. Польским выражением в русском языке будет выражение *падать до ног*, часто употребляемое в XIX в. Это выражение имеет даже в русском языке свою историю, оно отмечено в словарях, употребляется известными русскими авторами.

Выражение *padam do nóg* в русских текстах употреблялось в двух значениях: 1) оборот, обозначающий приветствие или прощание, соответствующий русским: «ваш покорный слуга, честь имею кланяться»; «Падам до ног (*padam do nóg*) – Честь имею кланяться» (Достоевский, Роман, с.296): «Ни у одного из славянских племен не сохранилось может быть, как, у поляков, патриархального обычая – наружными знаками изъявлять почтение родителям и старейшим родственникам. Упасть к ногам, целовать колени – это такие обыкновенные действия при свидании, разлуке, или каком-нибудь важном обстоятельстве жизни, - что и теперь везде можно встретить» (Коллокация, с.73 – 74); «Падам до ног, как говорит приятель наш Симонович» (Достоевский, Роман, с.296).

2) «выражение уступчивости, угодливости, низкопоклонства – с польского» (Михельсон, Рус.мысль, т.2, с.3; Михельсон, Ходяч.слова, стб.302: «Горчаков «*padał do nóg*» всего аристократического в Польше» (Берг, Замоиский, с.103); «вероятно эти люди выдумали бы и не самолюбивое приветствие «*padam do nóg*», еслиб оно, прежде них не

было выдуманно» (Моск.вед., № 165, 30 июля 1863); «Едва ли им по вкусу возвращение осуществления *padam do nóg* – от чего они, под владычеством России, совершенно отвыкли» (ВЮ-ЗиЗР, октябрь, 1862, кн.4, т.II, с.3); «Так как теперь уже вывелись магнаты и дворы их, то эти господа выбрали своим покровителем общество и служат своему многочисленному повелителю, в лице многочисленных его представителей, угрожая им с прежней сноровкой: лестью и унижением, благодаря этим пролазам, *padam do nóg* не умерло в народе, в своем полном значении» (Моск.вед., № 165, 30 июля 1863); «Пáдам до ног, ясневельможный пане!» начинают обыкновенно свою просьбу, спуская свой голос на самый низкий тон» (Сев.пчела, № 83, 28 марта 1863).

Русизмом в польских текстах будут переписанные на польский алфавит выражения: *gdzie pies zakopany, kazjonnyj szcot, Potiomkinowskie sioła* и некоторые другие.

В польском языке находим и фразеологические единицы, не имеющие аналогов в других языках. Спецификой польской фразеологической системы являются, например, единицы: *władca absolutny* (дословно: «полный властелин»); *udzielić absolutorium* («одобрить деятельность уходящему правлению»); *robić komu afront* («быть невежливым по отношению к кому-то»); *głodny kawał* («плохо придуманная некрасивая история») и других.

Краткий словарь наиболее частотных фразеологизмов в русском и польском языках

Альфа и омега – *alfa i omega*

Ахиллесова пята – *pięta Achillesa*

Без лишних слов – *bez zbędnych słów*

Без руля и ветрил – *sam sobie żeglarzem, sterem, okrętem* (дословно: „сам себе мореходом, рулем, кораблем”, из сонет А.Мицкевича).

Битый час – *bitą (całą) godzinę*

Бить баклуши – *łowić muchy*

Ближе к делу – *przejdźmy do sprawy*

Бок о бок – *ramię w ramię*

Более или менее – *mniej więcej*

Более того – *tym bardziej*

Больше (более) всего – *tym więcej*

Брать в свои руки – *brać na swoje barki*

Брать верх – *być górą*

Брать пример – *brać przykład*

Бросать слова на ветер – *rzucać słowa na wiatr*

Бросаться в глаза – *rzucać się w oczy*

Будьте любезны - *czy mogę (poprosić) prosić*

Будет что будет – co będzie to będzie
Буква в букву - co do joty
Был таков – I tyle go widzieli
Была не была – będzie co będzie
В большинстве случаев – w większości przypadków
В глубине души – w głębi duszy
В крайнем случае – w ostateczności
В лучшем случае – w najlepszym przypadku
В мгновение ока – w mgnienie oka
В огонь и воду – w ogień i wodę
В первую очередь – przede wszystkim
В первых рядах – w pierwszym szeregu
В порядке вещей – taki stan rzeczy
В последнее время – ostatnimi czasy
В поте лица – w pocie czoła

В противном случае – **w przeciwnym przypadku**

В розовом свете – w różowych okularach
В свое время – w swoim czasie
В свою очередь – swoja kolej rzeczy
В случае чего – w razie czego
В собственные руки – do rąk własnych
В таком случае – w takim razie
В то время как – w tym czasie jak
В то же время - w tym samym czasie
В том числе – w tej liczbie
В худшем случае - w najgorszym przypadku
В центре внимания – w centrum uwagi
В чём дело ? – o co chodzi ?
Валится из рук – wypadać z rąk
Валиться с ног - padać z nóg
Валять дурака - strugać wariata
Вверх дном - do góry dnem
Вверх ногами - do góry nogami
Вгонять в краску - spiec raka
Вдоль и поперёк - wzdłuż i poprzek
Вертеться на языке - mieć na końcu języка
Ветер в голове – wiatr w głowie
Взять в свои руки - brać w swoje ręce
Взяться за ум – pójść po rozum do głowy; przybyło oleju w głowie
Видеть насквозь - widzieć setno sprawy
Вилами на воде писано - patykiem na wodzie pisane
Висеть на волоске – wisieć na włosku
Вкладывать душу – duszę włożyć
Владеть собой – sprawić się z sobą

Вносить вклад - włożyć swój wkład
Во весь дух – co jest siłą
Во весь голос – na cały głos
Во весь рост – na cały wzrost
Во всяком случае – w każdym bądź razie
Водить за нос – wodzić za nos
Во что бы то ни стало – co by to nie było
Войти в историю – wejść do historii
Вот где собака зарыта - cały problem w tym
Вот оно что – czyżby o to chodziło
Вот это да ! – coś podobnego
Время от времени – od czasu do czasu
Все как один – wszyscy jak jeden
Всего доброго – wszystkiego najlepszego
Всем сердцем – całym sercem
Всё в порядке – wszystko w porządku
Всё время – cały czas
Все равно – wszystko jedno
Вставлять палки в колёса – wstawiać pałkę w szprychy
Встать с левой ноги – wstać z lewej nogi
Вступать в строй – wstąpić do szeregu
Входить в силу – nabierać moc prawną
Выдавать себя – wydać siebie
Выйти в свет – wypuścić w świat
Выйти сухим из воды – wyjść suchym z wody
Выходить замуж – wyjść za mąż
Где собака зарыта - gdzie pies zakopany
Глазом не моргнуть – okiem nie mrugnąć
Гнаться за двумя зайцами – dwie sroki za ogon (дословно: „хватать две сороки за хвост”).
Голова кружится – zawroty głowy
Голова на плечах – baśka pracuje
Гора с плеч – kłopot z głowy
Горит в руках – praca wrze w rękach
Грош цена - cena grosz
Давать голову на отсечение - dawać głowę; dać rękę na odrąbanie
Давать слово - dawać słowo honoru
Давно бы так ! - od razu by tak !
Далеко пойти - zrobić karierę
Делать из мухи слона - robić z muchy słonia
Дело в том, что – cała sprawa w tym
День и ночь – nocie i dnie
Держать слово – dotrzymać słowa
Держать язык за зубами – trzymać język za zębami
Днём с огнём – w dzień ze świeczką

До мозга костей - do szpiku kości
До последнего дыхания – do ostatniego tchu
До последней капли крови – do ostatniej kropli krwi
До скорого свидания – do szybkiego (skorego) zobaczenia
Добрый вечер – dobry wieczór
Добрый день – dzień dobry
Дорогой ценой – ciężką ceną
Другое дело – inna sprawa
Есть чужой хлеб – jadać cudzy chleb
Заварить кашу – nawarzyć piwa
За тридевять земель – za górami, za lasami ...
Задирать нос - nosa zadzierać
Засучить рукава – rękawy podkasać
Затаив дыхание – oddech wstrzymać
Золотые руки – złote rączki
И так далее – I tak dalej
И тому подобное – I temu podobne
Играть в прятки – bawić się w chowanego
Идти на лад - iść na poprawę
Из кожи лезть – leźć ze skóry
Из первых рук – z pierwszej ręki
Изо всех сил – co jest moc
Иметь на виду – mieć na uwadze
Иметь значение – ma znaczenie
Иное дело – inna sprawa
Как две капли воды – jak dwie krople wody
Как из ведра – jak spod rynny
Как кошка с собакой – jak pies z kotem
Как на ладони – jak na dłoni
Как на пожар – jak na pożar
Как ни в чём не бывало – jakby nigdy nic
Как по маслу – jak po maśle
Как попало – jak się da
Как рыба в воде – jak ryba w wodzie
Как с гуся вода – jak z gęsia woda
Как следует – jak się należy
Как снег на голову - jak śnieg za kołnierz
Какими судьбами – co się sprowadza
Камня на камне не оставлять – kamienia na kamieniu nie zostawić
Капля в море – kropla w morzu
Каша в голове - plewy w głowie
Короче говоря – krótko mówiąc
Кот наплакал – tyle co kot napłakał
Кошки на сердце скребут – ciężko na duszy (na sercu)
Краем глаза – krajem oka

Кроме того – oprócz tego
Кроме шуток – bez żartów
Любой ценой – za wszelką cenę
Легок на помине – o wilku mowa
Медведь на ухо наступил – słoń na ucho nastąpił
Минута в минуту – co do sekundy
Много воды утекло - dużo wody upłynęło
Молоко на губах не обсохло - mleko na ustach nie obeschło
Мороз по коже (подирает) - dostawać gęsiej skóry (дословно: „покрыться гусиной кожей”).
Мухи не обидит - człowieka nie skrzywdzi
На вес золота - na wagę złota
На всех парусах – pod wszystkimi żaglami; pod wszystkimi parami; na całą moc
На всякий случай – na wszelki wypadek (przypadek)
На каждом шагу – na każdym kroku
На край света – na kraj świata
На лоно природы – na łonie przyrody
На открытом воздухе – na świeżym powietrzu
На произвол судьбы – na pastwę losu
На свежем воздухе - na świeżym powietrzu
На седьмом небе – na siódmym niebie
Наломать дров - narobić szkody
Не верить ушам – nie wierzyć uszom swoim
Не в своей тарелке - nie czuć się w sosie
Не видеть дальше своего носа – nie sięgać poza koniec swego nosa
Не видеть как своих ушей - widzieć jak ucho u śledzia (дословно: „видеть ухо у селедки”).
Не выходит из головы – nie wychodzi z głowy
Не может быть – to niemożliwe
Не поверить своим глазам – nie wierzyć oczom swoim
Не поверить своим ушам – nie wierzyć uszom swoim
Не покладая рук – rąk nie przykładając
Не помнить себя – nie być w swoim rozumie; być w afekcie
Не сводить глаз - nie odrywać oczu
Не смыкать глаз - nie zamykać oczu
Несолоно хлебавши – odejść jak niepyszny
Не тут-то было - i masz ci los!
Ни в коем случае – w żadnym przypadku
Ни жив ни мёртв - ledwo żywy
Ни за что на свете – w żadnym przypadku
Ни пуха ни пера – *połamania nóg*
Ни рыба ни мясо – ni rak ni ryba (дословно: „ни рак ни мясо”).
Ни с того ни с сего – ni stąd ni (z) owąd
Ни с того ни с сего – kto sieje wiatr (дословно: „кто сеет ветер”).

Ни свет ни заря – z samego ranka
Ни то ни сё – ni to ni sio
Ничего подобного – nic podobnego
Обводить вокруг пальца – wystrychnąć (kogo) na dudka
Одним духом – jednym tchem
Одно время – w swoim czasie
Одну минуточку – za chwileczkę
Оставаться с носом - odejść jak niepyszny
Оставаться в строю – nie porzucać szeregów
Оставлять в покое – dać spokój
От всего сердца – od całego serca
От корки до корки – od deski do deski
От мала до велика – I duży i mali
От чистого сердца – od czystego serca
Отбиваться от рук – jak wiatr w polu
Откладывать в долгий ящик - odkładać na potem
Открывать Америку – Amerykę odkryć
Очень приятно – bardzo (mi) przyjemnie
Очертя голову – na złamanie karku
Палец о палец – palcem w bucie nie poruszyć
Пальцем не тронуть – palcem nie ruszyć
Переливать из пустого в порожнее – mleć językiem
Платить той же монетой – odpłacać tą samą monetą; płacić pięknym za nadobne
Плечом к плечу – ramię w ramię
Плыть по течению – płynąć z prądem
Пойти против течения - płynąć pod prąd
По последнему слову – według ostatniej mody (techniki)
По правде говоря – prawdę mówiąc (prawdę powiedziawszy)
Показать, где раки зимуют – pokazać, gdzie raki zimują «проучить, жестоко наказать кого-либо (выражение угрозы)», а также: Wie, gdzie raki zimują «речь о ком-то хитрым и предприимчивым»
Положить на обе лопатки – położyć na obie łopatki
Попасть в точку – trafić w dziesiątkę
Попасть впросак – wyskoczyć jak filip z konopii
Посадить в калошу – zrobić z kogoś dudka
Поставить на место – przywieść kogoś do porządku
Потерять почву под ногами – tracić grunt pod nogami
Правая рука – prawa ręka
Превращаться в слух – zamieniać się w słuch
Представь себе – wyobraź sobie
Прежде всего – przede wszystkim
Производить впечатление – sprawiać (robić, wywołać) dobre wrażenie
Проливать кровь - przelewać krew
Протягивать руку помощи – wyciągać rękę z prośbą o pomoc;

wyciągać rękę po jałmużnę
Прошу прощения - najmocniej przepraszam
Пуд соли съестъ - zjeść beczkę soli
Раз и на всегда - raz na zawsze
Рано или поздно - wcześniej czy później
Речь идёт - mowa o tym
Родиться в рубашке – urodzić się w koszulce
С головы до ног – z nóg do głowy
С минуты на минуту – w każdej chwili
С одной стороны ... с другой стороны – z jednej strony... z drugiej strony
С часу на час – z minuty na minutę
Сбиться с ног – walić się z nóg
Своими глазами – swoimi oczami
Своими руками – swoimi rękami
Своими словами – swoimi słowami
Сквозь землю провалиться – pod ziemię się zapuć
Сколько воды утекло – ile wody upłynęło
Сколько душе угодно – ile tylko dusza zapagnie
Сколько лет, сколько зим ! – ile lat, ile zim
Сломаю голову – na złamanie karku
Смотреть в глаза – patrzeć w oczy
Смотреть в оба – bacznie oglądać się
Смотреть правде в глаза – patrzeć prawdzie w oczy
Со всех концов – ze wszystkich stron
Со всех ног – ile sił w nogach
Собаку съел – znać jak swoje pięć palców
Собираться с мыслями – zbierać się z myślami
Среди бела дня – w biały dzień; w samo południe
Ставить точки (точку) над и – postawić kropkę nad i
Стало быть – w takim razie
Стереть в порошок – zetrzeć w proszek
Стереть с лица земли – zetrzeć z powierzchni ziemi
Строить на песке – budować zamki na lodzie
Счастливого пути – szczęśliwej drogi
Тёмный лес – ciemny las
Час пик – godziny szczytu
Через час по чайной ложке – kropla po kropli
Честно говоря – prawdę powiedziawszy
Честное слово – słowo honoru
Что есть духу – co jest mocy
Что за вопрос – co za pytanie
Что касается ... то – jeśli chodzi o ... to
Что поделаешь – nic nie zrobisz; nic nie wskórasz
Шаг за шагом – krok za krokiem

Шагом марш – naprzód marsz
Шутки в сторону – żarty w stronę
Шутки шутками – żarty żartami
Яблоку негде упасть – palca nie wcisnąć
Ясное дело – jasna sprawa

Литература и источники.

Берг, Замойский. – Берг Н.В.К биографии гр.Замойского// Историч.вестник, 1880, т.Ш.

ВЮ-ЗиЗР. – Вестник юго-западной и западной России. Историко-литературный журнал, изд. К.Говорским (Киев), 1862 – 1864.

Достоевский, Роман. – Достоевский Ф.М. Роман в девяти письмах // Достоевский Ф.М. Собр. соч.в 15-ти т. – Л., 1988, т.1.

Коллокация. – Корженёвский И. Коллокация. Галерея польских писателей. – СПб., 1852, т. I – III.

Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. – Т. 1 – 2. – СПб., 1902 - 1904.

Михельсон М.И. Ходячие иметкие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). – СПб., 1896.

«Московские ведомости» (М.), 1863-1865 (газета).

«Северная пчела» (СПб.), 1830-1831, 1863 (газета).

Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М.: Рус.яз., 1987. – 240 с.

Шанский Н.М., Быстрова Е.А., Зимин В.И. Фразеологические обороты русского языка. – М.: Рус.яз., 1988. – 389 с.

Шетэля В.М. (рец.). Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: Рус.яз., 1987. – 240 с. // Przegląd Rusycystyczny. – № 1. – Warszawa, 1989. – S. 141-144.

Шетэля В.М. (рец.). Шанский Н.М., Быстрова Е.А., Зимин В.И. Фразеологические обороты русского языка. – М.: Рус.яз., 1988. – 389 с. // Język Rosyjski. – № 1. – Warszawa, 1990. – S.61-62.

Skorupka S. Słownik frazeologiczny języka polskiego. – t. 1. – Warszawa, 1974. – 787 s.

Kopaliński W. Słownik wydarzeń, pojęć i legend XX wieku. – Warszawa, 1999. – 527 s.

II. ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

А.Д.Зверев
г. Черновцы, Украина

Еще о конструкции *идти в солдаты*

Конструкция «идти в солдаты» имеет большую литературу. Внимание к ней привлечено из-за несоответствия формы существительного и его падежного значения: форма имени совпадает с формой им. пад. мн.ч., значение – со значением вин.пад. мн.ч. Исследователи оценивают эту конструкцию по-разному.

Рассматриваемая конструкция содержит две части – глагольную и предложно-именную. Предложно-именная часть имеет самостоятельное значение, глагольная выполняет подсобную роль.

Глагольная часть указывает на направленное действие лица, дублируемое также предлогом *в*. Ученые насчитывают около ста глаголов, способных сочетаться с предложно-именной структурой «в + существительное во мн.ч.» [Мельчук 1995: 537]. На самом деле таких глаголов значительно больше.

Элемент направленности действия может содержаться в структуре глаголов или глаголы могут получать его при сочетании с предложно-именной структурой, ср., с одной стороны, *идти, отдать, переселить, перейти* с др., с другой – *годиться, глядеть, хотеть, играть* и др. Глагол может не иметь значения направленности действия, но такое значение передается другим глаголом, который в конструкции отсутствует, но легко восстанавливается. Ср. в «Былом и думах» А.И.Герцена: *...прислал бы флигель-адъютанта, который предложил бы всех отправить на каторжную работу, а государь помиловал бы в солдаты*». *Помиловать в солдаты* значит «заменить ссылку на каторгу отправкой в солдаты».

Конструкция «идти в солдаты» реализуется в языке в двух разновидностях – субъектной и объектной. Лицо, пополняющее соответствующую категорию лиц, может это делать по своей воле или по принуждению других. Исследователи признают это (Г.А.Золотова, Дин Ворт), однако формулируют свои определения и выводы лишь на субъектных конструкциях. Ср. у Д.Ворта: «...субъект (объект) становится либо хочет стать членом данной профессиональной или социальной группы» [Ворт 1998: 10]. Ср. *он пошел в солдаты* («стал солдатом») и *его отдали в солдаты* («сделали солдатом»). Правда, перифраза «стал солдатом» выражает результативность действия, поэтому может быть соотнесена как субъектными, так и объектными глаголами, если их рассматривать как обозначающие действие по «доставке» лица в соответствующую категорию лиц: «пошел в солдаты» и в

результате «начал быть солдатом», «отдали в солдаты» - и он «начал быть солдатом».

Чаще других субъектные конструкции вводит глагол хотеть, объектные – глагол определять: хочу в солдаты, в генералы, в мужья, в Шекспир и под.; определить в солдаты, в аспиранты, в старики и др. При этом глагол может выступать в разных формах – личной, инфинитиве, причастии, на месте глагола может стоять отглагольное существительное. Из предметных имен «вводящую» функцию могут выполнять лишь некоторые существительные, например путь и кандидат: путь в президенты, управляющие, барабанички; кандидат в аспиранты, танкисты, мечтатели.

Предложно-именная структура «в + сущ. во мн.ч.» передает основную идею всей конструкции «вхождение в определенную категорию лиц». Предлог в обозначает направленность действия. Может ли на месте предлога в стоять другой предлог, пусть и с другим значением? Оказывается, может. Это предлог через. Ср.: «Имея в виду путь через кантонисты, указом 1827 года «еврейским обществам было предоставлено по своему усмотрению сдавать вместо одного взрослого – одного малолетнего, с 12 лет» [Солженицын 2001]. Путь через кантонисты значит «через пребывание кантонистом, то есть учеником низшей военной школы для подготовки солдат к несению воинской службы». Ср. также возможное: «через лейтенанты в полковники», «через кухарки в члены правительства» и под. Структура с предлогом через указывает на переходную ступень из одной категории лиц в другую.

Форма мн.ч. существительного – третий структурный элемент конструкции «идти в солдаты» - не получила однозначной оценки исследователей. Одни связывают с ней «несчетное множество лиц», «совокупность лиц» [Зализняк 1967: 49; Онипенко 1994: 138], другие – как с множеством лиц, так и одним лицом (А. Д. Mostovaja 1997, см. 3, 1998, с. 12). По Р.А.Ротштейну, существительное в форме мн.ч. обозначает социальную группу, однако содержательно – ед.ч. (Ротштейн, 1977 – см. 3, 1998, с. 12). Форма солдаты (в структуре «в солдаты») совпадает с формой им.пад.мн.ч., но отличается от нее не только грамматическим значением (им. пад. - вин. пад.), но и семантически: форма им. пад. указывает на неопределенное множество однородных лиц (два и больше), форма вин. пад.- на категорию лиц, объединенных одним и тем же признаком. Категорию лиц не следует отождествлять с понятием их неограниченного множества. Ср. Зидан пойдет в молочники? (Интернет. Podrobnosti. 1.08.06). Форма «молочники» не значит «неограниченное множество лиц», а указывает на категорию лиц, которую имеет намерение пополнить данное лицо, или на получение данным лицом признака, свойственного лицам данной категории. «Он вышел в генералы» - значит получил генеральское звание и в результате этого стал генералом. Лицо с новым категориальным при-

знаком всегда замыкает ряд лиц данной категории, занимает последнее место в данном ряду. Без ситуационных (контекстных) ограничителей число единиц такого ряда неопределенно. «Он избран в президенты» - значит, что данное лицо получило соответствующую должность, но в каких пределах – государства, банка, фирмы и под. - не говорится. Но «Он избран в президенты США» ограничивает должность лица рамками конкретного государства. «Он», таким образом, последний в ряду, действующий президент США. «После Клинтона в президенты США избран Буш» - в этом случае в ряду президентов США оказываются два члена (Клинтон и Буш).

Некоторые авторы конструкции типа «идти в солдаты» сближают с конструкциями, в которых на месте личного имени стоит неодушевленное существительное в форме вин.пад.мн.ч. [Золотова 1985: 255]. Приводится пример: *Есть тут один хутор, только в бесперспективные попал* [Золотова 1985: 261]. Аналогичный пример встречаем у Н.К.Онипенко: *Такую дверь даже в форточки не примут* [Онипенко, 1994: 137]. Ср. также возможное: *Этот дом только что в сараи годится*. И в этих конструкциях с неодушевленными существительными форма мн.ч. называет категорию предметов, пополняемую новым членом. Но эти конструкции не испытывают напряженности структуры, как это наблюдаем у конструкций с личными именами, так как вин. пад. существительного в них совпадает с им.пад. в соответствии с системными отношениями в языке. Тем не менее это не привело к продуктивности (частотности) конструкций с неодушевленными существительными: в языке они встречаются редко.

Отдельную группу с неодушевленными именами во мн. ч. вин. пад. образуют названия игр: *играть в прятки, жмурки, горелки, шахматы, карты* и под. [Виноградов 1947: 162]. Форма мн.ч. существительного называет игру, в которую включается данное лицо. К этой группе В.В.Виноградов и И.А. Мельчук относят и названия игр, обозначенных личными именами: *играть в казаки-разбойники, в солдаты, в дурачки, в свои соседи, в Акулины* и под. [Виноградов, 1947: 162; Мельчук, 1995: 539]. Форма мн.ч. личного имени, как и в случаях типа «играть в карты», указывает средства игры – карты, а также фигуры солдат, казаков-разбойников и под. Ср.: *Такую игрушку можно также использовать для игры в повара* («Компас». Приложение к газете «Киевские ведомости», № 28, 31.-07-6.08.06, с 29). Вместе с тем некоторые конструкции с глаголом *играть* и личными именами могут быть сближены с конструкцией «идти в солдаты»: *играть в солдаты, в казаки-разбойники, в индейцы* и под. – «играть роль солдата, казака-разбойника, индейца» или «на время игры стать солдатом, казаком-разбойником, индейцем». Такие имена допускают употребление их и в форме мн.ч.род.пад. с сохранением того же значения. Ср.: *Вы тогда в саду играли в индейцев* (Ю.Домбровский, Факультет ненужных вещей). Конструкции типа «играть в карты» указанными возможно-

стями не обладают. Конструкции с формой род. пад. мн. ч. связаны только со значением «роль лица в данной игре», тогда как конструкция с формой вин.пад.мн.ч., совпадающей с формой им. пад. мн. ч., – с таким же значением и со значением «средства, используемого в игре».

Позицию имени существительного в форме мн.ч. конструкций типа «идти в солдаты» могут занимать и собственные имена, Ср. *Мы все глядим в Наполеоны* (А.Пушкин, Евгений Онегин), *Он давно норочил в Зализняки, Всех вас произведу в Василии* [Мельчук 1995: 537]. Собственные имена в форме мн.ч. обозначают и в этих структурах не одно лицо, а категорию лиц, как и в структурах с нарицательными существительными: «*хотим войти в категорию лиц великих полководцев (каким был Наполеон)*», «*известных талантливых лингвистов (каким является А.А.Зализняк)*». Поэтому нельзя согласиться с авторами, утверждающими, будто в таких случаях форма мн.ч. обозначает группу лиц из одного компонента [ср. Ворт 1998: 11]. И здесь имеем дело не с индивидуальным, а категориальным значением. Собственное имя при этом, возможно, теряет свои индивидуальные качества и приближается к нарицательному [ср. Соломоник 1995: 241].

Таким образом, конструкция типа «идти в солдаты» не является фразеологизированной, она выделяет две части – глагольную и предложно-именную. Последняя представляется самодостаточной и в свою очередь расчленяется на предложную часть и именную. Существительное в форме мн.ч. вин. пад. обозначает не количество лиц, а категорию лиц, статус которой получает данное лицо. Эта конструкция не проявляет признаков вымирания в современном русском языке, она активно использует все новые и новые существительные (*путь в космонавты, в олигархи, в менеджеры, в новые русские*).

Литература

Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В.В.Виноградов. – Учпедгиз, 1947.

Ворт, Дин. Второй винительный в русском литературном языке [Текст] / Дин Ворт. – Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е.А.Земской. – М.: Наследие, 1998.

Зализняк, А.А. Русское именное словоизменение [Текст] / А.А.Зализняк. – М.: Наука, 1967.

Золотова, Г.А. Еще о русской конструкции идти в солдаты (Ее синтагматика и парадигматика) [Текст] / Г.А.Золотова. // Сборник Матице српске за филологију и лингвистику, ХХУП-ХХУШ. – Нови Сад, 1984-1985.

Мельчук, И.А. О падеже существительного в русской конструкции типа «идти в солдаты» [Текст] / И.А.Мельчук // Русский язык в модели «смысл---текст». – Москва-Вена, 1995.

Онипенко, Н.К. Личность/неличность, одушевленность, определенность/неопределенность и категория числа (Синтаксический

взгляд на морфологические категории) [Текст] / Н.К.Онипенко// Семантика языковых единиц. Доклады 40-й международной научной конференции. Ч.Ш. Морфологическая семантика. Синтаксическая семантика.- М., 1994.

Солженицын, А.И. Двести миллионов вместе (1795-1995) [Текст] / А.И.Солженицын. – М., Ч 1: Русский путь, 2001.

Соломоник, А. Семиотика и лингвистика [Текст] / А.Соломоник. – М.: Молодая гвардия, 1995.

О.С. Ильченко
г. Новороссийск

О причинах преобладания формы родительно-винительного падежа в именах собственных в древнейших славянских памятниках

Как известно, развитие категории одушевленности сопровождалось «изменениями в системе падежных противопоставлений в определенных типах субстантивных парадигм» [Древнерусская грамматика 1995: 284]. По нашей гипотезе, формирование категории одушевленности связано с необходимостью морфологического выражения различных субъектно-переходно-объектных отношений, не в последнюю очередь зависящих от семантики субстантива. То есть можно говорить о влиянии семантики на грамматическую форму существительного. В соответствии с широкой концепцией семантики [см.: Кобозева 2000: 14] мы рассматривали не только значение единиц языка и построенных из них языковых выражений, но и их смысл в конкретных условиях употребления.

По свидетельству исследователей, начала современной универсальной категории одушевленности фиксируются в виде замены старой формы винительного падежа родительным падежом (В=Р) у имен мужского рода в единственном числе в функции прямого объекта¹. Для решения вопроса о том, какие тенденции в системе языка породили омонимию В=Р, мы проследили в диахроническом ключе изменения падежной формы прямого объекта (а затем и косвенного), фиксируя самые ранние формы.

Многие исследователи [Мадоян 1980, Кузнецов 1953, Никифоров 1952 и др.] отмечали, что собственные существительные встречаются в древнейших текстах, как правило, в форме В=Р. В.В.Мадоян, рассмотрев 170 примеров, приходит к такому заключению: «... имя

¹ Интересно предположение Л.Ельмслева о том, что всегда взаимодействующие род и число, возможно, представляют одну морфематическую категорию и что вполне разумно приписать им одну и ту же семантическую зону [Ельмслев 1972: 151].

собственное как объект действия в глагольном предложении всегда выступает в форме В.-Р.» [Мадоян 1980: 44].

Однако еще А.Болек засвидетельствовала два примера с В=И от имен собственных Лазорь и Мефодии, что, по ее мнению, «противоречит теории, согласно которой развитие категории одушевленности началось с имен собственных» [Болек 1977: 138]. В.Б.Крысько также обращает внимание исследователей на то, что, вопреки бытующему в науке представлению, древнерусские памятники демонстрируют редкие, но бесспорные примеры В=И от личных имен собственных в роли прямого дополнения, предложного дополнения и приложения, например: възложи Бъ* на Адамъ с<о>нь (Лавр. лет., 88) и др. «Наличие соответствующих форм как в переводных текстах южнославянского происхождения, так и в оригинальных летописных статьях, а также в старославянских и старопольских источниках <...> позволяет заключить, что такое употребление, с одной стороны, носило общеславянский характер, с другой стороны - было свойственно живой восточнославянской речи письменного периода, причем, по-видимому, еще в XIV веке народно-разговорный язык не избегал ъ-форм по крайней мере в функции приложения» [Крысько 1994: 480-481]. В подтверждение этой точки зрения приведем найденный нами пример: Бъ посадилъ тя и князь Андрѣи на отчинѣ своєи и на дѣдини в Кыевѣ, а хощем с тобою порядъ положити (Лавр. лет., 358). В указанных предложениях обращает на себя внимание семантика контекста: всемогущий субъект (Бог) противопоставлен объектам (людям) как *исполнителям* непререкаемой божественной воли.

Тем не менее можно констатировать, что, несмотря на подобные (довольно редкие) случаи употребления В=И от имен собственных м.р., остается фактом, что форма В=Р *наиболее регулярно* проявляется именно в кругу *личных имен собственных* уже в древнейших славянских памятниках: оузрѣ Icalbnn ивд@та (Остр. ев., Ио. I. 36), оузрѣ авраама Lлїз далече (Евангелие от Луки 16, 23 Зограф. Мар. Ас. Сав. – Зограф. Мар. Ас. Сав. Ен. Син. Евх. Супр.), и покры на съньмим/ї авїрона (Псалтырь 105, 17 Син.), ровоамъ же роди авїада (Евангелие от Матфея 1, 7 Ас.), авидъ же роди аса (Евангелие от Матфея 1, 7, 8 Сав.), ѡпнптьвръзе с> землGh би пожрѣтъ датана (Псалтырь 105, 17 Син.), съв<завъше <св<ты#> м@ж< еугеньIа агафодора елпидиIа жъзлиIемъ и камениIемъ влач<ште побиш< (Супр. 538, 23. – Супр. 538, 15), зоровавель же родї авїоуда авїоудъ же родї елиакїма (Евангелие от Матфея 1, 13 Ас. Сав.) и др.

Устойчивая ситуация *диглоссии*, характерная для древнерусского (XI-XIV вв.) и среднерусского (XVI-XVII вв.) периодов [Успенский 2002: 24-26], привела к необходимости обратиться к памятникам различных стилей, жанров и различного происхождения. Поскольку пе-

* По техническим причинам надстрочные знаки не воспроизводятся.

реписывание древнерусских произведений было сопряжено с редактированием, а редактирование с сочинением, мы не сочли возможным, как это делали некоторые лингвисты [см. Кедайтене 1982], использовать памятники для изучения языка того времени, когда они были созданы. От такой ошибки предостерегает Б.А.Успенский [Успенский 2002: 89]. Анализируя самые ранние из дошедших до нас списков текстов, мы делали выводы только о языке того времени, когда были созданы списки.

Для более точного определения условий, способствующих появлению В=Р или тормозящих закрепление новой формы, языковой материал из памятников письменности анализировался с учетом следующих критериев: 1) датировка, 2) стиль и жанр, 3) переводной или оригинальный, 4) территориальное происхождение.

Проиллюстрируем использование В=Р имен собственных в книжно-литературных текстах различного происхождения:

а) *переводные*: Каияне ... Каина же славять ... купно же Иуду ботворять (Ефр. Корм., 658. XII в.); Видѣша Лазоря у хода съмърти бивѣша слышаша по морю хождение (Усп. сб., 388. XII - XIII вв.);

б) *оригинальные*: Ходиша Ростиславицы ... на Мьстислава Кыеву (Новг. I лет., 148); хотя убити Твьрдислава (там же, 211); Тогда пакы и Федора начаша мучити (там же, 270); яко Ярополкъ уби Ольга (Лавр. лет., 75); а Стополкъ сѣдѣть ти Кыевѣ, убивъ Бориса а на Глѣба посла, а блюдиша его повелику (там же, 141); (1147): Володимеръ же вомча Игоря во дворъ мтре своя (там же, 317); И прозваша Олга вещи (Радзив. лет., 16); но мы хоцѣмъ убити Игоря (Переясл. лет., 58); Иванка Подкурского на беревѣ замучили (Псков. лет. II, 167).

Хотя личные собственные имена все же отмечаются и с исконной флексией -ъ, однако это наблюдается главным образом в функции приложения при В=И от имен нарицательных: Изяслав ... сна же своего Ярославъ посади Туровѣ (Лавр. лет., 314). Такое оформление можно обнаружить и в добавочных конструкциях, если слова выступают как уточняющие, дополняющие предыдущую информацию: поиди за князь нашъ за Маль (Лавр. лет., 56). Следует отметить, что и в современном русском языке в добавочных конструкциях возможен именительный падеж. В разговорной русской речи в подобных построениях, как считает О.А.Лаптева, «могут добавляться самые разные части высказывания вплоть до аналога предложения; они восполняют высказывание, добавляясь в его конце или вклиниваясь в него в соответствии с порядком ассоциативного возникновения представлений у говорящего... . Ср.: *Мы там остановились в одном месте, у ее знакомой вроде вашей Маши эстонка...*» [Лаптева 1976: 264-265].

Объяснение историками языка феномена преобладания у имен собственных формы В=Р явно недостаточны. Известные нам гипотезы грешат формализмом, невниманием к семантической характеристике объектов. Так, Н.П.Некрасов полагает, что «собственное имя лица не

есть само лицо, а есть лишь обособляющий признак, определение лица, подразумеваемого в рчи, какъ прямое дополнение или какъ предметъ дѣйствія» [Некрасов 1905: 58]. По Некрасову, В=Р собственного имени на -ъ лица мужского пола в значении прямого дополнения заставлял подразумевать что-либо вроде «личность», «лицо». Поэтому выражение «я знаю Петра» первоначально, как предполагает Некрасов, значило нечто вроде: «я знаю личность Петра» и т.п. [там же: 58-59]. Однако никакими материалами это предположение не доказывается.

В.В.Мадоян, исследуя развитие категории одушевленности в русском языке, вообще обходит стороной причины первоначального распространения формы В=Р на имена собственные. Более того, на примере имен собственных, которые «не дифференцируют сами по себе реальных лиц по их социальным, семейным и т.п. отношениям», он делает попытки установить, сдерживают ли развитие В=Р в единственном числе имен мужского рода такие чисто грамматические факторы, как вид глагола-сказуемого, наличие или отсутствие определения и др. [Мадоян 1980]. Однако подобный подход не учитывает специфику семантики имен собственных вообще, в отличие от имен нарицательных. Ведь собственные существительные «точно обозначают лицо или предмет, чтобы выделить его из ряда подобных» [Земский 2003: 126]. Действительно, «класс имен, рассматриваемых как "определенные", включает и собственные имена» [Ельмслев 1972: 137]. Показательно, что в болгарском языке, в целом разрушившем падежную флексию, в мужском роде, тем не менее, могут различаться именительный и косвенный падежи. Такое различие проявляется, только если имя существительное мужского рода в единственном числе употребляется со значением определенности (с постпозитивным артиклем, «детерминирующим» определением) или является именем собственным [Ельмслев 1972: 137].

Думается, что именно специфика семантики имен собственных (невзирая ни на какие иные условия) диктует выбор формы В=Р как единственно приемлемой для обозначения *значимого, конкретного, определенного, известного* объекта. Именно поэтому при любых морфолого-синтаксических условиях они остаются *потенциальными агенсами*. Таким образом, сама отнесенность существительного к лексико-семантическому разряду имен собственных влияет на грамматические показатели. А грамматика, наоборот, служит отражением определенной семантики.

Литература

Болек А. Становление категории одушевленности (на материале Синайского патерика, Успенского сборника и Русской правды): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977.

Древнерусская грамматика XII-XIII веков. М., 1995.

Ельмслев Л.О. О категориях личности-неличности и одушевленности-неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

Земский А.М., Крючков С.Е., Светлаев М.В. Русский язык: В 2-х ч. Ч.2. Синтаксис / Под ред. В.В.Виноградова. М., 2003.

Кедайтене Е.И. Категория одушевленности в русском языке (становление и развитие). М., 1982.

Крысько В.Б. Переходность, объект, одушевленность в истории русского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994.

Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.

Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис / Отв. ред. Ф.П.Филин. М., 1976.

Мадоян В.В. Категория одушевленности имен существительных в древнерусском языке (на материале памятников северо-западной Руси XIII-XIV вв.): Дис.... канд. филол. наук. М., 1980.

Некрасов Н.П. О заменительных падежах: родительном и винительном в современном русском языке // ИОРЯС Императорской Академии наук 1905. СПб., 1905. Т. X, кн. 2.

Никифоров С.Д. Старославянский язык. М., 1952.

Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI - XVII вв.). М., 2002.

Список сокращений

Ас. – Ассеманиево евангелие. Цит. по: Старославянский словарь (по рукописям XI-XII веков): Около 10 000 слов / Под ред. Р.М.Цейтлин, Р.Вечерки и Э.Благовой. М., 1999.

Евх. – Синайский евхологий. Цит. по: Старославянский словарь (по рукописям XI-XII веков): Около 10 000 слов / Под ред. Р.М.Цейтлин, Р.Вечерки и Э.Благовой. М., 1999.

Ен. – Енинский апостол. Цит. по: Старославянский словарь (по рукописям XI-XII веков): Около 10 000 слов / Под ред. Р.М.Цейтлин, Р.Вечерки и Э.Благовой. М., 1999.

Ефр. Корм. – Бенешевич В.Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований, т. 1. Изд. ОРЯС АН. СПб., 1906, сп. XII в.

Зограф. – Зографское евангелие. Цит. по: Старославянский словарь (по рукописям XI-XII веков): Около 10 000 слов / Под ред. Р.М.Цейтлин, Р.Вечерки и Э.Благовой. М., 1999.

Лавр. лет. – Лаврентьевская летопись, вып.1-3. ПСРЛ, т. 1. Изд. 2. Л., 1926-1928 [воспроизведение текста издания 1926-1928 гг. М., 1962], сп. 1377 г.

Мар. – Мариинское евангелие. Цит. по: Старославянский словарь (по рукописям XI-XII веков): Около 10 000 слов / Под ред. Р.М.Цейтлин, Р.Вечерки и Э.Благовой. М., 1999.

Новг. I лет. – Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Изд. Археогр. комис. СПб., 1888. сп. XIII – XV вв.

Остр. ев. – Остромирово евангелие 1056-57 года. С приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А.Х.Востоковым. СПб., 1843.

Переясл. лет. – Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 гг.). Изд. М.Оболенским, М., 1851, сп. XV в.

Псков. лет. II – Псковские летописи, вып. 2. Под ред. А.Н.Насонова. М., 1955, сп. XV-XVII вв.

Радзив. лет. – Радзивиловская, или Кенигсбергская летопись. I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902 (Изд. ОЛДП, 118), сп. XV в.

Сав. – Саввина книга. Цит. по: Старославянский словарь (по рукописям XI-XII веков): Около 10 000 слов / Под ред. Р.М.Цейтлин, Р.Вечерки и Э.Благовой. М., 1999.

Син. – Синайская псалтырь. Цит. по: Старославянский словарь (по рукописям XI-XII веков): Около 10 000 слов / Под ред. Р.М.Цейтлин, Р.Вечерки и Э.Благовой. М., 1999.

Супр. – Супрасльская рукопись. Цит. по: Старославянский словарь (по рукописям XI-XII веков): Около 10 000 слов / Под ред. Р.М.Цейтлин, Р.Вечерки и Э.Благовой. М., 1999.

Усп. сб. – Успенский сборник XII-XIII вв. Изд. подг. О.А.Князевская, В.Г.Демьянов, М.В.Ляпон. Под ред. С.И.Коткова. М., 1971.

О. В. Кравец.
г. Таганрог

Компаративные конструкции в русском и английском языках

Язык - это гибкий инструмент для выражения мысли, соответственно языковая система считается своего рода экспликацией системы мыслительной. Для человеческого мышления свойственны два типа форм: логические и семантические (по терминологии П. В. Чеснокова). Наше мышление подчиняется логическим законам и, разумеется, протекает в логических формах. Логические формы, являющиеся общечеловеческими, порождаются потребностями процесса познания в ходе практической деятельности людей и не зависят от особенностей грамматического строя конкретных языков. Семантические же формы носят характер более конкретный, так как являются национальными формами мышления и связаны со спецификой грамматического строя каждого отдельного языка [Черемисина, 1976: 59]. Помимо этого, им «свой-

ственно различаться на разных этапах исторического развития одного языка, а также в разных случаях использования средств одного языка на одном историческом срезе» [Золотова, 1998: 20].

Система языковых средств разных уровней, объединенных одним общим значением, получила название *функционально-семантическое поле* (по терминологии А. В. Бондарко). Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс называют такую систему языковых средств грамматико-лексическим полем: "Разнообразные средства грамматического и лексического уровня, призванные выражать и называть общие значения, связаны между собой не случайными отношениями, а отношениями, позволяющими установить определенные закономерности. Совокупность взаимодействующих средств образует систему - лексико-грамматическое поле" [Гулыга, Шендельс 1969, 184].

Данная система - поле обладает следующими признаками:

1) наличие инвентаря (набора) средств разных уровней, связанных между собой системными отношениями; входя в состав поля, становятся конститuentами поля;

2) наличие общего значения, которое в той или иной степени присуще его конститuentам;

3) общее значение поля не едино, оно распадается минимум на два значения, которые могут быть противопоставленными или полярными, каждое из которых образует микрополе;

4) поле обладает неоднородной и, как правило, сложной структурой, которую можно представить в виде горизонтального и вертикального сечений.

По горизонтали располагаются семантические участки - микрополя. В пределах поля действуют синонимические связи, однако поле шире синонимического ряда, поскольку оно может охватывать разнообразные значения вплоть до полярных.

По вертикали располагаются конститuentы микрополей, которые в то же время являются конститuentами макрополя.

Таким образом, четко представлена структура поля по вертикали и горизонтали.

Система различных средств выражения сравнения образует функционально-семантическое поле компаративности.

В предлагаемой статье в дальнейшем мы будем рассматривать структуру поля по схеме, предлагаемой Е. В. Гулыгой и Е. И. Шендельс, но будем пользоваться термином *функционально-семантическое поле*, поскольку этот термин ориентирован на план содержания поля в отличие от термина *грамматико-лексическое поле*, ориентированного на план выражения

Общая структура функционально-семантического поля компаративности в русском и английском языках.

По горизонтали поле компаративности разделяется на два микрополя:

1. Микрополе сходства; 2. Микрополе различия.

Произведя разрез по вертикали, можно установить его конститuenty. К ним относятся:

1. Степени сравнения прилагательных;
2. Сложные прилагательные;
3. Словообразовательные модели с суффиксами *-ish*, *-like* в английском языке;
4. *-подобный*, *-видный* в русском языке;
5. Слова с лексическим значением сходства;
6. Сравнительные конструкции с союзом *как*, *чем* и с модальными

союзами *словно*, *будто*, *как будто*, *как бы*, *словно* в русском языке; сравнительные конструкции с союзами *than*, *like*, *as* в английском языке.

7. сравнительные обороты с союзами *такой же*, *как*, *не такой*, *как* в русском языке, *as ...as*, *not so ...as* в английском языке.

8. Сложные предложения для выражения пропорционального сравнения (в русском языке двойные союзы *чем ... тем*; в английском языке коррелируют *the ... the*) [Власова, Дашко, 1998: 203-210].

Любая сравнительная конструкция включает в себя 4 компонента:

1. Объект сравнения - единица, выражающая сравниваемый предмет, лицо или явление.
2. Эталон сравнения - единица, выражающая предмет, лицо или явление с которым сравнивают.
3. Собственно сравнение - единица, выражающая отношение объекта сравнения к эталону сравнения.
4. Основание сравнения - единица, выражающая реальный признак по которому происходит сравнение.

Прекрасна Леда, как звезда На небе утреннем. ...

(М.Ю.Лермонтов).

В данном примере объект сравнения - *Леда*. Эталон сравнения - *звезда на небе утреннем*. Собственно сравнение выражено при помощи союза *как*.

И, наконец, основание сравнения представлено прилагательным *прекрасна*

His eyes then were as candid as his child's eyes (W. S. Maugham).

В данном примере объектом сравнения является словосочетание « *his eyes*; эталоном - *his child's eyes*; собственно сравнение представлено с помощью двойного союза *as ... as*, выражающего сходство; основание для сравнения представляет собой прилагательное *candid*.

Компоненты сравнения могут быть представлены дискретно – в случае отдельного выражения каждого элемента сравнения и недис-

кретно-дискретно, если 2 компонента сравнения представлены слитно в одной словоформе. Например:

Он такой же внимательный, как и его родители.

Все компоненты сравнения представлены дискретно.

Брат старше сестры.

В данном предложении собственно сравнение и основание для сравнения

(возраст) выражены слитно в словоформе *старше*. Собственно сравнение выражено грамматически при помощи формы сравнительной степени прилагательного, а основание сравнения за счет лексического значения этого слова. Чисто недискретное отражение исключается, так как слияние всех его компонентов в одной единице невозможно.

Задачей предлагаемого исследования является рассмотреть структуру поля компаративности в русском и английском языках.

Итак, функционально-семантическое поле (ФСП) компаративности по горизонтали разделяется на два микрополя на основе различия конститuentов по их объективному содержанию:

1. Микрополе сходства;
2. Микрополе различия.

Такой подход к проблеме поля следует считать традиционным. Тип поля, описываемый при таком подходе, квалифицируется П. В. Чесноковым и Л. Д. Чесноковой в работе "Два типа функционально-семантического поля" как **ФСП с онтологическим расслоением**. Так как "семантические различия между микрополями квалифицируются как содержательные (как различия в содержании единиц мышления, выражаемых конститuentами разных микрополей), они обычно отражают объективные (онтологические) различия между реальными фактами, объединенными определенным общим признаком" [Чесноков, Чеснокова, 1999: 50]. Но существует и иной тип ФСП, в котором различие конститuentов микрополей наблюдается не на содержательном уровне, а на уровне форм мышления, причем не универсальных логических форм, а национальных мыслительных форм, связанных с особенностями грамматического строя конкретных языков. Такие формы П. В. Чесноков называет **семантическими формами мышления**. ФСП подобного типа получает название **ФСП с гносеологическим расслоением** [Чесноков, Чеснокова, 1999: 52].

Итак, ФСП с гносеологическим расслоением - это система языковых средств, которая, обладая одним типовым значением, расчленяется на микрополя на основе различия их конститuentов не по объективному содержанию, а по формам выражаемых ими мыслей. То общее значение, которое объединяет различные синтаксические структуры, образующие ФСП, Г. А. Золотова называет *типовым значением предложения*: "Типовое значение - это общее значение множества предложений, представляющих данную модель, и вместе с тем - это

общее значение нескольких синонимичных моделей, сопрягающих равнозначные, но разнооформленные компоненты" [Золотова, 1973: 25-26], [Золотова, 1998: 104].

В соответствии с учением о семантических формах мышления П. В. Чеснокова представляется возможным выделить в поле компаративности микрополя 2-й, 3-й и 4-й степени (по принципу поля с гносеологическим расслоением). Остановимся подробнее на каждом из них.

Микрополе сходства.

Данное микрополе распадается на два микрополя 2-й степени (МП 2): полноты и неполноты по числу компонентов сравнения, присутствующих в конкретной компаративной конструкции. При наличии всех компонентов сравнения компаративная конструкция относится к МП 2 полноты; а в случае эксплицитного выражения трех или меньшего числа компонентов сравнения, речь идет о МП 2 неполноты. Каждое из данных микрополей разделяется на 2 микрополя 3-й степени: МП дискретного отражения - в случае отдельного выражения каждого компонента сравнения и МП 3 недискретно-дискретного отражения, если 2 компонента сравнения представлены слитно в одной словоформе.

Рассмотрим МП 2 *полноты* в МП 1 *сходства*.

На щеки страшно и взглянуть: Бледны, как утра первый свет (М. Ю. Лермонтов). Данная компаративная конструкция принадлежит МП 3 дискретного отражения, так как все компоненты сравнения выражены при помощи отдельных словоформ, то есть представлены дискретно, также оно относится к МП 2 полноты, поскольку все 4 компонента сравнения присутствуют.

Брат такой же талантливый, как сестра. Брат - объект сравнения, *сестра* - эталон сравнения, *такой же как* - собственно сравнение и прилагательное *талантливый* представляет собой основание сравнения.

Пример подобной конструкции на английском языке:

All that time he was as gay as a bird.

he - объект сравнения; *a bird* - эталон сравнения; собственно сравнение представлено двойным союзом *as ... as*; и, наконец, основание сравнения представлено прилагательным *gay*.

Примером недискретно-дискретного МП 3 в МП 2 полноты могут служить следующие предложения:

Двор походил на стройплощадку.

В этом комбинезоне девчушка напоминала мешок с мукой.

В обоих предложениях основание сравнения и собственно сравнение выражены слитно в словоформах *походил* и *напоминала*, в которых семантически заложена идея сопоставления, сравнения по внешнему признаку.

Таким образом, собственно сравнение и основание сравнения выражены не дискретно.

Подобный пример на английском языке:

He looks very much like my mother.

МП 2 *неполноты* компаративной структуры в МП 1 *сходства* также разделяется на два МП 3 дискретного отражения и недискретно-дискретного отражения.

Следующее предложение является примером компаративной конструкции, принадлежащей к МП 3 дискретного отражения в МП 2 *неполноты*.

Глаза как звезды ...

В данной сравнительной конструкции эксплицитно выражены три компонента сравнения и представлены они дискретно. Основание сравнения не выражено эксплицитно. Аналогичные случаи представлены следующими примерами:

She doesn't have green eyes - she has eyes like sea shells (Galsworthy J.).

...and his laugh was like the laughter of the angel.

Во всех этих примерах наличествующие компоненты сравнения выявляются дискретно.

МП 3 недискретно-дискретного отражения в МП 2 *неполноты* представляют следующие примеры:

Она поет соловьем.

Основание сравнения эксплицитно не выражено. Эталон сравнения и собственно сравнение представлены слитно в одной словоформе *соловьем*.

Then, watching the fish-like leaves, she saw a real fish (J. D. Salinger).

His noise was beak-like, his gaze didn't flicker (J. D. Salinger). В этих предложениях основание сравнения также эксплицитно не представлено. Эталон сравнения и собственно сравнение выражены недискретно при помощи сложных существительных *fish-like, beak-like*.

Микрополе различия.

МП 1 различия состоит из трех микрополей 2-й степени:

1. МП 2 превосходства, объединяющее конструкции в которых собственно

сравнение предполагает большую степень проявления признака;

2. МП 2 сниженности проявления признака;

3. МП 2 общего различия (такого различия, при котором невозможно

установить, обладает ли предмет более высокой или низкой степенью проявления признака, чем другой).

Каждое из данных микрополей распадается на два МП 3 *полноты* и *неполноты* компаративной конструкции, каждое из которых в

свою очередь разделяется на два МП 4: дискретного и не дискретно-дискретного отражения.

Обратимся к примерам компаративных конструкций, составляющих МП различия. **МП 2 превосходства.**

Мэри была более привлекательной, чем ее младшая сестра.

I think he believed that it was something more elaborate than bread pudding

(E. Hemingway).

Каждый из компонентов сравнения представлен дискретно, все компоненты сравнения присутствуют. Следовательно, речь идет о МП 4 дискретного отражения в МП 3 полноты. Данное предложение относится к МП 2 превосходства.

Она была бледнее, холоднее, чем снег зимы (М. Ю. Лермонтов).

So many ways she is much higher than I am (J. Fowels).

В данных примерах все компоненты сравнения присутствуют, но собственно сравнение и основание сравнения представлены не дискретно. Таким образом, данные примеры относятся к МП 4 недискретно-дискретного отражения в МП 3 полноты МП 2 превосходства. МП 3 неполноты также разделяется на два МП 4:

1) дискретного отражения;

2) не дискретно-дискретного отражения.

Примеры:

1). *Вода в ручье была более прозрачной.*

This job is more difficult.

Эталон сравнения отсутствует. Наличествующие компоненты сравнения представлены дискретно. 2). *Выполните это упражнение внимательнее.*

You should work harder.

Эталон сравнения отсутствует. Основание сравнения и собственно сравнение выражены слитно в одной словоформе.

МП 2 сниженности.

Так же как и предшествующее МП 2 превосходства данное МП 2 делится на два МП 3 полноты и неполноты структуры сравнения по количеству компонентов, каждое из которых распадается на два МП 4 дискретного и недискретно-дискретного отражения: МП 4 дискретного отражения МП 3 полноты:

Она менее способна, чем ее младшая сестра.

John is not so clever as Thomas.

Все 4 компонента сравнения присутствуют и выражены дискретно. МП 4 недискретно-дискретного отражения МП 3 полноты:

Иван ниже Степана.

Филиппок был намного младше всех присутствующих.

В словоформах *ниже, младше* слитно представлены как собственно сравнение, так и основание сравнения - рост, возраст. Следующий пример на английском языке:

He was small, the smallest of all present (A. Christie). Все структурные компоненты представлены, основание сравнения и собственно сравнение выражены слитно в одной словоформе *the smallest*. МП 4 дискретного отражения МП 3 неполноты:

Эти растения менее восприимчивы к заморозкам. Эталон сравнения эксплицитно не представлен. Объект сравнения, собственно сравнение и основание сравнения выражены дискретно.

This book is less interesting.

This book - объект сравнения, эталон сравнения отсутствует, собственно сравнение и основание сравнения представлены дискретно.

The hospital had been set up in the least ruined villages (E. Hemingway). В данном примере эталон сравнения отсутствует, собственно сравнение и основание сравнения представлены дискретно. МП 4 недискретно-дискретного отражения МП 3 неполноты:

Разве Маша уже ходит в школу? Ведь она гораздо младше. Она - объект сравнения, эталон сравнения отсутствует, собственно сравнение и основание сравнения представлены недискретно формой прилагательного в сравнительной степени. Подобный пример на английском языке: *This snake is shorter.*

МП 2 общего различия.

Так же как и два предыдущих МП 2, МП 2 общего различия делится на два

МП 3 полноты и неполноты структуры сравнения по количеству компонентов, каждое из которых распадается на два МП 4 дискретного и недискретно-дискретного отражения.

Примеры МП 4 дискретного отражения в МП 3 полноты компаративной структуры

Последние слова прозвучали резко, совсем не так, как все предыдущие. She looks so small and breakable and unlike our women. Все структурные компоненты сравнения присутствуют и представлены дискретно.

Обращаясь к МП 3 неполноты компаративной структуры в МП 2 общего различия, рассмотрим примеры МП 4 дискретного отражения:

Он отличается от своего брата.

Эксплицитно выражен объект сравнения *он*, идея сравнения заключена в лексическом значении слова *отличается*, эталон сравнения выражен при помощи словоформы *брата*. Основание сравнения эксплицитно не представлено.

And it would be a different flag from the one he carried last week.

Так как отсутствует основание сравнения, данный пример относится к МП 3 неполноты компаративной структуры, а так как три элемента сравнения представлены отдельно, то он, так же как и предыдущий, принадлежит МП 4 дискретного отражения.

МП 4 недискретно-дискретного отражения в МП 3 полноты и неполноты компаративной структуры МП 2 общего различия невозможны, так как в данном случае слияние компонента, указывающего на основание различия, и показателя сравнения не представляется возможным. Объект сравнения и эталон сравнения не могут выступать слитно ни друг с другом, ни с основанием сравнения, ни с собственно сравнением. В связи с этим, МП 3 полноты и неполноты компаративной структуры в МП 2 общего различия могут быть представлены только в виде МП 4 дискретного отражения.

Проведенный анализ свидетельствует о сложной, многоуровневой структуре поля компаративности и его смешанном характере, состоящем в том, что на его высшем уровне микрополя выделяются по принципу поля с онтологическим расслоением, а на низших уровнях - с гносеологическим расслоением.

Литература

Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.

Власова Ю. Н., Дашко Ю. В. Функционально-семантические и словообразовательные поля в лингвистике. Ростов-на-Дону, 1998.

Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976.

Чесноков П. В., Чеснокова Л. Д. Функционально-семантическое поле с гносеологическим расслоением // Функционально-семантические категории: языковой и речевой аспекты, Ростов-на-Дону, 1999.

Чесноков П. В. Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления, Таганрог, 1992.

Т.М.Мирохина
г. Елец

Коммуникативно-функциональный потенциал придаточной части, оформленной союзом *если бы*

Среди сложноподчинённых предложений, придаточная часть которых оформлена союзом *если бы*, имеют место конструкции, между предикативными частями которых непосредственной условно-

следственной связи нет: *-Я очень люблю Тихонова; он прекрасный поэт, но если бы сделать анализ химического состава этих «гвоздей» [людей, о которых писал Н.Тихонов.- Т.М.], то превалировала бы там кровь* (Семёнов). Свойственная подобным предложениям компрессия приводит к “логической немотивированности сцепления главного и придаточного” [Ильенко 1962: 37], причём элиминированной оказывается предикативная единица, содержащая модус [Колосова 1979]. Именно между ею и придаточной устанавливаются условно-следственные отношения, ср.: *...но если бы сделать анализ химического состава этих “гвоздей”, то оказалось бы, что превалирует там кровь*. Компрессия обуславливает частое отсутствие формального согласования предикатов частей имплицитных двухкомпонентных структур: *Если бы можно было видеть его лицо,- выражение его было спокойное и суровое* (Фадеев). Пропуск звеньев конструкции, придавая высказыванию не-принуждённый характер, ведёт к грамматическим смещениям и имеет причиной стремление к экономичности. Этот “внешний толчок”, таким образом, оказывается значимым на внутреннем, системном уровне языка [Валгина 1997: 12]. Компрессия свидетельствует также о коммуникативной неравнозначности частей высказывания. В рассматриваемых условных предложениях неиндикативного типа изъяснительная придаточная настолько “выдвигается на основную роль коммуникации”, что обходится без грамматически главной части [Колосова 1979]. Гораздо чаще модус вербализован: *Если бы он стал под-робнее анализировать своё чувство, он легко мог бы прийти к тому выводу, что впечатление носило довольно сложное происхождение...* (Мамин-Сибиряк). Нередко диктум и модус совмещены в одной предикативной единице: *Его можно было бы принять за обыкновенного дорожного нищего, если бы не просторный шёлковый синий чепан с рубиновыми пуговицами, опреленными в золото* (Ян).

Асимметрия между единицами плана выражения и единицами плана содержания – и, как следствие, контактирование вербализованных компонентов, а значит, взаимодействие их смыслов – порождает новые, специфические отношения. Так, М.В.Ляпон в предложениях типа *Если рассматривать моё творчество как спираль, то “Двенадцать” будут на верхнем витке* (А.Блок) видит коммуникативную неравноценность соотнесённых частей: “позицию придаточного занимает ситуация-ракурс (ситуация-точка зрения), тогда как в позиции главной части оказывается информативное пространство, выступающее в роли объекта рассмотрения” [Ляпон 1986: 108-109]. Автор отмечает функциональную аналогичность ситуации-ракурса вводной конструкции. Следует подчеркнуть, что, хотя это и не отмечается автором, приведённые им примеры допускают экспликацию модуса и, следовательно, представляют собой имплицитные струк-

туры, ср.: *Если рассмат- ривать моё творчество как спираль, то окажется, что ...*

Анализ конструкций неиндикативного типа показал, что подобный сдвиг в семантике может иметь место и в них: *Все эти пешие лица и плывущий всадник стремятся с разных точек к одному пункту, кото- рый, если бы провести от них перекрёстные линии, обозначил- ся на выдающемся посредине реки большим камне (Лесков) – в прида- точной части представлен аспект, критерий, на основании которого оценива- ется последующая ситуация. Интерпозиция компонента с *если бы* осо- бенно ярко подчёркивает его вводной характер.*

В следующем примере часть, вводимая союзом, содержит ха- ракте- ристику сообщаемого по отнесённости к автору речи и служит как бы предисловием к последующей мысли: *А кабы на мой обычай, я бы его изловимши, да в землю бы закопал* (Л.Толстой). Вводной явля- ется при- даточная часть *если б (моя, его) воля/власть: Коли б моя власть, я б этого твоего Свободина из Петербурга выслал* (Чехов), ср.: *на мой взгляд, Свободина из Петербурга следует выслать*. От по- следнего предложения рассматриваемая конструкция отличается эмо- циона- льно-экспрессивной окраской и акцентированием заключённой в гла- вной части информации. Вводный характер придаточной части подтверждается возможностью, во-первых, её опущения, во-вторых, выделения в тексте скобками, что подчёркивает её факультативный хара- ктер: *Ваше благородие! (Если б моя воля)* (скобки по тексту.- Т.М.) *весь бы Главный педагогический институт вам под начало от- дал* (Тынянов).

Близка к вводному предложению придаточная *если б можно было: Я весь мир перевернул бы, если б можно было* (Гладков). В та- ких конструкциях связь между частями ослаблена: главная часть пе- редаёт потенциальную способность, состояние субъекта, не обуслов- ленное содержанием зависимой части. В целом в приведённом пред- ложении придаточная часть выполняет оценочно-характеризующую функцию, выражая субъективное отношение говорящего к сообщаемому. Подобные предикативные единицы следует отличать от услов- ных придаточных, которые, в условиях интерпозиции, осложняются вводным оттенком: *Его коллекция, если б она осталась на острове, могла бы послужить основанием для превосходного музея* (Чехов).

Приближаются к вводным и лексически опустошённые при- даточные, которые используются в этикетных целях, в частности, по- зволяют выразить смягчённую вежливую просьбу: *-...да доложи ба- рыне, что очень благодарен, ничего не нужно, только, мол, приказал просить, ежели бы можно, комнатку почище где- нибудь...* (Л.Толстой). Такая этикетно-вводная конструкция, сохраняя своё назначение, может присоединять к себе содержание просьбы и

выступать в качестве самостоятельного предложения: - *Ежели бы можно рюмочку простой водки,- сказал он с просящим выражением,- я так слаб... пожалуйста!* (Л.Толстой).

Содержание придаточной части может составлять апелляция к самосознанию адресата речи, сопровождающая просьбу о помощи: - *Ты бы мог меня избавить от худых вещей, если бы был добрый товарищ, Аркадий* (Достоевский).

К конструкциям, имеющим форму условно-следственного предложения, но не выражающим одноимённых отношений, относятся предложения, которые передают информацию, недостаточно расчленённую в ситуативном плане: *Если бы я потом и винил Версилова, то винил бы только нарочно, для виду, то есть для сохранения над ним возвышенного моего положения* (Достоевский). Предикат второй части может быть элиминирован: *Машенька, семья Берс мне особенно симпатична, и если бы я когда-нибудь женился, то только в их семье* (Кузминская). Подобные конструкции интерпретируются в лингвистической литературе по-разному:

1) как сложные предложения, совмещающие условное значение с другими видами значений: условно-ограничительные взаимоподчинённые [Ильенко 1962: 49], условно-выделительные [Беднарская 1983: 106 и др.];

2) как простые предложения, выражающие выделительные отношения [Белошапкина 1967: 37]. Эта точка зрения получила развитие в ряде других работ. Так, моноситуативный характер подобных предложений отмечен в [Колосова 1979: 69-70; Ляпон 1986: 108; Гаврилова 2001: 239 и др.]. Т.А.Колосова разграничивает структурный подход к анализу названных построений (сложные предложения) и семантический подход (монособытийные предложения) и подчёркивает, что они служат грамматикализованным средством актуализации определённых отрезков текста. Г.Ф.Гаврилова указывает, что эти конструкции характеризуются постоянной схемой актуального членения: часть с союзом *если бы* – всегда тема, а часть, следующая за коррелятом *то*, – рема. На наш взгляд, в анализируемых предложениях союз *если бы* не выражает условно-следственных отношений. В них второе утверждение имеет смысл как деталь, компонент предшествующей ситуации, её продолжение. Такие конструкции являются средством эмпазы.

Выделительную функцию союз *если бы* выполняет в следующем предложении, лишённом условно-следственной семантики: - *Да, это правда: если б не решилась, то потому только, что боялась её...* (Гончаров). Сообщаемое в первой части служит предметом для последующего причинно-аргументирующего суждения о нём, составляющего рематическую часть высказывания.

Условная придаточная часть может выполнять роль вставного компонента, называя попутные мысли, как бы развивающие основной текст. Следует подчеркнуть, что вставка, вводимая *если бы*, не всегда имеет статус условной придаточной: *Постояла, прислушиваясь (ах! если бы и на самом деле сейчас загремела в сенях рассерженная мать!), потом перевела дух и, взойдя на крыльцо, упёрлась глазами в увесистый замок* (Абрамов). В следующем случае вставной компонент передаёт рефлексия говорящего по поводу увиденного: *Стройная, ноги длинные (если бы хорошо одеть), шея красивых линий (если бы её открыть), волосы волнами (если бы причесать так, как идёт), лицо благородное (если бы проследить, чтобы не было прыщиков на подбородке от трения о грубое школьное платье)* (Дружников). Как свидетельствуют примеры, вводимая вставной конструкцией дополнительная информация не всегда инертна по отношению к субъекту речи. Это объясняется спецификой союза *если бы*. Оформляя простое предложение (и утрачивая при этом союзную функцию), он имеет ярко выраженную субъективную модальность и квалифицирует ирреальное действие как желаемое.

Вставки характеризуются разной степенью связи с предложением. Так, в примере *Ведь если господин Бурдовский окажется теперь не «сын Павлицева», то ведь в таком случае требование господина Бурдовского выходит прямое мошенничество (то есть, разумеется, если бы он знал истину), но ведь в том-то и дело, что его обманули, потому-то я и настаиваю, чтоб его оправдать...* (Достоевский) вставной компонент вплетён в семантико-грамматическую канву основной конструкции: он, как и большая часть вставок, имеет ретроспективный характер и представляет собой поправку-уточнение к предтексту. Вместе с тем вставной компонент сохраняет значение условной придаточной части. Он смещает аспект рассмотрения «проблемы», ограничивая её указанным условием. С другой стороны, вставная конструкция обращена к посттексту, реализующему вторую сторону ирреальной модальности, описывающему реальное положение дел: *если бы он знал истину=он не знал, его обманули*. Наличие вставного компонента вводит в сообщение своеобразный «второй план», дополняющий содержание основного сообщения.

Информация, составляющая второй план сообщения, является разноплановой.

1. Она может носить денотативный характер (см. пример выше).
2. Вставная конструкция может содержать модальную характеристику сообщаемого в основной части высказывания: *Человек со стороны,- если бы мог быть такой человек,- попав в сельские районы немецкой оккупации, был бы поражён необыкновенными, мрачными и*

неожиданными по контрасту картинами, открывающимися его взгляду (Фадеев). В приведённом примере вставная конструкция передаёт неуверенность, сомнение автора, основанные на малой вероятности описываемой ситуации.

Способность вставных конструкций нести модальные значения отмечена исследователями [Грамматика русского языка 1960, т.2, ч.2: 169; Валгина 1978: 271 и др.]. Г.П.Немец относит к модальным средствам языка вставные конструкции со значением оценки и использует приём замены таких конструкций модальными словами и частицами. Автор подчёркивает, что “даже внешне не идентифицируемые традиционными средствами модальные вставные конструкции несут в себе определённые отношения, поскольку они вводятся именно с целью реализовать отношение” [Немец 1999: 247]. Внося дополнительные субъективные коннотации в объективно-модальную характеристику высказывания, вставной компонент участвует в формировании модальности высказывания как ведущей формы “фильтрации объективного мира через субъективный” [Кошева 1976: 61].

3. Вставка может выполнять метаязыковую функцию: *Мгновения эти были именно одним только необыкновенным усилием самосознания, - если бы надо было выразить это состояние одним словом, - самосознания и в то же время самоощущения в высшей степени непосредственного* (Достоевский). Вставной компонент, являясь сигналом рефлектирующего вмешательства, содержит интерпретацию, оценку говорящим выбранного им способа вербализации. В подобных высказываниях «проблема выбора словесной формы выступает как самостоятельный пункт коммуникативной программы» [Ляпон 1986: 49].

Особый аспект анализа условной придаточной составляет её функционирование в качестве самостоятельной предикативной единицы:

- *Кабы я моложе была, - усмехаясь, сказала торговка* (Горький). В этом случае *если бы* утрачивает статус союза и превращается в модальную частицу, но при этом сохраняет своё модальное значение, которое накладывается на диктумную часть семантики простого предложения. Поскольку описываемая ситуация оценивается как ирреальная, ей может быть противопоставлена реальная ситуация: *Если бы там тоже пока остановилось – так нет же, идёт!* (Дружников). Союз *если бы* часто оформляет предложение со значением желаемого действия. В этом случае превращение придаточной в самостоятельную предикативную единицу осуществляется путём элиминации главной части, содержащей модус (оценку), ср. полный вариант: - *Да, оно хорошо, кабы становым!* (Салтыков-Щедрин). Условием эллипсиса главной части является “семантическая избыточность – повторение одного и того же модального значения в главной и придаточной

час- тях (причём в придаточной содержится, наряду с модальной, ещё и информация денотативного плана)”[Гаврилова 2001: 237]. Анализиру- емые предложения не содержат сообщения о последствиях, вытекаю- щих из желаемого события, но говорящий сознаёт эти последст- вия. Желаемое событие является таковым потому, что желаемым яв- ляется результат, который, в частности, может быть назван в посттек- сте: - *О, если бы ваш государь протянул нам руку! Он и Наполеон стали бы владельцами мира* (Данилевский).

Литература

Беднарская Л.Д. Изменения в семантике и структуре сложно- подчинённых предложений условного типа в русском языке художе- ственной прозы с 20-30-х годов XIX века до 80-х годов XX: Дис. ...канд. филол.наук.- Орёл, 1983.

Белошапкина В.А. Сложное предложение в современном рус- ском языке.- М.: Просвещение, 1967.

Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка.- М., 1978.

Валгина Н.С. Пути вхождения разговорных конструкций в письменную речь//НДВШ. Филол. науки.- 1997.- № 6.

Гаврилова Г.Ф. О коммуникативно-функциональном потенциа- ле придаточной части//Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. статей памяти В.А.Белошапкиной.- М.: Индрик, 2001.

Грамматика русского языка.- М., 1960.

Ильенко С.Г. Сложноподчинённые предложения с придаточ- ными, присоединяемыми к главному союзом ЕСЛИ, в современном русском языке//Вопросы современного и исторического синтаксиса русского языка.- Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, вып. 225, 1962.

Колосова Т.А. О диктуме и модусе в сложном предложении // НДВШ. Филол. науки.- 1979.- № 2.

Колосова Т.А. Русские сложные предложения асимметричной структуры: Дис. ...д-ра филол. наук.- Воронеж, 1979.

Кошечкина И.Г. Проблемы языкознания и теории английского языка.- М., 1976.

Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений.- М.: Наука, 1986.

Немец Г.П. Семантика метаязыковых субстанций.- М.- Красно- дар, 1999.

Г.П.

Речевая коммуникация и средства личного дейксиса

Исследование дейксиса имеет долгую традицию. До настоящего времени интерес филологов, лингвистов, психологов к этой проблеме не пропадает. Он обусловлен в значительной степени тем, что затрагивает проблему личности, ее коммуникативной деятельности. Деятельностный подход к изучению языка позволил углубиться в содержание процесса речевой коммуникации и перейти от исследования языка как системы в себе к исследованию языка как системы функционирующей и изменяющейся в условиях целесообразного взаимодействия людей. «Полярность лиц – вот в чем состоит основное условие, по отношению к которому сам процесс коммуникации есть всего лишь прагматическое следствие» (Бенвенист 1974 : 294).

Важными факторами, способствующими осуществлению взаимодействия между структурами языка и контекста, являются средства дейксиса. Дейксис (от греч. *deixis* - указание), характеризует предметы объективной действительности по отношению к точке отсчета, за которую принято считать *ego* - «я» говорящего и создающего текст. Соотнесенность дейктических единиц с внешним миром, референтом является отличительным свойством дейктических единиц.

Система ориентирования определяется как дейксис, а координаты лица, места, времени квалифицируются как дейктические параметры. Категория лица определяет роль участников речевого общения, которым посвящено высказывание. Категория говорящего первого лица кодирует понятийное содержание говорящего по отношению к самому себе, второе лицо реализует значение по отношению к другому лицу, третье лицо реализуют значение по отношению к объектам вне данного высказывания.

Пространственные дейксисы кодируют местонахождение участников речевого акта. Местоимение «это», подобно местоимению «там» соотносится с пространством, исключая автора речи. Временные параметры кодируют соотношение времени описываемого действия с моментом произнесения высказывания, реальным общением. В художественном произведении место и время происходящего изначально задано и определяется только по соотношению к текстовому дейксису в определенной заранее заданной системе координат.

Дейктические координаты выполняют важную роль при ориентации в коммуникативном пространстве. К.Бюлер, проанализировав механизм позиционных типов дейксиса, выбрал начальным пунктом системы дейктических средств центр указательного поля, выступающий в качестве точки отсчета при

ориентации человека в пространстве и времени. Автор исходит из функционирования дейктиков в речи. Он выделяет дейксис видимого, контекстуальный или анафорический дейксис и дейксис представления, т. е. то, что известно собеседникам и чье употребление основано на их знаниях о данном предмете (Bühler 1934: 102 –120).

Дж.Лайонз рассматривает дейктические явления как фактор, постоянно напоминающий лингвистике о том, что все языки предназначены для интерактивного исследования (Lyons 1977: 589). Автор понимает под дейксисом локацию и идентификацию лиц, предметов, событий, процессов и действий, о которых говорят или к которым отсылают относительно пространственно-временного процесса, создаваемого и поддерживаемого актом высказывания и участия в нем, как правило, только одного говорящего и, по меньшей мере, только одного адресата. По мнению Дж. Лайонза, формы вежливости вводятся в категорию дейксиса для того, чтобы объяснить дифференциацию личных местоимений в некоторых языках не в терминах их соотносительности с ролями участников высказывания, а в терминах их относительного статуса или степени интимности (Ср.: Лайонз 1978: 296).

И.П. Сусов в связи с обсуждаемой проблемой отмечает, что средства социального дейксиса локализуют акт языкового общения в пространственно-временном и социальном континууме, обеспечивая функцию ориентации собеседников относительно изображаемого положения дел и коммуникативной ситуации (Сусов 1986: 10). В.В. Бурлакова, оценивая правомерность выделения дейктических категорий, подчеркивает: «Давняя традиция считать дейктические выражения элементами, которые не способны называть, а могут только указывать, сохранилась до настоящего времени и является ведущей в современных исследованиях» (Бурлакова 1988:85). Вместе с тем автор высказывает мнение о том, что дейксис по своей сути субъективен. «Субъективность дейксиса видна прежде всего в том, что весь отсчет единиц ведется с точки зрения говорящего, причем эта субъективность эксплицитно выражена, т.к. дейктические единицы передают непостоянство признака и его зависимость от выбранной точки отсчета» (Бурлакова 1997:105).

Средства дейксиса обеспечивают пространственную и временную ориентацию личности в социальной деятельности относительно описываемой ситуации или ее составляющей, характеризуются этнокультурной принадлежностью. Использование тех или иных средств дейксиса во многом обусловлено языковыми нормами общества. Говорящий не только указывает на предмет и его признак, но одновременно соотносит с реальной действительностью и временем, причем

точкой отсчета является субъективный взгляд на реальность и момент речи. Творческая воля говорящего, его намерение, интенция, становятся базой для модальности.

Предмет мысли в процессе референции (сообщения, отражения) образует то понятийное содержание, которое передает данная языковая единица. В непосредственном общении невербальные средства уточняют временные и пространственные координаты. Значение указательности сопутствует дейктикам как в неанафорическом, так и анафорическом употреблении. Приведем в качестве примера фрагмент дискурса на немецком и русском языках из романа Б. Келлермана «Город Анатоль» в неанафорическом употреблении. Нем.: “Es ist Jacques, mein Freund – du weißt, Rosa, der aus Paris gekommen ist?” sagte er mit gedämpfter Stimme.

Русск.- Это Жак, мой друг! Тот Жак, что приехал из Парижа, помнишь?- сказал он вполголоса.

Анафорическое употребление дейксиса характерно для указательных местоимений, которые при выполнении дейктических функций сохраняют все свои дейктические характеристики. Дейктики как бы указывают на то, что сказано было ранее. Указательные дейктики обладают той спецификой, что указываемые объекты существуют в момент речи, т.е. для них характерна одновременность. Напр.: “Vielleicht weißt du gar nicht, daß ich ein Haus in der Stadt besitze, Jacques? Janko lacht leise. “Es steht in der Klostergasse und ist gerade so breit, daß man nicht einem Neuwagen durch das Tor fahren kann (Kellermann, 1959: 6 9).

Русск.: Ты, наверно, знаешь, Жак, что у меня есть дом в городе?- Янко тихонько рассмеялся.- Он стоит в монастырском переулке и занимает по фасаду ровно столько места, сколько нужно, чтобы проехала повозка с сеном.

Следовательно значение указательности сопутствует дейктикам не только в неанафорическом употреблении, но и в анафорическом. Интерес к этой проблематике не ослабевает. Подобный анализ проводится с применением разных подходов, вовлекая в сферу рассмотрения все новых авторов.

Значение средств дейксиса обусловлено временным месторасположением этих единиц. В непосредственном общении невербальные средства уточняют временные и пространственные координаты. Дейксис определяется по отношению к ситуации высказывания. Семантику дейктического поля образуют компоненты: я - здесь - сейчас. Местоимение «я» обозначает говорящего, является опорой дейксиса и источником модальности.

Предмет мысли в процессе референции (сообщения, отражения) образует то понятийное содержание, с которым соотносится данная языковая единица. Использование средств соци-

ального дейксиса регулирует процесс понимания дискурса и, как результат, способствует его осмыслению. Достижением последних лет является усиленное внимание к языку как одному из компонентов общественной практики людей, их деятельности, направленной на совместное, коллективное взаимодействие коммуникантов.

Особое место среди других категорий дейксиса занимают формы вежливости. Они теснейшим образом связаны с использованием личных местоимений, составляющих категории личного дейксиса, которые вводятся для того, чтобы объяснить дифференциацию личных местоимений в некоторых языках не в терминах их соотнесенности с ролями участников ситуации высказывания, а в терминах их относительного статуса или степени интимности.

Формы вежливости осуществляются средствами личного дейксиса, в особенности местоимениями второго лица и рассматриваются в ряде дейктических категорий и тем самым включаются в круг описываемых явлений, тесно связанных с дейксисом в некоторых языках индоевропейской семьи. Дейктические формы вежливости в этих языках, как свидетельствует С.Рахимов, отличаются друг от друга так, что требуется особое внимание с точки зрения психолингвистики и с точки зрения теории речевой коммуникации (Рахимов: 1990).

Наибольший интерес, по мнению И.П.Сусова, представляют дейктические формы вежливости в аспекте прагмалингвистики, исследующей «использование естественного человеческого языка в качестве орудия действия и взаимодействия в условиях конкретных ситуаций общения» (Сусов 1983:15). Без привлечения форм вежливости трудно описывать функционирование личных местоимений. В оппозиции **ты** и **вы**, как известно, отражаются и социальная градация, и разница в возрасте, и ситуация общения, и образование людей.

Дейксис определяется по отношению к ситуации высказывания. Кроме «языкового кода», важно учитывать коды культуры, собственно обычаи, традиции, типы мировоззрений, позволяющие личности осуществлять индивидуальный выбор, занять или наметить свою позицию в системе ориентирования личности в пространстве социальной коммуникативной деятельности относительно координат кто, где, когда.

Таким образом, несмотря на различное толкование понятия дейксиса в речевой коммуникации, большинство лингвистов рассматривают дейксис как значение, функция указания, соотнесения с лицами, предметами или событиями, находящимися в том или ином отношении к говорящему лицу или моменту речи.

Литература

- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974 .
- Бурлакова В.В.* Дейксис. // Спорные вопросы английской грамматики. Л. 1988.
- Бурлакова В.В.* Дейксис и актуализация предложения. В кн.: Актуализация предложения. С.-Петербург, 1997
- Рахимов С.* Семантика и функции средств личного дейксиса. // Язык, дискурс и личность. Тверь, 1990.
- Сусов И.П.* К предмету прагмалингвистики. // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин, 1983.
- Сусов И.П.* Прагматическая структура предложения. // Языковое общение и его единицы. Калинин, 1986.
- Bühler K.* Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena. 1934.
- Lyons J.* Semantik. Vol. 2. L., 1977.

О. А. Селеменова

г.

Елец

Речевая реализация и функционирование структурной схемы «где нечто подвергается воздействию что»

Под структурной схемой мы понимаем языковой знак, означаемым которого выступает типовая пропозиция, а означающим являются словоформы со значением субъекта и предиката со своими синтаксическими местами [Попова 1996: 255]. Наша работа является попыткой проследить «поведение» структурной схемы «где нечто подвергается воздействию что», являющейся знаком типовой пропозиции «состояние природы (окружающей среды)», в процессе речевой реализации и особенности её функционирования в тексте.

Исследование выполнено на языковом материале в объеме 3200 безличных предложений-высказываний со значением «состояния природы (окружающей среды)», изъятых методом сплошной выборки из произведений русских писателей XIX — XX веков. При исследовании использовался метод наблюдения и описания. Высказывания, в основе построения которых выделенная нами схема, составляют 0,34 % от общего числа выборки (или 11 примеров).

Структурная схема «где нечто подвергает воздействию что» трёхкомпонентная. Структурообразующим компонентом выступает личный глагол в безличном употреблении *намело* (‘подметая, сметая, собрало в каком-либо количестве’) (45,5 %); *взломало* (‘ломаю, вскрыло, разворотило’) (18,5 %); *нанесло* (‘навалило, нагромоздило в каком-либо количестве’) (9 %); *навалило* (разг. ‘выпало’) (9 %); *гнало* (‘заставляло двигаться в определённом направлении’) (9 %); *подняло* (‘переместило наверх, придало более высокое положение’) (9 %); локативный субъект представлен либо локативным наречием, либо

предложно-именной формой, третий компонент схемы – наименование объекта, который подвергается воздействию, – маркирован винительным падежом имени существительного. Например: *Снегу здесь **намело** немного, Агата это знала, дорогу к стожку торить почти не надо, радовалась она* (Иванов. Вечный зов); *У нас **перед домом намело** огромный сугроб, и он лежал на солнце, сиял, как непомятая лебединая грудь* (Пришвин. Календарь природы); ***Подняло снег над тундрой**, воедино слились земля и небо...* (Астафьев. Бойе).

В процессе речевой реализации анализируемая структурная схема подвергается грамматическим и структурно-семантическим модификациям. Грамматическая модификация схемы, представляющая собой ось, «которая держит на себе постоянные компоненты, составившие модель предложения» [Золотова 1973: 130], в нашем материале маркирована формой прошедшего времени предикатива (91 %). Например: *А снегу возле леса **намело** горы* (Шолохов. Донские рассказы); ***Намело** сугробы выше окон...* (Куприн. Мелюзга); *Огонь **знало** по земле с неслыханной скоростью* (Паустовский. Заячьи лапы).

Встречаются в нашем материале и высказывания с предикативом в форме будущего времени (9 %): *Снегу на зимовье **наметёт** – могила* (Астафьев. Царь-рыба).

Частотность грамматических модификаций, представленных прошедшем временем, и редкость грамматических модификаций, представленных будущим временем, объясняется, на наш взгляд, коммуникативными интенциями говорящего: человек-наблюдатель предпочитает сообщать о состоянии природы (окружающей среды), которое уже имело место в прошлом. Утверждать же наличие определённого состояния природы (окружающей среды) в будущем сложно: несмотря на развитие науки и техники человек не всегда точно может спрогнозировать то или иное состояние природы.

Если грамматические модификации не касаются семантики предложений, а лишь поворачивают его ось, то структурно-семантические модификации (или смысловые преобразования) вносят в предложение новый семантический элемент [Золотова 1973: 205]. Структурно-семантическая модификация схемы «где нечто подвергается воздействию что» представлена неполной реализацией (18,18 %), заключающейся в эллипсисе словоформы со значением локативного субъекта, который может быть восстановлен из контекста. Например: *Казачи, глядя на Дон, ждали преждевременного разлива. Мирон Григорьевич в этот день долго стоял на заднем базу, глядел на взбухший снегом луг, на ледяную сизо-зелень Дона, думал: «Гляди, накупает и в нынешнем году, как в прошлом. Снегов-то, снегов навалило!»* (Шолохов. Тихий Дон) (‘на лугу и на Дону навалило снегов’).

Модальные, фазовые, вопросительные и отрицательные модификации анализируемой схемы в нашем материале не отмечены, но они возможны. Например: *Снегу возле дома может наместить столько,*

что за порог не выйдем. Огонь начало гнать по земле с невиданной скоростью. Много ли снегу к завтрашнему дню на подворье наметёт? Уже январь, а в полях снегу не намело.

Процесс речевой реализации описываемой схемы приводит к включению в позиционную схему высказывания детерминирующих конструкций, обогащающих пропозиции высказываний дополнительными смыслами. Под детерминантом понимают отдельную словоформу, входящую в предложение в качестве его распространителя, «формально не связанного ни с какой словоформой, распространяющей эту схему» [Грамматика 1970: 624]. Детерминант – это «чисто предложеческая категория» [Крылова 1976: 45].

Состояние «возникает во времени, длится в течение определённого времени, не изменяя своего качества, по истечению определённого времени оно меняется, на смену одному состоянию приходит другое» [Казарина 2002: 65]. Временной характер состояния и предопределяет способность позиционной схемы усложняться темпоральными конструкциями. Эта способность пропозиции включать в свой состав смысл `время` уже отмечалась в лингвистической литературе [Булыгина 1982; Селивёрстова 1982].

В нашем материале встречается высказывание с темпоральным детерминантом, имеющим итеративное значение. Например: *Зимой у нас в Сибири бывали такие бураны, что сугробы наносило выше человеческого роста...* (Рябинин. Нигер). Наблюдатель знает, что каждую зиму в Сибири наносит огромные сугробы снега, он видел это неоднократно, запомнил и воспроизвёл эти сведения.

Структурные схемы простого предложения, являясь структурной и семантической основой высказываний, принимают участие в формировании минимальных речевых единиц текста – коммуникативных регистров. М. Ю. Сидорова отмечает, что, исследуя взаимодействие между предметом, целью и способом изображения, «лингвисты издавна пытаются систематизировать тексты: то в терминах "повествование – описание – рассуждение" ... то с использованием понятий жанра, функционального стиля и т. п.» [Сидорова 1997: 7], анализ текстов идёт то с учётом синтаксических связей между предложениями, то синтаксических отношений между ними. Теория коммуникативных регистров Г. А. Золотовой позволила «найти лингвистическую опору для типизации текстовых форм, соотнести коммуникативные интенции говорящего, характер отображаемой действительности и языковые средства, формирующие ту или иную текстовую модель мира» [Сидорова 1997: 7].

В соответствии с теорией коммуникативных регистров, разработанной Г. А. Золотовой и её школой, выделяется три речевых регистра, характерных как для монологического, так и для диалогического текста: репродуктивный, информативный и генеритивный регистры. Коммуникативный регистр в работах Г. А. Золотовой – «понятие, аб-

страгированное от множества предикативных единиц или их объединений, употреблённых в разнородных по общественно-коммуникативному назначению контекстах» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 393], сопоставленных и противопоставленных по трём признакам: характеру отображаемой в речи действительности; пространственно-временной дистанцированности наблюдателя от описываемых событий и, следовательно, по способу восприятий – сенсорному или ментальному; коммуникативным интенциям говорящего (сообщение, волеизъявление, реакция) [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 393]. Соответственно различаются и языковые средства, образующие эти регистры: видо-временные формы глаголов, признаковая лексика, конкретные и абстрактные существительные и т.п.

Структурная схема «где нечто подвергает воздействию что», реализующая в высказывании пропозицию «состояние природы (окружающей среды)», формирует прежде всего *репродуктивный регистр описательного типа*. В *репродуктивном* регистре этого типа говорящий воспроизводит сенсорно наблюдаемое «в конкретной длительности или последовательной сменяемости действий, состояний, находясь – в реальности или в воображении – в хронотопе происходящего» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 29]. Временные формы в нашем материале преимущественно представлены актуальным прошедшим. Сюжетное время и время восприятия совпадают.

Например: *А снегу возле леса намело горы* (Шолохов. Донские рассказы); *Намело сугробы выше окон* (Куприн. Мелюзга). Предикативы в высказываниях – глаголы совершенного вида прошедшего времени в перфектной функции. Ср.: *У нас перед домом намело огромный сугроб, и он лежал на солнце, сиял, как непомятая лебединая грудь* (Пришвин. Календарь природы). Предикативы – глаголы несовершенного вида прошедшего времени в имперфектно-процессуальном значении *лежал, сиял*; глагол совершенного вида прошедшего времени в перфектной функции (*намело*), Или: *В ночь под Пасху небо затянуло черногрудыми тучами, накрапывал дождь. Отсыревшая темнота давила хутор. На Дону, уже в сумерках, вылезала из воды, сжатая массивом поломанного льда, крыга. Лёд разом взломало на протяжении четырёх вёрст, до первого хутора колена. Пошёл стор. Под мерные удары церковного колокола на Дону, сотрясая берега, крушились, сталкиваясь, ледяные поля. У колена, там, где Дон, избочившись, заворачивает влево, образовался затор. Гул и скрежет налезавших крыг доносило до хутора* (Шолохов. Тихий Дон). Перед нами картина ледохода по Дону: огромные ледяные глыбы, масса воды, темнота, грохот взломанного льда. Высказывания (*В ночь под Пасху небо затянуло черногрудыми тучами; Лёд разом взломало на протяжении четырёх вёрст, до первого хутора колена; Пошёл стор; У колена, там, где Дон, избочившись, заворачивает влево, образовался затор*) формируют репродуктивный регистр описа-

тельного типа с предикативами совершенного вида прошедшего времени в перфектном значении: *затянуло, взломало, пошёл, образовался*. Высказывания (*накрапывал дождь; Отсыревшая темнота давила хутор; На Дону, уже в сумерках, вылезала из воды, сжатая массивом поломанного льда, крыга; Под мерные удары церковного колокола на Дону, сотрясая берега, крушились, сталкиваясь, ледяные поля; Гул и скрежет налезавших крыг доносило до хутора*) также формируют репродуктивно-описательный регистр, но предикативы – глаголы несовершенного вида прошедшего времени в имперфектно-процессуальном значении: *накрапывал, давила, вылезала, крушились, доносило*. Сопутствующие действия *сталкиваясь, сотрясая берега* совпадают с основным действием *крушились* во времени.

Высказывания, в основе которых структурная схема «где нечто подвергает воздействию что», реализующая пропозицию «состояние природы (окружающей среды)», могут участвовать и в формировании *информативного регистра описательного типа*. Информативный регистр «предлагает сообщение о фактах, событиях, свойствах, поднимающихся над наблюдаемым в данный момент, отвлечённых от конкретной длительности единичного процесса, не прикрепленных к единому с перцептором хронотопу» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 29]. Говорящий или наблюдающий сообщает известное ему или познаваемое им на основе неоднократного наблюдения, опыта, полученного в результате мыслительных операций. Для информативного регистра характерно несоответствие событийного времени и времени перцептивного, выражающего позицию автора речи: опыт приобретен ранее момента речи, не совпадает с событийным временем.

Например: *Зимой у нас в Сибири бывали такие бураны, что сугробы наносило выше человеческого роста...* (Рябинин. Нигер). Перед нами пример информативно-описательного регистра. Предикативы – глаголы несовершенного вида прошедшего времени со значением неоднократно повторяющихся действий (*бывали, наносило*). То есть огромные сугробы в Сибири наносило не одну зиму, а наносит каждую зиму. Дополнительный показатель информативного регистра – детерминант с итеративным значением *зимой*.

В результате анализа структурной схемы «где подверглось воздействию что» можно сделать следующие *выводы*:

1. данная схема лежит в основе 0,34 % высказываний нашей выборки, она маркирует типовую пропозицию «состояние природы (окружающей среды)»;

2. схема трёхкомпонентна: локативный субъект в ней представлен предложно-именной формой или локативным наречием, состояние природы (окружающей среды) маркировано личной формой глагола в безличном употреблении; объект, который подвергается воздействию, – винительным падежом имени существительного;

3. в процессе речевой реализации структурная схема «где нечто подвергает воздействию что» модифицируется, нами были отмечены как грамматические модификации, представленные преимущественно прошедшем временем глагола, так и структурно-семантические, среди которых нашла место неполная модификация;

4. процесс речевой реализации описываемой схемы приводит к включению в позиционную схему высказывания детерминирующих конструкций, обогащающих пропозицию высказываний дополнительными смыслами, в нашем материале это смысл `время`;

5. по своей коммуникативной функции предложения, в основе которых схема «где нечто подвергает воздействию что», преимущественно способствуют формированию репродуктивного регистра речи, редко – информативного.

Литература

Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 7 – 85.

Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1970. – 765 с.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 350 с.

Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 366 с.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: МГУ, 1998. – 524 с.

Казарина В. И. К вопросу о состоянии как семантической категории // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц. Межвузовский сборник научных трудов. – Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2002. – С. 60 – 71.

Крылова, О. А. Детерминанты в аспекте коммуникативного синтаксиса // Вопросы языкознания. – 1976. – №2. – С. 43 – 53.

Попова, З. Д. Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа // Словарь. Грамматика. Текст. – М.: Наука, 1996. С. 255 – 276.

Селивёрстова, О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 86 – 157.

Сидорова М. Ю. О средствах формирования коммуникативных типов речи (репродуктивный регистр) // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 1997. – №6. – С. 6 – 19.

Р.Ф. Смирнова
г. Таганрог

**Роль отрицания
в логико-семантической структуре предложения.**

(К проблеме «расплывчатой» грамматики во французском языке)

Исследователями теории и истории французского языка обнаружено, что во всех его аспектах наблюдается нечеткость границ между фактами языка, недискретность этих фактов, постепенность перехода от одной формы к другой, перевода одного состояния к другому. [Гак, 1986: 180] Эта не дискретность языковых фактов является одной из существенных причин трудности научных классификаций и теоретического истолкования явлений. Однако, именно изучение промежуточных явлений, постепенного перехода одного явления в другое и составляет одну из важнейших и интереснейших задач всякой науки.

В самом деле, если человеческие понятия, отражая изменчивые явления внешнего мира, не являются неподвижными, а постоянно переходят друг в друга, то в общении люди нередко прибегают к понятиям с расплывчатыми очертаниями, их значения утрачивают четкие различия и тогда создается объективная трудность установления классификационных границ между ними. При таком положении в структуре языка некоторые лингвисты усматривают явление «расплывчатой грамматики» [Гак, 1986:6; Martin, 1978]. Примеров достаточно: употребление артикля, выбор наклонений глагола, функционирование отрицательных и вопросительных высказываний и т.д.

О чередовании наклонений сослагательного и изъявительного (subjunctif / indicatif) в высказываниях с одинаковой структурой, об утрате четких различий между их грамматическими значениями докладывалось на международной научной конференции «Психосистематика в России и за рубежом» в сентябре 2005 г. , в РГПУ им. А.И. Герцена. [Смирнова, 2005: 46-48].

Примером той же «расплывчатости» в грамматике является, на наш взгляд, «поведение» отрицания в некоторых высказываниях как отрицательных, так и вопросительных. Известно, что отрицание играет большую роль в логико-семантической структуре предложения. Оно может отражаться на грамматической форме других элементов предложения. Отрицательные предложения более сложны семантически, чем утвердительные: они предполагают специфические пресуппозиции. Отражаясь на грамматической форме других элементов предложения, отрицание объекта или факта делает их менее актуализованными. Так происходит в примерах, где используется субъектив после глаголов в отрицательной форме: *Je crois qu'il est malade — Je ne crois pas qu'il so it malade.* Я думаю, что он болен. - Я не думаю, чтоб он был болен. Глагол относится к отрицательному модусу. В этом случае в придаточном предложении употребляется сослагательное наклонение (субъектив), который выражает

действие с меньшей степенью актуализации, чем индикатив. Или в примере: *La route n'est pas mauvaise au point qu'on ne puisse y circuler en voiture*. Не до такой степени плоха дорога, чтоб нельзя было по ней проехать на машине. Говорящий заинтересован в выполнении действия (проехать на машине), но свое волеизъявление он выражает более мягко, «косвенно», нежели прямой приказ. В поверхностной структуре высказывания есть несколько языковых явлений, которые передают эту «расплывчатость» содержания речи говорящего. Языковые маркеры «нечеткости» группируются вокруг отрицания *ne...pas* в главном предложении и усиливаются значением «приблизительности» союза *au point que* и формой субжонктива *ne puisse...* в придаточном предложении. Все вместе служит передаче неуверенности говорящего в осуществлении действия придаточного, а также выражению его мягкого отношения к собеседнику.

Показывающее неполноту, нечеткость явления отрицание используется вместо утвердительной формы в качестве эвфемизма: // *Il n'est pas tres intelligent* (вместо: *il est sot*), а также для смягчения просьбы: *Ne pourriez vous pas...*- Не могли бы вы ?

В исследованиях по проблемам семантики и функционирования вопросительного предложения отмечается семантическая близость положительной и отрицательной формы общего вопроса. В современном русском языке вопрос - *У вас есть фонарик?* семантически эквивалентен вопросу - *У вас нет фонарика!* Та же картина при иной форме выражения с частицей «ли»: *Есть ли у вас фонарик?* равнозначной предложению: *Нет ли у вас фонарика?* [Баранов, 1983: 263]. Такую же картину мы наблюдаем во французском языке. Например: *Ernestine. - Vous n'avez pas vu monpere?* — Вы не видели моего отца? *Topaze: - Non. M. le directeur ne s'est point montre ce matin.* (Pagnol. *Topaze*). - Нет. Господин директор совсем не появлялся сегодня утром. Ясно, что и при позитивной форме выражения вопроса: *Vous avez vu monpere?* — Вы видели моего отца? Ответ был бы тот же: Нет. В следующем высказывании: - *Tu viendras pas nous voir?* - Ты не придешь нас повидать? - *J'aurai pas le temps.* - У меня не будет времени. (Queneau. *Zazie...*) Вопрос, выраженный положительной формой: *Tu viendras nous voir?* - Ты придешь к нам? мог сопровождаться тем же ответом, т.е. отказом, выраженным формой косвенного высказывания: - Не будет времени. Не получая лингвистического объяснения, нейтрализация отрицания в общем вопросе остается на уровне констатации.

Отмечаемая профессором В.Г. Гаком специфика французского языка, проявляющаяся в нечеткости границ между фактами языка, всегда была одной из причин возможности различного теоретического подхода и различных теоретических решений в филологии [Гак, 1986: 180]. В статье делается попытка найти лингвистическое объяснение явлению

семантической близости позитивной и негативной форм общего вопроса. В этом плане представляется целесообразным обращение к теории психосистематики, разработанной в трудах Г. Гийома и его последователей [Гийом, 1992; Скрелина, 1978; 1971]. Пользуясь методикой векторного анализа гийомисты выявляют универсальные мыслительные механизмы актуализации языковых знаков. В рамках теории психосистематики можно объяснить степень семантической близости двух типов вопросных фраз кинетизмом системы, ее динамическим характером как на уровне речи, так и на уровне языка. Отрицание и вопрос, как и другие грамматические значения формируются в ходе спиралевидного движения мысли от общего к частному (или от широкого к узкому) и обратно, от частного к общему (или от узкого к широкому) [Moignet, 1974:101-105]. Гийомисты пользуются приемами векторного анализа. Это рисунки, изображающие направление движения мысли говорящего в процессе актуализации языковых явлений. Идея векторного тензора (*tension* - движение), лежащего в основании методики векторного анализа, служит условием для понимания языковых систем, рассматриваемых как в момент их виртуальности, т.е. в системе языка, скрытой от непосредственного наблюдения, так и в момент актуальности, т.е. в речи. [Скрелина; 1987]

Французское отрицание, ориентируя процесс в направлении "нуля" (*nullite*) проходит две фазы, обозначенные в языке словами «*pe*» и «*pas*». Не передает движение от общего к частному, т.е. от широкого к узкому, или от плюса (+) к минусу (-), и ведет к негативации процесса; *pas* обозначает противоположное движение от частного к общему, или от минуса (-) к плюсу (+) и закрепляет достигнутую негативацию:

I		II
+ _____ <i>pe</i> _____ -	-	_____ <i>pas</i> _____ +

Таким образом, механизм формирования отрицания прост и универсален.

Рассмотрим далее, каким образом процесс формирования отрицания взаимодействует с процессом формирования вопроса и невопроса. Он подобен механизму формирования двух типов фраз: интеррогативной (диалектической) или вопросительной и асертивной (повествовательной) или невопросительной. Интеррогативное значение (фраза как модель и ее означаемое) формируется на векторе движения мысли от широкого к узкому, подобно частице "ne", т.е. от плюса к минусу. + _____ - : *Vient-il?*, асертивное значение (невопросительное) формируется на векторе движения мысли от узкого к широкому, подобно частице «*pas*», т.е. от минуса к плюсу. - _____ +: *Il vient*. Отрицание «вклинивается» (*s'insere*) в закрывающееся движение от плюса к минусу или в открывающееся движение от минуса к плюсу. Тогда в невопросительной фразе (вектор II)

отрицание «втягивается» в движение к общему, широкому и дает отрицательную ассертивную фразу:

$(-)x(+)=(-)$, т.е. "ne" "pas" x *il vient* = *il ne vient pas* - он не придет. .

Рождается фраза отрицательная по содержанию и по форме.

В вопросительной фразе, формирующейся на векторе движения мысли к узкому, т.е. к минусу (вектор I), отрицание тоже «втягивается», но уже в движение к узкому, т.е. к минусу. В результате рождается вопросительная фраза, ориентированная к позитивному: $(-) x (-) = +$, т.е. -минус, умноженный на минус, дает плюс: *ne...pas x vient-il?* = *ne vient-il pas?* - Он не придет? Приход отрицается формально, но его отрицание (негативация) тут же оспаривается, так как при движении мысли на векторе I, т.е. при актуализации приоритет остается за диалектическим, т.е. спорным движением мысли, носителем которой выступает вопрос. Создается интеррогативная фраза особого типа: негативная по форме и позитивная по содержанию.

Векторный анализ (схемы) наглядно показывает, что, взаимодействуя с вопросом, отрицание не аннулирует процесс. В игру вступает элементарная алгебра: минус x минус = плюс.

Итак, синонимичное употребление положительной и отрицательной форм вопроса объясняется действием и взаимодействием внутренних мыслительных механизмов означаемых вопроса и отрицания. Все операции с распределением и перераспределением семантического объема понятий совершаются в пределах позиции, в пределах границ означаемых той или иной языковой единицы, что возможно благодаря динамическому характеру системы означаемых. Формы изменения семантического объема бывают разными: сужение или расширение объема означаемого целой единицы или, чаще, ее составляющих. Это также взаимопроникновение (compénétration) долей объема двух сущностей (двух элементов), связанных единой коммуникативной установкой говорящего, что и происходит в интерро-негативной форме. В подтверждение взаимодействия вопроса и отрицания можно привести некоторые языковые факты. Так, в ряде языков есть общие формы для выражения отрицания и вопроса. Это латинское "ne", частица "nam" в санскрите, входящая в состав вопросительной частицы "namu" и, наконец, французское "non" и "pas" в разговорном языке для трансформация невопроса в вопрос: *Tu viens, pas?* - Ты придешь, а? *C'est drdle, non?* - Это смешно, да? Таким образом, даже формальное родство языковых знаков для выражения отрицания и вопроса подтверждает их семантическую близость.

Можно привести еще один довод причины их родства. Как утверждают философы, между утверждением и отрицанием в процессе познания существует п р о м е ж у т о ч н о е з в е н о - сфера сомнения, приблизительности, та самая сфера, которая лежит в основе общекатегориального значения вопросительности, назван-

ной нами архисемой «дубитативности» [Смирнова, 1979: 58]. В сложном процессе познания большая роль отводится сомнению. «Сомнение,- говорит Ю.А. Харин, - это такое духовное состояние субъекта, при котором он испытывает неуверенность в истинности чего-либо, колеблется между различными точками зрения или мнениями и оказывается в затруднении при разрешении какого-либо вопроса». [Харин, 1974: 110]. Понимание сомнения как промежуточного этапа между положительным утверждением и отрицанием объясняет возможность получить как утверждение, так и отрицание.

Таким образом, синонимичное употребление позитивной и негативной формы вопроса предопределяется действием и взаимодействием внутренних мыслительных механизмов вопроса и отрицания. Степень семантической близости двух типов фраз объясняется в рамках теории психосистематики кинетизмом системы, кинетизмом означаемых вопроса и отрицания. Динамизм инварианта означаемого выражается в потенциальной готовности его к уменьшению или увеличению своего семантического объема, а также к перераспределению долей означаемого двух единиц.

Литература

Баранов В.Н., Кобцева И.М. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. - Т.2 - 1983. - №3

Гак В.Г. Введение во французскую филологию. - М.; 1986.

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. - М.; 1986. (Martin R. La notion de recevabilite en linguistique. -Paris, 1978).

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. - М.: Прогресс, 1992. (Скрелина Л.М. Изучение означаемого и означающего в истории языка// НДВШ. Филологические науки. - 1978. - №6; она же: Об одном направлении во французской лингвистике.// НДВШ. Филологические науки.-1971, №2)

Moignet G. Etudes de psycho-systematique francaise.- Paris, 1974. Скрелина Л.М. Грамматическая синонимия: учебное пособие к спецкурсу.: Л., 1987. Она же: Лекции по теоретической грамматике французского языка. Часть I. - СПб., 1997; часть II, 1999.Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена.

Смирнова Р.Ф. О «расплывчатой грамматике» в современном французском языке. // Психосистематика в России и за рубежом. Материалы международной научной конференции (28-29 сентября 2005г.; РГПУ им. А.И. Герцена. - Санкт-Петербург 2005.

Смирнова Р.Ф. Вопросительное предложение в вопросно-ответном комплексе (на материале французского языка XVII-XX вв. : - Автореф. дисс... канд. филол. наук. -Л., 1979.

Харин Ю.А. Методологическая роль категории отрицания в научном познании. // Методологические аспекты материалистической диалектики. - Л.: изд-во ЛГУ, 1974.

Источники

Ragnol M. Topaze. - Paris, livre de poche, 1969.

Queneau R. Zazie dans le metro. - Paris, 1977.

Л. В. Чернега
г. Таганрог

Явления переходности при адъективации страдательных причастий

Положение причастий в грамматической системе русского языка между глаголом и прилагательным определяет возможность их адъективации. Современный русский язык характеризуется интенсивным процессом перехода причастий в прилагательные.

Страдательные причастия прошедшего времени на *-нный, -тый* наиболее интенсивно подвергаются адъективации. В этой группе причастий глагольность находится в процессе разрушения главные причины этого процесса таковы: недостаточная яркость временных значений; ослабление связи их с основой инфинитива, фонетическими чередованиями в большой группе форм (*родить – рождённый, носить – ношенный, скосить – скошенный, разбудить – разбуженный*); близость причастий с суффиксами *-нн-* и *-т-* по форме к прилагательным с соответствующими суффиксами *-н-*, *-ат-*, *-ова*: *богатый, лохматый, бледноватый, желтоватый и разбитый, раскрытый, завитый* и т. п.

Переход причастий в прилагательные подтверждается примерами, в которых отпричастное прилагательное заметно отличается от исходного причастия: *приподнятое* настроение (ср. *приподнятая* над головой шляпа); ср. также: *рассеянный* человек (*рассеянные* по полю зёрна), *оживлённая* беседа (*оживлённый* для исследования экспонат). Для отграничения подобных прилагательных от причастий можно и не прибегать к грамматическому анализу, так как здесь явное семантическое расхождение причастий и отпричастных прилагательных.

Адъективация – сложный и длительный процесс, при котором глагольные категории причастий постепенно ослабляются или утрачиваются и проявляются новые адъективные признаки. Причастие проходит несколько стадий перехода в прилагательное, и на каждой стадии этого перехода появляются новые языковые единицы с разным набором признаков.

Наборы дифференциальных признаков состоят из признаков морфологического, лексического и синтаксического уровней. Для определения у анализируемых словоформ соотношения признаков глагола и имени прилагательного устанавливаются признаки, сходные с

соответствующими признаками глагола; признаки, отличающие эту словоформу от глагола; признаки, сходные с признаками имен прилагательных, и признаки, отличающиеся от признаков имен прилагательных.

Степень сходства анализируемых словоформ с глаголами и с именами прилагательными, а также различия между ними определяются по формуле соответствия [Чеснокова 1997 : 132].

$$\tilde{\sigma} = \frac{a}{a + b}, \text{ где}$$

x – показатель степени сходства анализируемого явления с сопоставляемым; a – сумма эквивалентных признаков в обоих сопоставляемых явлениях; b – сумма неэквивалентных различающихся признаков в сопоставляемых типах.

Объектом нашего рассмотрения будут факты, где адъективация проявляется прежде всего в утрате грамматических категорий и почти не затрагивает лексического значения.

Аналізу будут подвергнуты адъективаты страдательных причастий прошедшего времени [АСППВ], извлеченные из произведений русской литературы XIX-XX веков. Рассмотрим следующие примеры: *По зелёным высоким рядам скошенной травы уже ходили галки и вороны, налетавшие из леса* (С. Аксаков. Избранные сочинения); *Как-то случилось, что уехала раньше **намеченного** срока и вера Зотова* (И. Павленко. Крымские рассказы); *Крепко пожав **протянутую** руку, я открыл входную дверь* (В. Богомолов. Момент истины); *Люблю дымок **спаленной** жнивы, в степи ночующий обоз...* (М. Лермонтов); *Тёмные личности, запахиваясь **изорванными** лохмотьями, ...совались по острову, точно кроты* (В. Короленко. История моего современника).

Признаки, общие для адъективатов страдательных причастий прошедшего времени АСППВ₁ и глаголов:

1) глагольная основа; 2) глагольный суффикс; 3) категория числа (зависимая от существительных); 4) категория рода (зависимая от существительных); 5) категория вида; 6) категория переходности/непереходности; 7) категория залога; 8) категория времени; 9) сочетаемость с наречиями; 10) тип связи с существительными – глагольное управление; 11) возможность иметь синонимы (причастия); 12) возможность иметь антонимы (причастия).

Признаки, различающие адъективаты страдательных причастий прошедшего времени (АСППВ₁) и глаголы:

	АСППВ ₁		ГЛАГОЛЫ
	обозначают признак-действие		обозначают действие предмета
	отвечают на вопрос какой?		отвечают на вопрос что делать/сделать?

	не спрягаются		спрягаются
	не имеют категории наклонения		имеют категорию наклонения
	не имеют категории лица		имеют категорию лица
	имеют категорию падежа		не имеют категории падежа
	склоняются		не склоняются
	имеют флексию прилагательного		не имеют флексии прилагательного
	имеют краткую форму		не имеют краткой формы
	регулярный тип связи с существительным – согласование и управление		регулярный тип связи с существительным – управление
	синтаксическая функция – определение		синтаксическая функция – сказуемое

Признаков, общих для АСППВ₁ и глаголов, в сумме 24 (величина *a*), признаков различия АСППВ₁ с глаголами в сумме 22 (величина *b*). На основании этих данных определяем степень соответствия

АСППВ₁ глаголам (величина x_1): $x_1 = \frac{24}{24+22} = \frac{24}{46} = 0,52 = 52\%$.

Признаки, общие для адъективатов страдательных причастий прошедшего времени (АСППВ₁) и прилагательных

1) обозначение признака предмета; 2) флексия прилагательно-го; 3) ответ на один и тот же вопрос **какой? (какая? какое? какие?)**; 4) формы рода и изменение по родам; 5) формы числа и изменение по числам; 6) изменение по падежам в ед. и множ. числе; полная парадигма, равная 24 членам; 7) способность иметь краткую форму; 8) регулярный тип связи с существительным – согласование; 9) регулярный функции – функция определения и сказуемого; 10) способность сочетаться с наречиями; 11) способность иметь синонимы (не причастия); 12) способность иметь антонимы (не причастия).

Признаки, различающие адъективаты страдательных причастий прошедшего времени (АСППВ₁) и прилагательные

	АСППВ ₁		ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ
	обозначают признак-действие		обозначают признак
	образованы от глаголов		не образованы от глаголов
	имеют только производную основу		имеют производную и неппроизводную основу
	в составе основы – глагольный суффикс		словообразовательные суффиксы не глагольного характера

	имеют категорию вида		не имеют категории вида
	имеют категорию залога		не имеют категории залога
	имеют категорию переходности/непереходности		не имеют категории переходности/непереходности
	имеют категорию времени		не имеют категории времени
	не обладают способностью образовывать наречие		обладают способностью образовывать наречие
	не обладают способностью образовывать степени сравнения		обладают способностью образовывать степени сравнения
	не обладают способностью субстантивироваться		обладают способностью субстантивироваться
	не имеют форм субъективной оценки		имеют формы субъективной оценки
	не обладают способностью иметь степени сравнения		обладают способностью иметь степени сравнения
	регулярный тип связи с существительным – согласование и управление		регулярный тип связи с существительным – согласование

Признаков, общих для АСППВ₁ и прилагательных, в сумме 24 (величина *a*), признаков различия АСППВ₁ с глаголами в сумме 28 (величина *b*). На основании этих данных определяем степень соответствия АСППВ₁ глаголам (величина x_2): $x_2 = \frac{24}{24+28} = \frac{24}{52} = 0,46 = 46\%$.

Таким образом, степень соответствия АСППВ₁ глаголам равна 52%, и степень соответствия существительным – 46%.

По такому же принципу определяются степени соответствия глаголам и прилагательным адъективов, которые рассматриваются далее. Наблюдения показывают, что наборы признаков, общих для АСППВ разных типов, в дальнейшем не повторяются.

*Осенью липы раньше других деревьев сбрасывают свою пожелтевшую листву, и у корней **оголённых** деревьев лежат опавшие желтые листья* (Соколов-Микитов. На теплой земле).

*В раскрытое настежь окно беззвучно влетел и опустился на мои бумаги жёлтый кленовый лист, похожий на ладонь, с широко расставленными пальцами. Как будто чья-то рука накрыла **написанные** строчки* (Е. Носов. Тридцать зерен).

*Много раз мы видели **оставленные** тюки товаров, неизвестно кому принадлежащие, никем не охраняемые* (Н. Рерих. Шамбала сияющая).

*Была тихая, славная ночка..., когда наш **загруженный** поезд Конармии остановился там...* (И. Бабель. Избранное).

*Перед хлебным магазином стояли возле грузовой машины открытые ящики с **привезённым** хлебом* (В. Вересаев. Невыдуманные рассказы).

Степень соответствия данных АСППВ₂ *оголённые* (оголённых деревьев), *написанные* (написанные строчки), *оставленные* (оставленные тюки), *загруженный* (загруженный поезд), *привезённые* (привезённым хлебом) глаголам (x_1) равна 44%, а степень соответствия этих же АСППВ₂ прилагательным (x_2) – 50%.

Имея одинаковый процент соответствия глаголам и прилагательным, словоформы в примерах данной группы имеют разный набор признаков: *написанные, привезённым, оставленные* обладают способностью субстантивироваться, в то время как *оголённых* и *загруженный* обладают способностью образовывать абстрактное существительное *оголённость* [МАС, II, 586] и *загруженность* [МАС, I, 512].

АСППВ₃

*Однажды выехали Андронов и Муха на своём рыжем **балованном** жеребчике в дозор* (П. Павленко. Крымские рассказы).

*В огромные двери на улицу Коротков выскочил первым и, заглотав огромную порцию **раскалённого** воздуха, полетел на улицу* (М. Булгаков. Дьяволиада).

*Всюду по лесу лежало разбросанное имущество, **разбитые** сундуки, стулья, одежда, упряжь, посуда...* (М. Шолохов. Россия в сердце: Сб.: рассказы, очерки, публицистика).

*...Медленные и лёгкие шаги мальчика едва слышны в сумеречном, **утомлённом** молчании засыпающих полей* (М. Горький. Полн. собр. соч.).

***Потрясённая** Мария подошла к собаке, положила ладонь на её голову.* (В. Закруткин. Матерь человеческая).

*Я замедлил шаг и, чтобы успокоить **встревоженную** мать, пошёл в другую сторону* (В. Лидин. Сердца моего тень).

Степень соответствия АСППВ₃ *балованный* (балованном жеребчике), *раскалённый* (раскалённого воздуха), *разбитые* (разбитые сундуки), *утомлённый* (утомлённом молчании), *потрясённая* (потрясённая Мария), *встревоженная* (встревоженную мать) глаголам (x_1) равна 42%, а степень соответствия этих же АСППВ₃ прилагательным (x_2) – 54%. Примеры словоформ данной группы, имея одинаковое количество признаков прилагательных, различаются набором этих признаков: все словоформы обладают способностью образовывать краткую форму; *балованный, раскалённый, потрясённый, встревоженный* обладают способностью образовывать степени сравнения; *разбросанное, утомлённый, потрясённый, встревоженная* обладают способностью образовывать наречие: *встревоженно* [МАС, I, 236], *утомлённо*

[МАС, IV, 534]. Наречие *потрясённо* словарём не зафиксировано, но, как отмечает О. П. Ермакова, «такие наречия образовывались преимущественно от прилагательных, у которых семантические и словообразовательные связи с глаголом были ослаблены нередко за счёт усиления семантических связей с соответствующими существительными на *-ние*. Ср. отдаление – отдалённый – отдалённо» [Ермакова: 1996]. *Балованный* обладает способностью субстантивироваться, а *утомлённый, разбросанный, разбитый, раскалённый* – способностью образовывать абстрактные существительные *утомлённость* [МАС, IV, 534], *разбросанность* (разг.) [МАС, III, 587], *разбитость* [МАС, IV, 584], *раскалённость* (технический термин).

АСППВ₄

Тёмные испуганные личности, совались по острову, точно кроты... (В. Короленко. История моего современника).

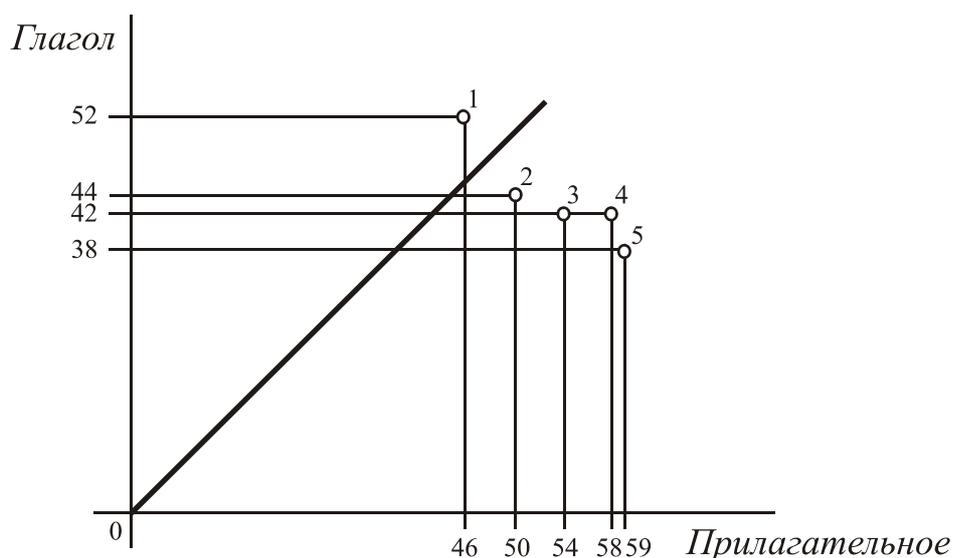
Степень соответствия АСППВ₄ глаголам (x_1) равна 42%, и степень соответствия прилагательным (x_2) – 58%. Данная словоформа имеет три признака прилагательных: обладает способностью образовывать степени сравнения, наречие и субстантивироваться.

АСППВ₅

Тёмные, испуганные, личности, жалкие и сконфуженные, совались по острову, точно кроты, выгнанные из нор (В. Короленко. История моего современника).

Степень соответствия данного АСППВ₅ глаголам (x_1 равна 38%, а степень соответствия АСППВ₅ прилагательным (x_2) – 59%. Данная словоформа имеет четыре признака прилагательных: обладает способностью образовывать степени сравнения, наречие, абстрактное существительное, способно субстантивироваться. Этот тип АСППВ₅ находится ближе всего к прилагательным.

Шкала переходности, которую ввела В. В. Бабайцева [Бабайцева: 2000: 37], позволила показать место зоны синкретизма, а характер синкретических явлений, количественное соотношение сходных и отличающихся признаков нагляднее представить графически:

Расположение точек на графике со смещением к оси прилагательного наглядно показывает степень адъективации страдательных причастий прошедшего времени.

1. АСППВ₁ – признаков глагола 52%, признаков прилагательного – 46%

2. АСППВ₂ – признаков глагола 44%, признаков прилагательного – 50%

3. АСППВ₃ – признаков глагола 42%, признаков прилагательного – 54%

4. АСППВ₄ – признаков глагола 42%, признаков прилагательного – 58%

5. АСППВ₅ – признаков глагола 38%, признаков прилагательного – 59%

Реальная языковая действительность очень сложна, и поэтому представленные результаты анализа адъективации страдательных причастий прошедшего времени, конечно, не отразили всех случаев их реализации в речи.

Литература

Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. – М., 2000.

Ермакова О. П. О некоторых вопросах словообразования наречий // Сб. Развитие словообразования современного русского языка. – М., 1996.

Словарь русского языка [МАС] т. 1-4 М. 1981-1984.

Чеснокова Л. Д. Имя числительное в современном русском языке. Семантика. Грамматика. Функции. – Ростов-на-Дону, 1997.

III. ЯЗЫКИ В ИХ НАЦИОНАЛЬНО–КУЛЬТУРНОМ СВОЕОБРАЗИИ

Е.В.Лаврищева
г. Елец

Национальная специфика репрезентации концепта «язык» (на материале русского и немецкого языков)

В последние десятилетия возрос интерес лингвистов к проблеме человеческого фактора в языке. В центре внимания оказалась антропологическая лингвистика, «предлагающая изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью» [Роль человеческого фактора... 1988: 8]. Все большее признание в качестве методологической основы научного исследования получает антропологический принцип. Кубрякова Е.С. отмечает, что «научные объекты изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их предназначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных языковых явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» [Кубрякова 1995: 23].

Когнитивный опыт носителя любого языка начинается в первую очередь от самого человека и от ближайшей к человеку действительности, которая организуется вокруг него. Такой «ближайшей действительностью» к человеку и является человеческое тело, которое служит одним из наиболее доступных для наблюдения и изучения объектом. Поэтому представляется не случайным тот факт, что соматическая лексика, как одна из наиболее древних лексических групп, является в настоящее время одним из наиболее востребованных объектов исследования в сравнительно-исторических, структурно-сопоставительных и лингвокультурологических работах отечественных и зарубежных лингвистов. (Ю.С. Степанов, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелев, Н.К.Ряцева, Ю.Д. Апресян, Г. Крейншлин и др.)

Предметом данной работы является концепт *язык* и его репрезентация в языковой картине русского и немецкого языка.

Именами концептов «язык» и «Zunge» являются соответствующие лексемы. В лексикографических источниках мы находим следующие дефиниции:

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю. выделяет следующие значения:

Язык(1):

1. Подвижный мышечный орган в полости рта, воспринимающий вкусовые ощущения, у человека участвующий также в артикуляции;
2. Такой орган животного происхождения как кушанье;

3. *перен.*; О ч.-н., имеющим удлиненную, вытянутую форму;

Язык(2):

1. Исторически сложившаяся система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе;

2. *ед.* Совокупность средств выражения в языковом творчестве, основанных на общенародной звуковой, словарной и грамматической системе, стиль(3);

3. *ед.* Речь, способность говорить;

4. Система знаков (звуков, сигналов), передающих информацию;

5. *ед., перен.*, То, что выражает, объясняет собой ч.-н. (о предметах и явлениях);

6. *перен.*, Пленный, захваченный для получения нужных сведений (*разг.*);

Язык(3):

(*стар.*) Народ, нация.

Анализ словарных дефиниций позволяет выделить следующие семантические компоненты, объективацию которых мы находим как во фразеологизмах и поговорках, так и в художественных и публицистических текстах:

В первую очередь, язык – это **орган человеческого тела**:

Уснула, может, только Нинка, но и та что-то причмокивала во сне – или улеглась с конфетой во рту, или за день до того натрудила себе язык сладким, что он еще и теперь не найдет себе места. (с.125)

Он же не знает, как это слышится, он может только механически запомнить и в нужный момент нащупать эту букву языком. (АиФ №51 (1364) 20-26 декабря 2006 г. «Услышит ли Артем новогоднюю сказку?» П.Иванушкина с.37)

Язык, как орган человеческого тела, обладает определенными **функциями**, а именно служит для **восприятия определенного вкуса** (*язык проглотить*), а также **участвует в артикуляции** (*язык сломать можно*).

Кроме того, язык является важным **средством общения и взаимопонимания**: (*найти общий язык, говорить на разных языках, говорить русским языком*);

Аналитики любят порассуждать, что после десятилетия взаимных подножек и тайных интриг, закончившихся бегством Березовского, Гусинского и показательной поркой Ходорковского, власть и бизнес нашли общий язык. (АиФ № 47(1360) 22-28 ноября 2006, с.6 «Олигархи голосуют ногами».)

И это не менее важно, ведь часто проблемы по тому или иному предмету возникают у подростка из-за неумения найти общий язык с преподавателем. (АиФ №51 (1364) 20-26 декабря 2006 г. «Спорт вместо физ-ры» Е.Семенова, с.35)

Следует отметить, что носитель языка может иметь свои особенности, **стиль:** *(Да, меняется театральный язык, но и в обычной жизни люди стали говорить иначе. (АиФ № 47(1360) 22-28 ноября 2006, с.3 «Отец четверых детей О. Табаков: «Берите пример с меня».)*

Язык Семеновны звучал на свой лад. (В. Распутин «Последний срок»)

Кроме того, часто реализуется такой семантический компонент лексем «язык», как **иностраный язык:** *(Это единственные слова, которые он запомнил на местном языке: за 85 лет жизни в столице Ирана дедушка Гриша так и не освоил сложный персидский. (АиФ №50 (1363) 13-19 декабря 2006 г. «Ахмед Муллаи – это Вася Попов» с.27)*

Светлые волосы, типично славянские лица, превосходный русский язык – и не поверишь, что Петя с Юрой никогда не были в России. (АиФ №50 (1363) 13-19 декабря 2006 г. «Ахмед Муллаи – это Вася Попов» с.27)

В персидском языке масса русских слов, в том числе и весьма насыщенных, например «стакан». (АиФ №50 (1363) 13-19 декабря 2006 г. «Ахмед Муллаи – это Вася Попов» с.27)

Дома Ахмеда предпочитают звать Васей, он хотя и говорит с небольшим акцентом (на восточный манер растягивая слова), но все-таки прилично знает русский язык. (АиФ №50 (1363) 13-19 декабря 2006 г. «Ахмед Муллаи – это Вася Попов» с.27)

Безусловно, когда ты видишь своих коллег, которые работают раз в неделю или в месяц, ездят по стране, ведут вечеринки и другие мероприятия, зарабатывают деньги, тусуются, развиваются, прыгают с парашютом, ныряют, изучают языки и при этом не привязаны к телевизионной фабрике с борьбой за рейтинг, с сумасшедшими гостями, со звездами,, у которых в голове тараканы, то начинаешь жалеть себя. (АиФ №50 (1363) 13-19 декабря 2006 г. «Андрей Малахов: Для думающих книги и театр» с.28)

Никакого желания приспособливаться к русским обычаям, культуру, нравам они (приезжие) не проявили. Этому мешало и отсутствие образования, и плохое знание русского языка, и невозможность устроиться легально. (АиФ №51 (1364) 20-26 декабря 2006 г. «Научиться быть русским» В.Костиков, с.8)

Мягко говоря: недопонимание между двумя странами есть по поводу черноморского флота, статуса русского языка на Украине и желания Киева непременно вступить в НАТО. (АиФ №51 (1364) 20-26 декабря 2006 г. «Что решат братья - славяне» А. Колесниченко, А. Нестерова с.6)

Лексемы «язык» употребляется и в значении **пленный:**

Ему довелось испытать все: и танковые атаки, и броски на немецкие пулеметы, и изнуряющее долгую, упрямую охоту за «языком». (В. Распутин «Живи и помни»).

Немецко-немецкий толковый словарь Duden «Deutsches Universalwörterbuch» указывает следующие значения:

1. besonders dem Schmecken und der Hervorbringung von Lauten (beim Menschen bes. dem Sprechen) dienendes und an der Nahrungsaufnahme, am Kauen und am Schlucken beteiligtes am Boden der Mundhöhle befindliches, oft sehr bewegliches, mit Schleimhaut bedecktes, muskulöses Organ der meisten Wirbeltiere und des Menschen (мышечный орган в полости рта, покрытый слизистой оболочкой, воспринимающий вкус, участвующий в артикуляции, приеме пищи);

2. (Zool) (bei den Mundgliedmaßen der Insekten) paariger Anhang der Unterlippe (парный орган у насекомых);

3. (Musik) (bei der Orgel und bestimmten Blasinstrumenten) dünnes, längliches Plättchen aus Metall, Schilfrohr o.Ä., das in einem Luftstrom schwingt und dadurch einen Ton erzeugt (у органов и определенных духовых инструментов) (удлиненная пластинка из металла и др., вибрирует под воздействием воздуха и таким образом производит звуки);

4. (bei bestimmten Waagen) Zeiger (стрелка весов);

5. (Technik) länglicher, keilförmig, sich verjüngender, beweglicher Teil einer Weiche (железнодорожная стрелка);

6. (an Schnürschuhen) zungenförmiger mittlerer Teil des vorderen Oberleders, Obermaterials, über dem die seitlichen Teile durch den Schnürsenkel zusammengezogen werden (язычок ботинка);

7. [meist Pl] (Zool) zur Familie der Seezungen gehörender Plattfisch, Seezunge (морской язык, семейство камбаловые);

8. etw., was in seiner Form an eine Zunge (1) erinnert (о ч.-н., имеющим удлиненную, вытянутую форму);

9. (o. Pl) Fleisch der Zunge (1) (bes. vom Kalb od. Rind) als Gericht (такой орган животного происхождения как кушанье);

10. (dichter.) Sprache (поэт. звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе).

На основе словарной дефиниции нами также были выделены следующие семантические компоненты:

Основной семой будет являться следующая – **орган человеческого тела:**

Von dort aus würde er dann seine Zunge wie einen Scheuerlappen gegen uns lüpfen und auf immer verschwinden. (Оттуда он бы показал свой похожий на половую тряпку язык и исчез бы навсегда). (W. Borchert «Die Hundeblyume»).

Jedesmal, wenn Mahlke an der Kommunionbank kniete, den Kopf in den Nacken legte, die Zunge ausfahren ließ, und Hochwürden Gusewski ihn mit der Hostie versorgte, spähte der Ministrant an der Seite des Priebrters in Mahlkes Hemdkragen... (Каждый раз, когда Мальке становился на колени перед причастием, запрокидывал голову и открывал рот (высо-

ывал язык), и Его Преподобие Гузевский давал ему просфору, церковный служитель, стоя рядом со священником, пытался заглянуть за воротник рубашки). (G.Grass «Katz und Maus»)

Wenn ich jetzt sage, fünf Minuten Pause, sagt das nichts; aber nach etwa fünf jahrelangen Minuten, die wir mit Schlucken füllten, bis unsere Zungen dick und trocken in trockenen Höhlen lagen, stiegen wir einer nach dem anderen in den Kahn. (Если я сейчас скажу, 5 минут перерыв, это и о чем не скажет, но те пять минут были для нас как 5 лет, в течение которых мы ныряли, пока во рту у нас не пересохло и языки наши не оухли). (G.Grass «Katz und Maus»)

Aber er starrte über Gymnasiastenköpfe hinweg durch Doppelfensterscheiben in das trockene Grünunverbindlicher Pausenhofbäume und befeuchtete mit hellroter Zunge noch einmal rundum den besagten Sprechmund. (Но он смотрел вверх голов гимназистов окно...и облизывал светлорозовым языком губы). (G.Grass «Katz und Maus»)

Как и в русском языке, в немецком также можно выделить семантический компонент, связанный с **функциями** языка, как органа человеческого тела, т.е. язык служит для **восприятия вкуса** (*eine feine Zunge haben* (иметь тонкий гастрономический вкус) и **участвует в артикуляции**: *Leicht, glatt, schwer von der Zunge gehen*(легко, трудно произноситься); *dabei kann man die Zunge verrenken* (язык сломаешь, не выговоришь); *Das englische geht ihm schwer von der Zunge*(английское произношение для него трудно), *mit der Zunge anstoßen* (шепелявить);

В отличие от русского языка, лексема «Zunge» в немецком языке по данным словарной статьи не имеет следующих значений: «средство общения», «пленный».

Нами были проанализированы фразеологизмы и поговорки, содержащие лексему «язык» в русском и лексему «Zunge» в немецком языках. В результате когнитивной интерпретации фразеологизмов и поговорок в русском языке нами были выделены следующие когнитивные признаки концепта «язык»:

Лексема «язык» используется для **характеристики человека**, язык оказывается способен клеветать, лицемерить, лгать: *(Длинный язык, злые языки, остер на язык, язык хорошо подвешен; Длинный язык да короткие мысли. Востер язык да дурной голове достался. Острый язык, что бритва. Острый язык - дарование, длинный язык – наказание. (О лицемерном человеке): Не годится в неправде язык шевелить, чтобы в очи хвалить, а за очи хулить. На языке - медок, а в сердце - ледок. (На языке мед, под языком лед).* Несмотря на маленький размер языка, за ним признается **сила воздействия на человека**, при этом указывается, что человек не всегда может контролировать то, что он говорит: *(Мал язык – великими людьми владеет. Язык мал – большим человеком шатает. Мал язык, да всем телом владеет. Ср.: Долог у коровы язык, да говорить не умеет. Язык свой во рту, а речи*

не свои говорю. Острое слово с языка, что пуля срывается. Для языка нет ни запора, ни запрета. От языка не уйдешь, язык везде достанет). Фразеологизмы и поговорки русского языка зафиксировали **важность языка**: (Без языка и колокол нем. Лучшие ногою запнуться, чем языком. Язык до Киева доведет. Иных язык способней рук кормит). Но обыденное сознание отмечает и то, что язык может иметь **вредное воздействие языка на говорящего**: (Много говорить, голова заболит. Мельница мелет – мука будет, язык мелет – беда будет. Язык голову кормит, он же и до беды доводит. Язык мой – враг мой, прежде ума рыщет, беды ищет. Язык голову кормит, он же и спину портит. Язык без костей потешает гостей). Таким образом отмечается и **противоречивое воздействие языка**: (Самое сладкое – язык, самое горькое – язык). Чтобы избежать неприятных последствий и не нанести себе и окружающим вред, возникает **необходимость контроля языка**, особое значение при этом имеют основные органы человеческого тела, т.е. те органы, которые отвечают за жизнь человека и важнейшие формы и функции его деятельности [Крейндлин, 2004: 128]. В данном случае речь может идти о голове (уме): (Держать язык за зубами; Дай волю языку, скажет то, чего и не знает. Не давай воли языку во пиру, во хмелю, в беседе и в гневе. Не позволяй твоему языку опережать твою мысль. Ум язык на замке держит. Язык говорит, а голова не ведает. Коня на вожжах не удержишь, а слова с языка не воротишь. Острое слово с языка, что пуля срывается). Из этого вытекает **ценность молчания**, т.е. особое значение придается аскетизму в речи. «Молчание как социальная позиция обычно понимается как отсутствие протеста против ущемления прав другого» [Арутюнова, 2000: 423]: (Придержаться, прикусить, закусить, проглотить язык; держать язык за зубами; Для чего у нас два уха, а язык один? – Для того чтобы человек больше слушал, а меньше говорил. Умному недостает ушей, а у глупого и один язык слишком. Убежать от судьбы она не может. Теперь и толочься-то придется по тому же кругу, но словно бы в сторонке. Подглядывать, как живут другие, и жить наособь, под секретом. Смотреть в оба глаза и говорить в пол-языка. (В. Распутин «Последний срок»)) – Ты бы вчера помолчала или вполтину мене язык-то высывала. (В. Распутин «Последний срок»)). Объективация данного когнитивного признака зафиксирована не только во фразеологии и паремике, но также и в художественной литературе, что может говорить о коммуникативно-релевантном характере данного признака. [Попова, Стернин, 2006: 190]

В паремике русского языка подчеркивается **преимущество практической деятельности перед разговорами**: (Не спеши языком да не ленись делом. Работа с зубами, а лень с языком. Языком горю свернет, на работе места не найдет. Языком прорыв не залатаешь. Время разрушит то, что сделано, а язык, что нужно сделать).

При этом **неуместное, лишнее говорение**, а также **пустые разговоры** обычно осуждается, так во фразеологизмах, объективирующих данный ментальный признак, звучит скорее осуждение: (*Развязать язык, распусть язык, сорвалось с языка, давать волю языку; языком чешать, болтать, трепать, молоть;*

Язык без костей, во все стороны ворочается. Что на уме, то и на языке).

При анализе фразеологизмов можно выделить следующий когнитивный признак: **необходимость языкового выражения мысли**, который объективируется в том числе и в художественной литературе (*Вертеться на языке, язык чешется, проситься на язык;*

...Слова уже ушли от нее, и все-таки те, самые родные, которые всегда были на языке, она вспомнила. (В. Распутин «Последний срок»)

Анализ фразеологизмов и паремий в немецком языке позволил нам определить когнитивные признаки концепта «Zunge».

Как и в русском языке, лексема «Zunge» используется для **характеристики человека**: (*Eine böse Zunge (böse Zungen) haben (быть злым на язык), das Herz auf der Zunge tragen (быть откровенным), mit gespalteener Zunge reden (быть двуличным), eine schwere Zunge haben (быть косноязычным), eine scharfe Zunge haben (быть острым на язык), eine lose Zunge haben (быть болтливым), eine gelenkige Zunge haben (иметь хорошо подвешенный язык), eine falsche Zunge haben (быть лживым); eine glatte Zunge haben (льстить), sich über die Zunge springen lassen (оклеветать к-н); Zucker auf der Zunge, Galle im Herzen. (На языке мед, а в сердце лед).* Данный когнитивный признак реализуется и в художественной литературе (*Jedesmal, wenn der Theologe seine Verbeugung machte und sein «Gesegnetes Fest, Herr Wachtmeister» wie Honig von der Zunge tropfen ließ jedes Mal musste ich alle Muskeln anspannen, es ihm nicht nachzutun. (s. 35) (Каждый раз, когда богослов кланялся и слова «Благословенный праздник, господин унтер-офицер» стекали с его языка как мед, я должен был напрягаться, чтобы не последовать его примеру) (W. Borchert «Die Hundeblyume»).*

Языковая картина немецкого языка зафиксировала **силу воздействия языка**, где язык может приравниваться к оружию: (*Böse Zunge – ein böses Gewehr. (Злой язык – сильное оружие. Ср.: Слово не стрела, да пуце стрелы).* В немецком языке, как и в русском, была зафиксирована **необходимость контроля языка**: (*Seine Zungen hüten, im Zaum halten, zügeln, bezähmen (держат язык за зубами; Lass die Zunge nicht schneller als die Gedanken sein (Язык мой – враг мой, прежде ума глаголет), при этом отмечается, что особую ценность имеет молчание, которое помогает избегать бед и неприятностей: (*Die Zunge verschlucken, eher (lieber) die Zunge abbeißen (als etwas zu sagen/ verraten (скорее откусить себе язык); sich (auf) die Zunge beißen (прикусить язык); Vom Schweigen tut dir die Zunge nicht weh. (Молчи – язык болеть не будет).**

Общим в языковых картинах русского и немецкого языков будет также являться и негативное отношение к **языку как к средству для пустых разговоров** и к **неуместному, лишнему говорению**: (*Jmdm war die Zunge ausgerutscht* (сказать лишнее, не то, что нужно), *sich (D) die Zunge ausrenken* (говорить без умолку), *sich die Zunge verbrennen* (обмолвиться, проговориться, сболтнуть лишнее), *die Zunge beständig rühren* (говорить, болтать без умолку), *seine Zunge laufen lassen* (распустить свой язык, дать волю языку); *seiner Zunge freien Lauf lassen*, *seine Zunge an etwas wetzen* (болтать, чесать язык, точить лясы; *seiner Zunge freien Lauf lassen* (распустить язык), *das Herz auf der Zunge haben*(что на уме, то и на языке); *Was der Nüchterne im Sinn hat, das hat der Betrunkene auf der Zunge* (что у трезвого на уме, то у пьяного на языке).

Как и в русской языковой картине нами был выделен следующий когнитивный признак - **необходимость языкового выражения мысли**: (*Auf der Zunge liegen, schweben* (вертеться на языке, так и подмывает сказать); *es brennt ihm auf der Zunge* (язык чешется); *etwas auf der Zunge haben*(вертеться на языке, хочет ч-н сказать).

Кроме того, в немецкой языковой картине нами были выделены когнитивные признаки, не зафиксированные русской языковой картиной, а именно: **жажда** (*die Zunge hängt jmdm zum Halse heraus* (умирать от жажды); *jmdm klebt die Zunge im Gaumen* (язык к горлу прилип от жажды); *jmdm war die Zunge wie angewachsen*); **способность к говорению** (*Die Zunge versagte ihm* (язык ему отказал), *jmdm ist die Zunge wie angewachsen*, *die Zunge aus dem Hals reden* (говорить до хрипоты).

Когнитивный признак **язык как средство общения и взаимопонимания** (*in Zungen reden*), является в русском языке семантическим компонентом значения лексемы «язык» и представлен в словарной статье.

Систематизируем вышеописанные выражения и сочетания, содержащие лексемы «язык» и «Zunge» соответственно, в сравнительной таблице:

Характеристика человека	
Длинный, острый, хорошо подвешенный язык	Böse, gespaltene, schwere, scharfe, lose, gelenkige, falsche, glatte Z.
Необходимость контроля языка	
Держать язык за зубами, на замке; не давать волю языку	Seine Zungen hüten, im Zaum halten, zügeln, bezähmen (держат язык за зубами)
Неуместное, лишнее говорение	
Распустить язык, давать волю языку, сорвалось с языка	Seiner Zunge freien Lauf lassen (распустить язык)
Необходимость языкового выражения мысли	

Вертеться на языке, язык чешет-ся, просится на язык	Auf der Zunge liegen, schweben (вертеться на языке, так и подмы-вает сказать); es brennt ihm auf der Zunge (язык чешется); etwas auf der Zunge haben(вертеться на язы-ке, хотеть ч-н сказать)
Язык как средство для пустых разговоров	
Языком чесать, болтать, трепать, молотить; язык без костей	Jmdm war die Zunge ausgerutscht (сказать лишнее, не то, что нужно), sich (D) die Zunge ausrenken (гово-рить без умолку), sich die Zunge verbrennen (обмолвиться, прого-вориться, сболтнуть лишнее), die Zunge beständig rühren (говорить, болтать без умолку), seine Zunge laufen lassen (распустить свой язык, дать волю языку); seiner Zunge freien Lauf lassen, seine Zunge an etwas wetzen (болтать, чесать язык, точить лясы)
Ценность молчания	
Придержаться, прикусить, заку-сить, проглотить язык, держать язык за зубами	Die Zunge verschlucken, eher (lie-ber) die Zunge abbeißen (als etwas zu sagen/ verraten (скорее откусить себе язык); sich (auf) die Zunge beißen (прикусить язык;
Средство общения и взаимопонимания	
<i>Представл. в дефиниции</i>	In Zungen reden
Сила воздействия языка	
Мал язык – великими людьми владеет.	Böse Zunge – ein bös' Gewehr.
Вредное воздействие языка на говорящего	
Язык мой – враг мой	-----
Преимущество практической деятельности перед разгово-рами	
Не спеши языком да не ленись делом	-----
Противоречивое воздействие языка	
Самое сладкое – язык, самое горькое - язык.	-----
Важность языка	
Без языка и колокол нем.	-----
Жажда	

-----	Die Zunge hängt jmdm zum Halse heraus (умирать от жажды); jmdm klebt die Zunge im Gaumen (язык к горлу прилип от жажды); jmdm war die Zunge wie angewachsen;
Способность к говорению	
-----	Die Zunge versagte ihm, die Zunge aus dem Hals reden (говорить до хрипоты)

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что когнитивные признаки концепта *язык* в русском и немецком языках имеют сходные черты. Помимо своей основной номинации как органа человеческого тела, лексемы «язык» и «Zunge» в русском и немецком языках соответственно могут служить для характеристики человека. И русский и немецкий менталитет относится с осуждением к многословию, так как длинная речь не всегда бывает искренней, а чаще скрывает истинные намерения или оборачивается ложью, поэтому лучше говорить коротко и ясно. «*Язык* в образе «удержание языка» является непосредственным виновником речи, зачинщиком розни и недовольства. За что и несет наказание» [Демьянков 2000:222,229]. Из этого следует вывод, что следует прилагать усилия для контроля языка, иначе возможны печальные последствия. Так как язык относится к «неосновным» органам человеческого тела [Крейндлин, Летучий 2004:128], то он должен контролироваться «основными» органами (например: голова, ум), которые и определяют его функционирование. Поскольку многословие осуждается, то особую ценность в обеих картинах мира имеет молчание – самый надежный способ не навредить себе. Рябцева Н.К. в своих исследованиях также отмечает, что в практическом отношении язык представляется неразрывно связанным с поведением и этическими нормами, с межличностными отношениями и социальными правилами общения: чем больше слов, тем меньше дела, правды, смысла, искренности и проявления ума, а там, где есть дела, слова необязательны. [Рябцева 2005:169]

Но, несмотря на большое сходство, языковые картины зафиксировали и ряд различий. Русский менталитет признает за языком наличие силы. Язык хоть и имеет маленький размер, но при этом может оказывать большое влияние на человека, которое может быть как положительным, так и негативным. Мечковская Н.Б. отмечает, что «преимущественно иронические русские идиомы с компонентом *язык*...относятся... к общей характеристике человека в качестве homo loquens. В совокупной семантике этих идиом народное сознание увидело своего рода конфликт между человеком и языком. Суть этого конфликта в том, что человек – не вполне хозяин своего языка, а язык – не всегда послушен человеку: то человек не может запустить его в

дело, то, напротив, язык действует как бы без спросу: *Язык прежде ума рыщет, беды ищет*. При этом вторая непослушность («язык действует не спросясь») в метаязыковой идиоматике выступает как большая беда». [Мечковская 1999: 390].

Кроме того, слова противопоставляются практической деятельности, что как бы подтверждает В. Даль в предисловии к своему собранию пословиц: «...ныне верят тому, что всякий добросовестный труд полезен и что пользе этой рассказами не поможешь». [Даль 1993:6]. В рассмотренных нами фразеологизмах и поговорах немецкого языка не было обнаружено подобное противопоставление.

Еще одной интересной особенностью соматизма «язык» в русской языковой картине является его парность, которая, как подчеркивает Г. Крейндин, является важным свойством многих языковых органов (т.е. органов, освоенных языковым сознанием). При этом не следует парность смешивать с другим понятием – бинарность, под которой подразумевается, например, две руки, две ноги и т.д. Парность же органов – это явление языковое, т.е. для ряда неосновных органов существуют парные к ним, которые образуют языковые биномы: руки и ноги, глаза и уши, грудь и живот и др. Судить о наличии таких биномов можно по наличию двухчленных сочетаний (связан по рукам и ногам), а также по дополнительности функций (одни органы дополняют другие: носить на груди – носить на спине), сходство строения или функций. [Крейндин, Летучий 2004: 129]. Языковая картина русского языка в отличие от немецкой языковой картины зафиксировала парность соматизма «язык» (парным будет являться соматизм «зубы»), что подтверждается наличием в языке выражений типа «держат язык за зубами».

Таким образом, в результате проведенного анализа фразеологизмов, поговоров, художественных и публицистических текстов русского и немецкого языков, нами были выделены схожие когнитивные признаки, а также ментальные признаки, являющиеся национально специфическими для русской и немецкой языковой картины.

Литература

Арутюнова Н.Д. Феномен молчания //Язык о языке. Под. Ред. Н.Д. Арутюновой. М., ЯРК, 2000

Богус З.А. Соматизмы в разносистемных языках: семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты (на материале русского, адыгейского и английского языков). Автореферат, Майкоп, 2006

Головина Р.В. Представление народной языковой картины мира в словаре фольклора //Картина мира и способы ее репрезентации: сб. научных докладов/ Ред. Л.И. Гришаева, М.К. Попова, - Воронеж: ВГУ, 2003, 326 с.

Гуреев В.А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания // Вопросы языкознания, 2004, № 2 , с 57-67

Даль В. оловицы русского народа. М., Русская книга, 1993, т. 1-3

Демьянков В.З. Семантические роли и образы языка // Язык о языке. Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., ЯРК, 2000

Крейндлин Г., Летучий А. Языковая концептуализация частей тела в русском языке (на примере плеч) с. 128-137// Сокровенные смыслы: сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. Отв. ред. Ю.Д.Апресян. - М.: Языки славянской культуры, 2004, 880с.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во 2-ой половине XX в. (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука к. 20 в. М, 1995

Мечковская Н.Б. На семиотическом перекрестке: Мотивы движения тела в невербальной коммуникации, в языке и метаязыке // Логический анализ языка: Языки динамического мира. Отв.ред. Н.Д.Арутюнова и др. М., Международный ун-т «Дубна», 1999

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивно-семантический анализ языка. Монография. Воронеж: изд-во «Истоки», 2006, 226 с.

Роль человеческого фактора в языке: язык и языковая картина мира. М.: Наука, 1988, 212 с.

Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М., Academia, 2005, 640 с.

О.А.Мещерякова
г. Ливны

К проблеме перцептивных обозначений в художественном тексте

В лингвистике накоплен большой опыт по изучению слов и выражений, служащих для обозначения наших впечатлений от окружающего мира, которые мы получаем с помощью пяти органов чувств. Эти языковые единицы относятся к модусу перцепции. Исследователь И. Г. Рузин считает, что они воссоздают особый мир, при отражении которого к ограничениям, налагаемым восприятием, добавляются ограничения, обусловленные закономерностями языка [Рузин 1994:79].

В художественном тексте перцептивные выражения занимают особое место. С одной стороны, в языке произведения отношение между прямым значением слов, которыми оно написано, и самим содержанием тесно взаимосвязано. Это позволяет определить эстетическую функцию слова с новых позиций. С другой стороны, через обращение к перцептивному слову в тексте осуществляется постижение «человека в языке». «Исследуя язык писателя или отдельного его произведения с целью выяснить, что представляет собой этот язык в

отношении к господствующему языковому идеалу, характер его совпадений или несовпадений с общими нормами языкового вкуса, мы тем самым вступаем уже на мост, ведущий от языка как чего-то внеличного, общего, надындивидуального к самой личности пишущего» [Винокур, 1997: 2000]. Художнику не все равно, когда, в каких художественных ситуациях и как назвать то, что прочувствовано, открыто и познано им с помощью органов зрения, слуха, вкуса, обоняния и осязания. Употребление перцептивных обозначений в художественном тексте определяется авторской интенцией, за которой - множество факторов.

Каковы это факторы и как они определяют смысловое наполнение перцептивного обозначения? Рассмотрим ответы на эти вопросы, обратившись к циклу рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи», в названии которого употребляется слово *темный*. Выбор этого перцептивного образа не случаен.

Согласно ТСРЯ, *темный* имеет несколько значений: 1. Лишенный света, погруженный во тьму; 2. По цвету близкий к черному, не светлый; 3. Неясный, смутный, непонятный; 4. Печальный, мрачный, безрадостный; 5. Вызывающий подозрение, сомнительный по честности; 6. Невежественный, отсталый; 7. в знач. сущ. Помещение для арестованных, карцер (уст.) [ТСРЯ: 786].

В сочетании *темные аллеи* слово *темный* имеет значение 'лишенный света, погруженный во тьму', если субъект представляет себя под кроной деревьев. В этом случае данная лексическая единица может быть рассмотрена как «световое» прилагательное. Оно помогает воссозданию картины густо посаженных деревьев, под сень которых не проникает свет. Если изменить пространственную точку зрения субъекта и воспринимать описываемый объект как бы издалека, то слово *темный* в данном словосочетании имеет значение 'по цвету близкий к черному', 'принявший темную окраску'. В этом случае перед нами «цветовое» прилагательное. Возможность создать словом *темный* одновременно световую и колористическую картину определяется языковым фактором, потому что в общенациональном языке эта лексема соотносится с несколькими ЛСВ. Употребленная в заглавии, она отражает особенность модуса зрения автора и дает многомерную перцептивную картину.

Кроме того, структура многозначного слова позволяет увидеть движение от конкретных категорий света и цвета к эмоциональным категориям и далее к категориям нравственным. Между значениями слова существует симилятивная связь, когда общность основывается на сходстве ощущения, восприятия, впечатления, и определяется как синестезическая симиляция. Подобная языковая модель определяет возможность индивидуального «перехода» от перцепции к эмоциональным представлениям. Не случайно сам И. А. Бунин в письме к Тэффи от 23 февраля 1944 года определял идею книги - «о любви» - через

слово *темный*, ставя его в один ряд со словами, обозначающими сферу чувств и эмоций: «Все рассказы этой книги только о любви, о ее "темных" и чаще всего мрачных и жестоких аллеях» [Бунин 1977: 135].

Ассоциация *темный - жестокий* определяется и культурологическим фактором. Слово выступает феноменом культурной информации. Оно несет в себе отпечаток мифологического знания народа: с темными силами природы связывались определенные представления о мире зла. Кроме того, в слове присутствует потенция гносеологического знания: тьма скрывает мир и не позволяя! постигнуть законы природы. Вводя слово *темный* в заглавие цикла, И. А. Бунин актуализирует этот смысл: сущность любви - тайна, открыть которую во всей ее глубине невозможно.

Слово *темный* обладает широкими связями с разнообразными "чужими" текстами. Поэтому его выбор определяется и интертекстуальным фактором. В частности «темные аллеи» - это цитата из стихотворения Н. П. Огарева «Обыкновенная повесть». «Обыкновенность» в стихотворении Огарева подобна «обыкновенности» истории в романе Гончарова, - она рассказывает об угасшей былой любви. Но в «Обыкновенной повести» Н.П.Огарева два человека светского круга предали забвению былую любовь, тогда как для героев всего цикла И. А. Бунина любовь никогда не проходит бесследно. Она живет не только в воспоминаниях, но и в самой жизни и даже движет ею, как, например, в ключевых рассказах каждой части цикла: в «Темных аллеях», «Натали», в «Чистом понедельник». Автор пользуется «цитатным осколком» для репрезентации своего семантического блока в высказывании. Данная техника по своему существу предполагает не только отрыв от "чужого" высказывания и его прагматических характеристик [Ревзина 2001: 62], но и противопоставление ему "своего" история любви - это всегда необыкновенная повесть. В этом случае «цитатный осколок» с самого начала уподобляется коммуникативному фрагменту, смысл которого имеет отношение к авторскому представлению о мире любви, мире чувств, о закономерностях человеческой судьбы.

Субъективный фактор определяет внимание автора к перцептивным ощущениям и их обозначениям. Употребленное уже в названии, прилагательное *темный* свидетельствует об особом восприятии И. А. Буниным всего окружающего. Писатель видит не только то, что можно назвать обыденным миром вещей, но и его качественное состояние. Чтобы переключиться из мира предметно-обыденного в мир качественно-эстетический, требуется определенная «перцептивная активность». Не случайно еще Дега говорил: «Художник бывает художником только в определенные часы благодаря усилению воли... Все люди видят предметы одинаково». У И. А. Бунина активное зрительное восприятие осуществляется в его световом и цветовом аспек-

те и неразрывно связано с ментальными и эмотивными смыслами. Такая специфика перцептивной практики находит отражение в употреблении автором лексемы *темный* в заглавии цикла рассказов, посвященных любви, ее сложным и часто трагическим началам..

Кроме того, автор подобным выбором слова определяет свое писательское кредо, а именно: значение слова в художественном тексте должно содержать в себе, кроме отражательно-понятийного, и другие моменты: эстетические, эмоциональные, социально-культурные, мировоззренческие. По мнению В.В. Аге-носова, И. А. Бунин увязывает представление о темных аллеях с конкретным пейзажем родных для него мест, с его чувством ностальгии: «"Темные аллеи" -называет свою книгу И. А. Бунин. И у читателя тут же возникает воспоминание о родине и чувство ностальгии: на Западе липы не сажают близко друг к другу» [Агеносов 1997: 8]. Следовательно, лексема *темный* в сочетании *темные аллеи* не только называет перцептивное ощущение, но и репрезентирует представление другого уровня - о родине, о природе России, о родных местах.

Как видим, слово *темный* фиксирует осмысление субъектом речи нескольких фактов действительности: физической категории света и цвета; индивидуального ощущения восприятия зрением и мира чувств; представления отдельной личности о реальности и модели этой реальности, созданной в культуре народа, в прецедентных текстах. Рассмотренное перцептивное обозначение, употребленное в заглавии текста, является способом представления этого осмысления. Оно определяется всей художественной целостностью и определяет её в силу действия языкового, культурологического, интертекстуального и субъективного факторов.

Подобное происходит и тогда, когда перцептивное слово включается в сам текст. И в том, и в другом случае выбор перцептивного обозначения определяется автором - языковой личностью в ее конкретной индивидуальной реализации. Писатель и поэт воплощают в своей речевой деятельности характерный для их самосознания идеал, отражающий культуру данной эпохи, данного народа и одновременно имеющий индивидуальные черты. На этом основании самые «обычные слова», связанные с конкретно-чувственным восприятием, несут богатейшую информацию о мире и человеке, и представляют собой тот бесценный материал, изучение которого позволяет увидеть уникальность языка как средоточие духовного опыта индивидуума.

Литература

Агеносов В. В. Русская литература XX века / Уч. пособие для общеобразоват. учебных заведений. В 2-х ч. Ч. 1 / В. В. Агеносов и др.; Под ред. В. В. Агеносова. - М.: Дрофа, 1997.

Бунин И. А. Письма. - Подъем. - 1977. - №1

Винокур Г. О. Об изучении языка литературных произведений // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. Под ред. проф. В. П. Нерознака. - М., 1997.

Ревзина О. Г. Методы анализа художественного текста // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII международной конференции. - М., 1999.

Рузин И. Г. Когнитивные стратегии именованя: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. - 1994. - № 6.

Условные сокращения

ТСРЯ- Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: «АЗЪ», 1994.

Т.В.Петрова
г. Архангельск

Свет и тени «Руанского собора»

В настоящей статье рассматриваются особенности употребления слов, составляющих лексико-семантическое поле “свет-тьма” в языковом пространстве стихотворного цикла Максимилиана Волошина “Руанский собор”. С одной стороны, концептуальный характер понятий “свет” и “тьма” позволяет опираться на “всю сложность и все обилие словарного смысла” (Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. // Известия РАН. Серия литературы и языка.- Т.52. -1993.-№1. Цит. по: 1, с.138). С другой стороны, учитываются текстовые приращения смысла отдельных компонентов лексико-семантического поля (ЛСП).

Обратимся к словарю.

“Свет1 – 1. Лучистая энергия, делающая окружающий мир видимым; электромагнитные волны в интервале частот, воспринимаемых глазом. 2. Тот или иной источник освещения. 3. Освещенность, состояние, когда светло. 4. В некоторых выражениях: рассвет, восход солнца. 5. Употр. как ласкательное обращение. Перен.: свет очей... – о том, кто дорог, любим (обычно в обращении). Свет 2 – 1. Земля, вселенная, а также люди, ее населяющие. Светлый – 1. Излучающий сильный свет. 2. Хорошо освещенный; яркий. 3. Ясный, прозрачный. 4. Менее яркий по цвету по сравнению с другими, бледный, не темный. 5. Радостный, ничем не омраченный, приятный. 6. Ясный, пронизательный. Светить – Излучать свет” [Ожегов 1990: 700].

“Тьма1 – 1. Отсутствие света, мрак. 2. перен. Невежество, культурная отсталость. Тьма2 - ...2. То же, что множество. (СО, с.816). Темный – 1. Лишенный света, погруженный во тьму. 2. По цвету близкий к черному, не светлый. 3. Неясный, смутный, непонятный. 4. Печальный, мрачный, безрадостный. 5. Вызывающий подозрение, со-

мнительный по честности. 6. Невежественный, отсталый” [Ожегов 1990: 791].

Рассмотрим отдельные компоненты ЛСП “свет-тьма”.

В состав ЛСП входят:

- 1) слова разных частей речи, объединенные одной темой (синонимы, антонимы, тематические группы и др., причем синонимия может быть как полной, так и в одном из значений полисемичного слова;
- 2) слова, связанные с данной темой ассоциативно;
- 3) этимологически родственные слова (как характеризующиеся синонимической близостью в современном русском языке, так и подвергшиеся деэтимологизации).

В ЛСП “свет-тьма” архисемами являются сами эти понятия, находящиеся между собой в антонимичных отношениях. [Труфанова 2004: 139].

В стихотворном цикле М.Волошина “Руанский собор” ядерная лексика ЛСП “свет-тьма” включает:

а) архисему “свет”: *свет (темный, страданья, вечерний, очей)*;

б) слова, непосредственно примыкающие к архисеме “свет” и их дериваты: *(лиловые) лучи-2; (пчелами) свечей, факел (жизни), пламя (звезд), в звездной (пыли), солнечную (кровью); вечерний-2 (стекла, свет), цветы (вечеров), (вечер за) днем (беспокойным), (гаснет) день, (лиловым) днем, (жемчуг) дня, (медь) полудней*;

в) дериваты: *светлый-2 (ризы, пространства)*;

г) слова, примыкающие к дериватам *(светить, светлеть, светлый)* по смыслу: *(небо) яснится, прозрачные (ступени); бледный (лоб); праздничных (венков), радостное (бремя), (сердце)... радостью (ужалено), любовь-2 (сыновья, земная); (свет) очей, глаза (бессонны), (сапфир)... зрящий*;

д) синонимы: к “свет1” и его дериватам: *сияние (мечей); (прочь от земли и) огней; (поздних) зорь... Осанна; огнем-2 (колонны горят, дымится кровь), огненный-2 (гвозди, Смерть), пламя (звезд), как пламень; к “светить” и дериватам – (розы) сияют, (в тверди) сияюще (синей), сияющий-4 (тени, грозди, поля, тьма); горят-3 (колонны, океан, дух); к “осветить” и дериватам – (душа) осиянна; к “свет2” – (прочь) от земли, (пыль) миров, миры –(гвозди), над мирами*;

е) антонимы: архисема “тьма”: *во тьме (сияющей)*; ее дериваты: *темный-5 (плиты, свет, храм, дерн, земля)*; непосредственно примыкающие к архисеме “тьма” слова: *ночь, (к пространствам) ночей, тени-2 (сияющие, белизны), гаснет (день), незрячей, (тоскою) осиянна*; синонимы: *мрак (ужален), (сердце) мрака*.

Следует особо оговорить то, что вечер у М.Волошина – не темный. В «Руанском соборе»: «горит вечерний океан», «цветы осенних вечеров», «поздних зорь далекая Осанна», «алый свет вечерний» (ср. в других стихотворениях: «Вечер... Тучи.. Алый свет Разлился в лиловой дали: Красный в сером – это цвет надрывающей печали» (1904),

«Закат сиял улыбкой алой» (1904), «В молочных сумерках за сизой пеленой Мерцает золото, как желтый огонь в опалах» (1909) – цикл «Париж»; «Я к нагорьям держу свой путь По полынным лугам, по скату, Чтоб с холма лицо обернуть К пламенеющему закату. Жемчугами расшит покров И венец лучей над горами – Точно вынос Святых Даров Совершается в темном храме» (1913), «Старинным золотом и желчью напитал Вечерний свет холмы. Зардели красны, буры Клоки косматых трав, как клочья рыжей шкуры, В огне кустарники и воды как металл» (1907) – из «киммерийских» стихов.)

На периферии ЛСП находятся понятия, связанные с ядерными либо этимологически, либо ассоциативно [Труфанова 2004: 139]. Периферийная лексика ЛСП “свет-тьма” в “Руанском соборе” включает:

а) названия предметов, отражающих и преломляющих свет (с актуализацией сем “блеск”, “игра”, “прозрачность”), в т.ч., самоцветных камней и их дериватов: алмазный-3 (пыль, белизна, пути), рубины (винных лоз, вина), хризолит, сапфир, янтарь, жемчуг, аметистовые (розы), аметист-2; и драгоценных металлов с их дериватами: медь (полудней), золотым (сиянием), по серебряным (излучинам);

б) цветообозначения (совокупность цветовых полос радуги получается при прохождении светового луча через преломляющую среду): алый-2, алость, багровый, рдяный, рдеть-2, золотой, лазоревый, синий, сияюще-синий, фиолетовый, фиалковый, лиловый-4, лиловат, стоцветный, белый-3, белизна, серый-2, сер;

в) лексема “цветы”, ее дериваты и гипонимы: (рубины) винных лоз, (дождем) фиалок и сирени, розы-3, (расцветишие у креста, вечные, аметистовые), цветы (вечеров); (сердца,) расцветишие, как астры, и цветами отцветают (стекла), и цветком (собора) расцвети;

г) сакральная лексика, обусловленная тематикой цикла: душа-4 (стоцветная, тоскою осиянна, как своды и порталы, страстная), дух-2 (горит, пронзают пилыстры), святых (сияющие тени), воскресенье, (дуги) собора, в соборе (все поблекло), соборов (острия), соборов (каменные корни), (цветком) собора (расцвети), собор – первоприсестница, (крылья у старых) церквей, (ряд) церквей, молось (лучам), храма (древние колонны), в (древнем) храме, в (темном) храме, (расцветиших) у креста, (распявшие) на крест, молитвенный алтарь, (приникший) к алтарям, (торжественный) орган, стигматы, (синий) ладан, священные кораллы, лития, ангел

д) лексема “жизнь”: (факел) жизни;

е) антоним к жизни - смерть, (огненная) Смерть; и связанное с ней погребенье;

ж) слова-ассоциаты к архисеме “тьма”: глубь (в контексте “глубь земли”, злой (“злое сердце мрака”).

Всего 162 единицы.

Интересно сопоставить стихотворения, составляющие “Руанский собор”, с письмами М.Волошина к М.В.Сабашниковой.

Стихотворения	Фрагменты писем
<p>1. Ночь. <i>Вечер за днем</i> беспокойным. Город, как уголь, <i>зардел</i>, Веет прерывистым, знойным, <i>Рдяным</i> дыханием тел. <u>Плавны, как пение хора,</u> <u>Прочь от земли и огней</u> <u>Высятся дуги собора</u> <u>К светлым пространствам ночей.</u> <u>В тверди сияюще-синей,</u> <u>В звездной алмазной пыли,</u> <u>Нити стремительных линий</u> <u>Серые сети сплели.</u> <u>В горний простор без усилья</u> <u>Взвились громады камней...</u> <u>Птичьи упругие крылья –</u> <u>крылья у старых церквей!</u></p>	<p>Ср. письмо Волошина к М.В.Сабашниковой (утро 25 июля 1905 года): “Что-то совершилось..._Я никогда не испытывал такой <i>радости</i>, силы и уверенности...(<i>...</i>) <i>Ночью... Не было земли – были только уступы, арки, пилястры, тонкие дуги, кружевные стрелки, которые, как музыка, плавным и властным порывом уносились в темное звездное небо. Они были все осыпаны, все сияли звездной пылью. Неподвижно расширяясь, подымаясь без движения. Точно у этих каменных глыб были птичьи крылья...</i>” (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 108).</p>
<p>2. Лиловые лучи. О, <i>фиолетовые</i> грозы, Вы – <i>тень алмазной белизны!</i> <u>Две аметистовые Розы</u> <u>Сияют с горней вышины.</u> <u>Дымится кровь огнем багровым,</u> <u>Рубины рдеют винных лоз,</u> <u>Но я молюсь лучам лиловым, Пронзив-</u> <u>шим сердце вечных Роз.</u> <u>И я склоняюсь на ступени,</u> <u>К лиловым пятнам темных плит,</u> <u>Дождем фиалок и сирени</u> <u>Во тьме сияющей облит.</u> <u>И храма древние колонны</u> <u>Горят фиалковым огнем.</u> Как <i>аметист</i>, глаза бессонны и сожжены <i>лиловым</i> днем.</p>	<p>Ср. письмо Волошина к М.В.Сабашниковой (вечер 24 июля 1905 года): “<u>Мы были в одном соборе, где каменные колонны были пронизаны фиолетовым светом.</u> (<i>...</i>) Я слышал, как А.Р. (Минцлова) шептала: “Если долго смотреть в этот <i>фиолетовый свет</i>, то увидишь все, все”. <u>И там, где фиолетовый переходил в розово-золотистый,</u> - я видел, я знал, я чувствовал вашу душу. <u>И я помню, что я целовал фиолетовый сияющий камень и когда я наклонялся, то видел тень своей головы золотисто-зеленую, влажную, утопающую в лиловых лучах.</u> <u>И потом я смотрел наверх, где сияла фиолетовая роза среди мрака храма и фиолетовые лучи лились мне прямо в глаза, они одевали всю внутренность кружевного собора фиолетовой сияющей пылью, и я молился фиолетовому лучу.”</u> (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед.хр.</p>

	108).
3. Вечерние стекла.	-
4. Стигматы.	-
5. Смерть. Вьются ввысь <u>прозрачные ступени</u> , <u>Дух горит... И дали без границ.</u> Здесь <u>святых сияющие тени</u> , Шелест крыл и крики <u>белых птиц.</u> А внизу – глубоко в древнем <u>храме</u> Вздых <u>земли</u> подымлет <u>лития.</u> Я иду <u>алмазными</u> путями, Жгут ступни <u>соборов</u> остря. Под ногой – <u>сияющие</u> грозди – Пыль <u>миров</u> и <u>пламя белых звезд.</u> Вы, <u>миры</u> , - вы <u>огненные</u> гвозди, Вечный <u>дух</u> распявшие на <u>крест.</u> Разор- вись завеса в <u>темном храме</u> , Разомк- нись <u>лазорева</u> твердь! Вот она, как <u>ангел</u> , над <u>мирами</u> , <u>Факел жизни</u> – <u>огненная Смерть!</u>	Ср. письмо Волошина к М.В.Сабашниковой от 26 июля 1905 года: “...мы всходили на башню Руанского собора... Мы висели в воздухе – совсем над <u>бездной.</u> Бездна была со всех <u>сторон</u> ничем <u>не закрытая</u> и в <u>ступенях</u> были <u>звездчатые</u> пролеты и сквозь них под ногами на неизмеримой глубине внизу был виден готический городок. Это было во вторник 25 июля около полудня.” (ИРЛИ, ф. 562, оп.3, ед.хр. 108).
6. Погребение.	-
7. Воскресенье. Сердце острой <u>радостью</u> ужалено. Запах трав и колокольный гул. Чьей рукой плита моя отвалена? Кто запер гробницы отомкнул? Небо в перьях – высится и <u>яснится...</u> <u>Жемчуг дня...</u> Откуда мне сие? <u>И стоит собор</u> – <u>первопричастница</u> <u>В кружевах</u> и <u>белой кисее.</u> <u>По речным серебряным</u> излучинам, <u>По коврам сияющих</u> полей, <u>По селеньям, сжавшимся</u> и <u>скупенным,</u> <u>По старинным плитам</u> площадей, Вижу я, идут <u>отроковицами,</u> <u>В светлых ризах,</u> в <u>девственной фате,</u> <u>В кружевах,</u> с <u>завешенными</u> лицами, <u>Ряд церквей</u> – невесты во Христе. Этим камням, сложенным с <u>усильями</u> , Нет оков и нет <u>земных границ!</u> Вдруг <u>взмахнут испуганными</u> крыльями И <u>взовьются</u> стаей голубиц.	Ср. письмо Волошина к М.В.Сабашниковой от 24 июля 1905 года: “... <u>снаружи</u> весь собор <u>светлый</u> и пышный был похож на <u>тринадцатилетнюю</u> <u>первопричастницу,</u> которая, <u>осторожно</u> <u>подобрав</u> кисеи, кружева и ленты своего <u>белого</u> облака, <u>ступает</u> <u>кончиками ног</u> по <u>черным</u> плитам <u>запыленного</u> временем <u>города</u> ” (ИРЛИ, ф. 562, оп.3, ед.хр. 108).

Сравнение поэтических и прозаических впечатлений обнаруживает как общее (между письмами – и «Ночью», «Лиловыми лучами»), так и различие (между письмами и «Смертью» и «Воскресеньем»).

Все четыре стихотворения, словно вырастают из беглых зарисовок, начерно набросанных в письмах, расширяя и углубляя возникающие первоначально в прозе образы. В двух из них («Ночь» и «Воскресенье») резко увеличивается концентрация слов ЛСП «свет-тьма», особенно лексики со значением света, используемой в письмах гораздо более сдержанно. Однако «Лиловые лучи» и фрагмент письма от 24 июля 1905 года насыщены лексикой света практически одинаково. Предельной концентрации эта лексика достигает в «Смерти» – в то время как в соответствующем ей фрагменте письма встречается единственное определение «звездчатый» (о сквозных ступенях; в стихотворении они преобразуются в «прозрачные»). Заключительное же «Воскресенье» совершенно не включает «темную» лексику, в то время как в письме от 24 июля 1905 года употреблено определение «черный»: «...по черным плитам запыленного временем города» (ИРЛИ, ф. 562, оп.3, ед.хр. 108. Цит. по Лавров 1988: 346).

Из семи стихотворений, составляющих цикл «Руанский собор», названия всех семи включают ядерные или периферийные компоненты исследуемого ЛСП:

	1.Ночь	2.Лило- вые лучи	3.Вечер- ние стекла	4.Стиг- маты	5.Смерть	6.Погре- бенье	7.Воскре- сенье
«свет»	11	29	34	20	26	11	10
«тьма»	2	3	2	1	4	5	0

Концентрация «темной» и «светлой» лексики в отдельных стихотворениях цикла обусловлена их тематикой. «Светлая» лексика существенно преобладает и обнаруживается во всех семи стихотворениях, «темная» встречается во всех, кроме «Воскресенья». Таким образом, оппозиция «свет – тьма» реализуется в шести стихотворениях из семи, а также в масштабе цикла. Заключительное стихотворение противостоит предыдущим, прежде всего, по наличию/ отсутствию «темной» лексики.

Наибольшая насыщенность лексикой света обнаруживается в «Вечерних стеклах» (34 лексические единицы), «Лиловых лучах» (29), а также в «Смерти» (26). Последнее объясняется тем, что для М.Волошина «смерть – это экстаз, момент высшего восторга жизни» [Лавров 1988: 345], как явствует из прозаического фрагмента «Крестный путь», помещенного в журнальной публикации «Руанского собо-

ра” (Перевал, 1907, № 8-9, с.4) между третьим и четвертым стихотворениями цикла и объясняющего семь ступеней крестного пути и семь ступеней христианского посвящения, «символически воплощенного в архитектурных кристаллах готических соборов» [Лавров 1988: 344].

На парадигматическом уровне анализа выявляется тематическое разнообразие ЛСП “свет-тьма” в цикле М.Волошина “Руанский собор” Лексика света в “Руанском соборе” (только ядерная) включает тематические группы:

- 1) видимый свет (*золотым сиянием, лиловые лучи*),
 - 2) источник освещения (*пчелами свечей, пламя звезд*),
 - 3) освещенность, состояние, когда светло (*жемчуг дня, свет вечерний*),
 - 4) органы зрения, способность воспринимать мир (*свет очей, зрящий сапфир*),
 - 5) чувства (*радостное бремя, любовь сыновью*) и др.;
- а также словообразовательные гнезда (*сияние, сиять, сияющий, сияюще-синий, осиянный; свет и светлый; огонь и огненный; вечер и вечерний; звезда и звездный, аметист и аметистовый*) и синонимические ряды (*свет – сияние – огонь; огонь – пламя – пламень; очи – глаза*).

Наиболее частотны: *собор-6, душа-4, свет-4, день-4, храм-3, гореть-3, сияющий-3, алмазный-3*; единичны: *свечи, факел, солнечный, бледный, прозрачный, радость, яснится, зори; ангел, лития, стигматы, молюсь, молитвенный, священный, святые, воскресенье; хризолит, янтарь, сапфир, жемчуг; медь, золотой, серебряный*.

Лексика тьмы в “Руанском соборе” менее разнообразна в семантическом отношении; включает одно словообразовательное гнездо (*тьма, темный* и один синонимический ряд (*тьма, мрак*); частотно определение *темный* (5), единичны – *тьма, мрак, погребенье*.

С морфологической точки зрения, лексика света представлена преимущественно существительными (78), в меньшей степени – при знаковыми словами (прилагательными и причастиями, 49) и немногочисленными глаголами (9). Лексика, группирующаяся вокруг архисемы “тьма”, относительно равномерно представлена существительными (10) и прилагательными (7), а также единичным глаголом. Таким образом, свет пронизывает мир “Руанского собора” (и противостоит тьме) прежде всего на уровне сущностей и признаков, и лишь отчасти – действий.

Рассмотрим отношения исследуемых слов с их лексическим окружением. В непосредственной связи с данными лексемами находятся определяющие их или определяемые ими языковые единицы.

1. Стихотворный цикл, как и “архитектурный кристалл” Руанского собора, ориентирован по вертикали (земля – небо), следовательно, определяемые компонентами ЛСП “свет-тьма” слова в цикле “Руан-

ский собор” (в таблице даны в скобках) могут быть разделены на два противопоставленных пласта:

	Свет	Тьма
небо	Фиолетовые (грозы), (лучам, 2) лиловым, алый (свет) вечерний, лиловым (днем); в (тверди) сияюще-синей, лазоревая (твердь), пламя белых (звезд), крылья белых (птиц), алмазной (белизны), вечерний (свет), (душа) стоцветная распята, (душа) осиянна, к светлым (пространствам ночей), Всего 15	Тень белизны, темным (светом) Всего 2
земля	(дымится кровь) огнем багровым, по (речным) серебряным (излучинам), серые (сети), в (кружевах) и белой (кисее), (дымный камень) лиловат и сер, к лиловым (пятнам ... плит), (город, как уголь), зардел, (жала) алых (терний), алость (роз), (рубины) рдеют (винных лоз), аметистовые (розы), рдяным (дыханием тел), синий (ладан), во (тьме) сияющей, сияющих (полей), в светлых (ризах), солнечною (кровью), вечерние (стекла), бледный (лоб), прозрачные (ступени), радостное (бремя), праздничных (венков), (сапфир, испуганный) и зрящий, (сердца), расцветшие, как астры, золотым сиянием (мечей), факел (жизни), храма... (колонны) горят фиалковым огнем, святых сияющие (тени), сияющие (грозди), огненные (гвозди), огненная (Смерть), в звездной алмазной (пыли), алмазными (путями) Всего 33	темных (плит), в темном (храме), в темном (дерне), темная (земля); тебе (земле), незрячей; злое (сердце) мрака. Всего 6

Слова, определяемые компонентами ЛСП “свет-тьма” в данном случае взяты в прямом значении. Поправка на метафоризацию – «святых сияющие (тени)», «миров сияющие (грозди)», «миры – вы огненные (гвозди)»; «звездной алмазной (пыли)» – несущественна.

Из таблицы видно что и “темные”, и “светлые” определения связаны прежде всего с землей. Это же преобладание сохраняется и у существительных со значением света.

В «Руанском соборе» с землей связана преимущественно алозолотая часть спектра, «земной» свет – теплый; «небесный» – холодный, сине-фиолетовый. Белый цвет обнаруживается в обеих группах,

колоризм серый сочетается только со словами группы “земля”, но и “радужное” определение стоцветный – тоже.

В рамках микроконтекста (определяемое слово с определяющим) частотны:

а) оксюмороны, сочетающие “светлую” и “темную” лексические единицы («во тьме сияющей», «в темном храме», «к светлым странствам ночей», «огненная Смерть», «сияющие тени», «темным светом»);

б) сочетание двух “светлых” лексических единиц, своеобразное “умножение света” («огнем багровым», «золотым сиянием», «рубины рдеют», «фиалковым огнем», «лиловые лучи»(2), «лиловым днем», «алмазной белизны»).

Удвоение “темной” лексики не встречается.

2. Анализ более развернутого контекста, включающего лексическое окружение существительных-компонентов ЛСП “свет-тьма”, также демонстрирует преобладание:

а) контекстов, в которых за счет сочетания двух и более “светлых” лексических единиц усиливается интенсивность света: «две аметистовые Розы сияют с горней вышины. Дымится кровь огнем багровым, рубины рдеют винных лоз, но я молюсь лучам лиловым...», «...алость роз, расцветивших у креста, хризолит осенний и пьянящий, медь полудней – царственный янтарь, аметист – молитвенный алтарь и сапфир...», «И храма древние колонны Горят фиалковым огнем. Как аметист, глаза бессонны и сожжены лиловым днем», «Под ногой – сияющие грозди – Пыль миров и пламя белых звезд. Вы, миры, - вы огненные гвозди, Вечный дух распявшие на крест»; «О, сердца, расцветившие, как астры, Золотым сиянием мечей! Свет страданья, Алый свет вечерний Пронизал резной, узорный храм»;

б) лексики света в контекстах, объединяющих свет и тьму: «О, фиолетовые грозды, Вы – тень алмазной белизны!», «И я склоняюсь на ступени, к лиловым пятнам темных плит, дождем фиалок и сирени во тьме сияющей облит», «Здесь святых сияющие тени, шелест крыл и крики белых птиц», «Мрак ужасен пчелами свечей», «Здесь истлеть, как семя в темном дерне, и цветком собора расцветит!», «Тем, чей путь таинственно суров, Чья душа тоскою осиянна, Вы – цветы осенних вечеров, Поздних зорь далекая Осанна», «Разорвись завеса в темном храме, Разомкнись лазоревая твердь! Вот она, как ангел, над мирами, Факел жизни – огненная Смерть!»

В мире “Руанского собора” и земля и небо одинаково исполнены света и контрастов. Но контраст не означает разорванности. Определения-компоненты ЛСП “свет-тьма” (как и колоризмы) подчеркивают единую суть вещей, объединяют живое и неживое. Так, в “Руанском соборе” алыми оказываются розы, тернии – и свет; лиловыми, с одной стороны, – лучи и день, а с другой – плиты и камень; белыми – птицы и звезды; свет – темным, а тьма – сияющей. Слово сердце об-

наруживается в противопоставленных контекстах: *“Злое сердце мрака”* (в сочетании с «темными» определениями) и *“О, сердца, расцветшие, как астры, Золотым сиянием мечей!”* Контраст сопровождается также взаимопроникновением противоположных сущностей: *Факел жизни – огненная Смерть!*».

Свет в “Руанском соборе” – не белый, а радужный; он распадается на все цвета радуги, преломляясь не только в поэтическом видении, но и в реальности – в готических витражах. «В витражах использовалось стекло различных расцветок, но преобладали красно-вишневые, винные, пурпурные, а также синие тона. Витражи искрятся различными красками, но все в целом сливается в потрясающие по яркости, звучности и интенсивности фиолетово-красные цвета» [Бартнев, Батажкова 1983: с.72-73]. Глубокий смысл в цикле приобретает единичное употребление авторского колоризма *“душа стоцветная”*. Это слово коррелирует с многоцветьем, с *радужностью*, а *радуга* всегда воспринимается как добрый знак, иносказание о надежде.

Изменение цветовой гаммы в “Руанском соборе” на протяжении цикла становится своеобразным “движением в свет”: от сочетания теплых и холодных тонов в “Ночи”, “Лиловых лучах”, “Вечерних стеклах” и “Стигматах” к холодным и белому в “Смерти” и через лишенное цвета “Погребение” к чисто белому “Воскресенью”. Освобождение от цветности, движение от хроматических алых, золотых, синих и фиолетовых оттенков к ахроматическому белому цвету связывается с освобождением от мирских забот и земных уз (*“милой плотью скованное время, своды лба и звенья позвонков, я сложу, как радостное бремя, как гирлянды праздничных венков”*), с пониманием, просветлением и откровением.

В единичных контекстах лексическое окружение актуализирует у слов со значением света иные признаки: легкость, летучесть (*“Чья рука, летучая как пламень, по страстным путям меня ведет?”*, *“Птичьи упругие крылья – крылья у старых церквей!”*); активность, энергия (*“за днем беспокойным”*); конечность (*“(гаснет день)”*).

ЛСП “свет-тьма” с преобладающей в нем лексикой света занимает значительное место в языковом пространстве “Руанского собора”, как и в целом в творчестве М. Волошина, определяет существенные черты его поэтического мироощущения, сопрягается с “вертикальной” ориентацией анализируемого цикла, духовным ростом, преображением и устремленностью к свету.

Литература

Бартнев И.А, Батажкова В.Н. Очерки истории архитектурных стилей. М., 1983.

Лавров А.В. О поэтическом творчестве Максимилиана Волошина.// Волошин М.А. Избранные стихотворения. М., 1988.

Ожегов С.И. Словарь русского языка /Под ред. Н.Ю.Шведовой.

М., 1990.

Труфанова С.Л. Лексико-семантическое поле “свет – тьма” в поэтическом тексте // Язык, литература, культура: диалог поколений: Сборник научных статей. Чебоксары, 2004.

Р.Д.Сетаров
г. Елец

Национальная специфика метафорических номинаций

Проблема номинации многоаспектна, она занимала умы лингвистов различного профиля и на разных этапах развития лингвистики как науки. Разработка этой проблемы берет свое начало с античности. В решении проблемы “предмет — понятие — слово” философы древности стояли на достаточно противоречивых позициях. Одни между звеньями этой цепочки видели непроницаемую стену. Один из первых софистов и риториков Горгий доказывал, что ничего не существует, а если бы и существовало, то не могло бы быть познано человеком, а если бы было познано, то это свое познание человек не мог бы передать другим [1, 148]. Другие в основном отождествляли предмет и мысль о нем. Древнегреческий философ Парменид писал: “Одно и то же есть мысль и то, о чем она мыслит” [1, 31].

Споры о природе названия возрождаются и в средние века, достаточно вспомнить реалистов (лат. *res* — ‘вещь’) и номиналистов (лат. *nomēn* — ‘имя’). Первые (например, Ансельм, епископ Кентерберийский, 1033-1109 гг.) полагали, что понятие о вещи предшествует самой вещи, ибо вещи явились воплощением этих общих идей — универсалий. Вторые (яркий представитель — французский философ П. Абеляр, 1079-1142 гг.) считали, что реально существуют только отдельные вещи и понятия о них, которые выражаются в именах, а общих понятий, стоящих над конкретными вещами, нет. Слова — это лишь пустые имена.

А.А. Потебня, изучавший взаимоотношение языка и мышления, полагал, что слово предшествует понятию, потому что понятие формируется в словосочетаниях, в суждениях, в которые входит данное слово как субъект [4, 130-131].

Длительное время господствовало мнение, что слово и понятие, то есть материальная и идеальная стороны слова, возникают одновременно. Типичным в этом отношении является высказывание Л.О. Резникова: “Неверно, конечно, что понятие предшествует слову, что оно существует до слова и находит в слове только внешнюю форму своего выражения. Но столь же ложно утверждать, что слово предшествует понятию, что оно создает понятие, образует его, творит его” [5, 8]. Однако далее Л.О. Резников практически опровергает это утверждение: “Для обозначения каждого нового понятия обычно используется так или иначе какое-либо прежнее слово”.

Выбор определенного слова для обозначения нового понятия не случаен. Он определяется закономерной связью между новым понятием и прежним значением слова. Эта связь, как показал Потебня, покоится на том, что в содержании прежнего понятия и нового понятия имеется общий признак — *tertium comparationis* [5, 37]. Из сказанного видно, что источник образования понятия лежит не в языковой сфере, что понятие возникает до появления слова.

Оправданность связи слова-названия с самим называемым предметом, иначе говоря, проблема мотивированности или условности, произвольности названия занимала античность на протяжении нескольких столетий и, в целом, разделила древнегреческих мыслителей на два лагеря. Одни считали, что между предметом (вещью) и его названием существует необходимая внутренняя связь, то есть название вещи, являясь внутренним свойством данной вещи, возникло “по природе”. По мнению Гераклита, в именах раскрывается сущность вещей, имя отражает природу обозначаемой вещи, подобно теням предметов, отражению деревьев в реке, нашему собственному отражению в зеркале. Философ-материалист Демокрит отрицал такую связь и полагал, что название присваивается условно, “по произволу” или по разумной договоренности людей между собой. “От природы нет имен; они получают условное значение, когда становятся символом”, — утверждал Аристотель [1, 60]. Показательно, что споры эти в несколько иной форме продолжаются и в наше время. Можно вспомнить, в частности, дискуссию о мотивированности или немотивированности языкового знака. Основоположник современной лингвистики Ф. де Соссюр рассматривал язык как систему произвольных (немотивированных) знаков. Его знаменитый постулат гласит: “Языковой знак произволен... Слово “произвольный” не должно пониматься в том смысле, что означающее может свободно выбираться говорящим... Мы хотим лишь сказать, что означающее немотивировано, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи”. Хотя в этих словах речь идет о произвольности связи означающего и означаемого, Ф. де Соссюр в действительности понимал “произвольность” как немотивированность знака в целом по отношению к называемому объекту (денотату).

Принцип произвольности языкового знака некоторыми лингвистами был подвергнут справедливой критике. Э. Бенвенист писал, что с внутриязыковой точки зрения связь между планом выражения и планом содержания не произвольна, а органична, необходима, что “произвольность существует лишь по отношению к явлению или объекту материального мира и не является фактором во внутреннем устройстве языка” [2, 94]. “Принцип произвольности языкового знака ... сам оказывается произвольным”, — писал Р. Якобсон [3, 396].

О неоднозначности природы языкового знака говорил А.И. Смирницкий: “Условность связи между звучанием (и, следовательно, звуковым образом) слова и значением слова является некоторым общим принципом, который обнаруживается во всяком языке и без которого невозможно свободное развитие языка. Вместе с тем, однако, существование и развитие языка базируется и на другом принципе — на принципе мотивированности и рациональной оправданности связи между звучанием и значением, и этот принцип не менее важен, чем первый. Язык может существовать и развиваться лишь при условии сочетания обоих этих принципов” [6, 87-88].

Для современного языкознания установленными можно считать признак произвольности (условности) языкового знака по отношению к соответствующему денотату, но наличие мотивированности знака внутри конкретного языка.

В связи с этим важной теоретической проблемой представляется соотношение универсального и идиоэтнического в процессах номинации в конкретных языках: что при сходстве денотатов получает сходное наименование в разных языках, а что — различное, и чем обусловлены совпадения и несовпадения в данной сфере. Особенно интересна в этом проблема метафорической номинации — именно при переносной номинации ярко выявляются как сходство когнитивных и культурных моделей познания действительности разными народами, так и их национальная специфика.

Кроме того, анализ метафорических номинаций, фразеологических номинаций, устойчивых сравнений позволяет выявить национальную специфику соответствующих национальных концептов, обнаружить специфичные национальные когнитивные признаки, объективированные переносной номинацией. В этом случае анализ метафорической номинации, под которой мы в самом общем виде предлагаем понимать использование лексических единиц для однословной или расчлененной номинации новых денотатов выступает как инструмент выявления национальной специфики семантики слова и стоящего за словом концепта.

Известно, что образы, т.е. представления, которые вызывают растения и животные у разных народов, могут совпадать. Например, черепаха у большинства народов символизирует медлительность, заяц — быстроту, торопливость, трусость, лиса ассоциируется с хитростью, лестью, обманом, волк — с жадностью, злобой.

Однако между системой представлений, которая связана у народа с представлением о данном животном, и зооморфизмом, метафорическим употреблением названия животного, нет полного тождества, что можно проследить на материале не прямых номинаций, объективирующих когнитивные признаки зоонимических концептов.

Например, дифференцированные когнитивные признаки у разных народов объективирует зооним *аист*.

В турецком языке можно выделить следующие признаки концепта *аист*: 1. отверженность, покинутость. Турецкое выражение *leylekin attığı uavgu* (букв. 'брошенный детеныш аиста') имеет значение 'отверженный, покинутый, оставленный (о человеке)'. 2. высокий рост. Высокого человека в Турции сравнивают с аистом: *leylek gibi* 'высокий как аист'. 3. длинные, тонкие ноги. Тонкие, длинные ноги человека турки также сравнивают с ногами аиста – *leylek basak* (букв. 'аистиные ноги'). 4. безделие. Турецкое выражение о пустой болтовне *leylekin ömrü laklakla geçer* 'аист только и делает, что клювом щелкает'. 5. необычность. Шутливое турецкое выражение *leyleki havada mı gördün* (букв. 'ты что, увидел аиста в небе?') имеет значение 'не сидится тебе на месте'. Другое выражение *leylek fırtınası* (букв. 'аистиная буря', где *leylek* 'аист') имеет значение 'буря в конце марта'.

В немецком языке можно выделить следующие признаки концепта *аист*: 1. длинные, тонкие ноги. Немецкое выражение *wie der Storch im Salat* (букв. 'как аист в салате') имеет два значения: а. как на ходулях, б. на длинных худых ногах. 2. новорожденный. 3. необычность. Выражение *der will einen Storch gebraten haben!* (букв. 'он хочет себе аиста поджарить!') означает 'птичьего молока ему подавай!', а выражение *man wird dir einen Storch braten!* (букв. 'будут тебе аиста жарить!') означает 'держи карман шире!'.

В итальянском языке концепт *сіогна* 'аист' имеет следующие когнитивные признаки: 1. новорожденный. 2. колодец.

В русском языке концепт *аист* имеет следующие когнитивные признаки: 1. длинные, тонкие ноги. 2. новорожденный. 3. неуклюжесть.

В турецком языке концепт *муха* имеет следующие когнитивные признаки: 1. нечистоплотность. Пословица *sinek küçüktür amma mide bulandırır* имеет значение 'муха маленькая, а вызывает тошноту' (где *sinek* – 'муха'). 2. незначительность, малые размеры. Поговорка *sinekten yağ çıkarmak* означает 'толочь воду в ступе' (букв. 'выжимать масло из мух'). Другая турецкая поговорка о жадных людях, которые считают мушиное сало – *sinekin yağını hesap eder*.

В итальянском языке зооним *mosca* 'муха' имеет следующие когнитивные признаки: 1. обыкновенность. Итальянское выражение о ком-то, выделяющемся среди остальных *è una mosca bianca* (букв. 'белая муха'), это соответствует русскому выражению *белая ворона*. 2. надоедливость. Выражение *noioso come una mosca* (букв. 'докучливый, как муха'). 3. беззвучность передвижения. В итальянском языке есть выражение *si sarebbe sentito volare una mosca* (букв. 'можно было слышать, как муха пролетит'). 4. безобидность. Выражение *non farebbe male a una mosca* означает 'он и мухи не обидит'.

В немецком языке можно выделить следующие признаки концепта *муха*: 1. многочисленность. В немецком языке есть выражение о многочисленности чего-либо: *wie die Fliegen* (букв. 'как

мухи'). 2. легкость. Другое немецкое выражение *leichte Fliege* означает 'легкомысленная девушка', букв. 'легкая муха'. 3. бессмысленность. Немецкое выражение о бессмысленном занятии *Fliege fangen* (букв. 'ловить мух', где *Fliege* – 'муха'), 4. незащищенность. *er tut keiner Fliege etwas zuleide* 'он и мухи не обидит'. 5. безобидность. Еще один немецкий фразеологизм с фитонимом *муха* - *ihn ärgert die Fliege an der Wand* (букв. 'его злит муха на стене').

У концепта *муха* в русском языке можно выделить следующие когнитивные признаки: 1. небольшой размер. Выражение *делать из мухи слона* означает 'сильно преувеличивать, придавать чему-то незначительному большое значение', 2. незащищенность. Муху обидеть может каждый, о кротком и безобидном человеке говорят *мухи не обидит*. Выражение *мрут как мухи* – 'умирают в большом количестве'. 3. терпимость, неприхотливость к внешним обстоятельствам. Выражение *мухи мрут* – о невыносимой скуке, вызываемой чем-либо. 4. многочисленность. Выражение *до белых мух* означает 'до выпадения снега, до заморозков'. *Считать мух* – 'глазеть по сторонам, ротозейничать'. 5. беззвучность передвижения. О полной тишине говорят: *слышно, как муха пролетит*. 6. вялость, медлительность. О вялом, медлительном человеке говорят: *как сонная муха*.

Разнообразные когнитивные признаки объективирует лексема *волк*. В немецком языке можно выделить следующие признаки концепта *волк*: 1. острота зубов. В немецком *Wolf* 'волк' имеет переносное значение 'мясорубка'. 2. плохой. Немецкая пословица *der Wolf stirbt in seiner Haut* (букв. 'волк умирает в своей шкуре') имеет русский эквивалент *горбатого могила исправит*. Выражение *sich bessern wie ein junger Wolf* (букв. 'становиться лучше, как молодой волк') означает 'становиться все хуже'. 3. незванный. Фразеологизм *wie der Wolf in der Fabel* (букв. 'как волк в басне') имеет значение 'легок на помине'.

В турецком языке концепт *волк* имеет следующие когнитивные признаки: 1. опасность. Пословица *kurta koyun inanılmaz* означает 'нельзя волку доверить овцу' 2. опытность. Опытного человека называют морским волком: *eski deniz kurt larından* (букв. 'он из старых морских волков'). 3. хитрость. Одно из значений выражения *kurt gibi* (букв. 'как волк') 'хитрый как волк'.

В итальянском языке можно выделить следующие признаки концепта *волк*: 1. опытность. Выражение *vecchio lupo del mestiere* (букв. 'опытный как волк') означает 'опытный мастер, знаток своего дела'. 2. страшный. Выражение *vedere il lupo* имеет значение 'перетрусить' (букв. 'увидеть волка'). 3. опасность. Итальянская пословица гласит: *chi ha il lupo per compare, porti il cane sotto il mantello* 'если водишься с волком, будь всегда начеку' (букв. 'кто крестный отец волку, тот должен жить под маской собаки'). 4. незванный. Выражение *chi ha il lupo nella bocca, l'ha sulla groppa* имеет значение 'про волка речь, а он навстречь'.

У концепта *волк* в русском языке можно выделить следующие когнитивные признаки: 1. опытность. *Волк* в переносном значении 'много испытавший, привыкший к невзгодам и опасностям человек'. 2. недружелюбие. Русский фразеологизм *смотреть волком* означает 'смотреть недружелюбно, угрюмо'. 3. скрытность, лицемерие. *Волк в овечьей шкуре* – так говорят о лицемере, скрывающем дурные намерения под маской доброжелательства.

У концепта *утка* в немецком языке можно выделить следующие когнитивные признаки: 1. умение плавать. Этот зооним встречается во фразеологизме *er schwimmt wie eine bleierne Ente* 'он не умеет плавать, он плавает как топор' (букв. 'он плавает как свинцовая утка'). 2. неправда. Одно из переносных значений зоонима *утка* 'ложный сенсационный слух'. 3. емкость. Переносное значение концепта *утка* 'медицинский сосуд'. 4. опасность. В немецком языке есть и другое переносное значение 'неразорвавшийся снаряд'.

В польском языке можно выделить следующие признаки концепта *kaczka* 'утка': 1. агрессивность. Выражение *niech cię kaczki zderczą!* 'чтоб тебе пусто было!' (букв. 'пусть тебя утки растопчут!'). 2. неправда. Одно из переносных значений зоонима *утка* 'ложный сенсационный слух'. Выражение *puścić kaczkę* означает 'пустить утку (газетную)'. 3. емкость. Переносное значение концепта *утка* 'медицинский сосуд'.

В турецком языке концепт *ördek* 'утка' имеет следующие когнитивные признаки: 1. емкость. Переносное значение зоонима *утка* 'медицинский сосуд'. 2. попутчик. Переносное значение 'путник, которого шофер подбирает на дороге' (арго). 3. темно-зеленый цвет. *ördekbaşı* 'темно-зеленый' (букв. 'утиная голова').

В немецком языке концепт *Dachs* – 'барсук' имеет следующие когнитивные признаки: 1. наглость. Выражение *ein frecher Dachs* (букв. 'наглый барсук', где *Dachs* – 'барсук') имеет значение 'нахал'. 2. неопытность. Фразеологизм *ein junger Dachs* (букв. 'молодой барсук') означает 'юнец, молокосос'. 3. трудолюбие. Выражение *arbeiten wie ein Dachs* (букв. 'работать как барсук') имеет значение 'работать как вол'.

В русском языке концепт *барсук* имеет когнитивные признаки: 1. лень, сонливость. 2. неуклюжесть.

В итальянском языке концепт *барсук* имеет когнитивные признаки: 1. лень, сонливость. Выражение *dormire come un tasso* имеет значение 'спать как барсук' (где *tasso* – 'барсук'). 2. неуклюжесть.

В турецком языке можно выделить следующие признаки концепта *tazı* 'борзая': 1. худощавость. Выражение *tazıya dönmek* означает 'исхудать, высохнуть' (букв. 'быть похожим на борзую'). Худого человека в Турции сравнивают с борзой: *tazı gibi* 'сухопарый, поджарый' (букв. 'как борзая'). 2. насквозь промокший. Другое значе-

ние выражения *tazıya dönmek* 'промокнуть до нитки' (букв. 'быть похожим на борзую').

В русском языке концепт *борзая, борзой* имеет следующие когнитивные признаки: 1. худощавость. 2. быстрота. 3. наглость.

В немецком языке концепт *Viber* – 'бобр' имеет следующие когнитивные признаки: 1. волосатость. Немецкое *Viber* 'бобр' имеет переносное значение 'борода'. 2. водозащищенность. Немецкое *Viberschwanz* 'бобровый хвост' имеет переносное значения 'плоская черепица'. С черепичной крыши вода легко стекает, она хорошо противостоит осадкам.

В русском языке концепт *бобр* имеет следующие когнитивные признаки: 1. ненужность. Выражение *убить бобра* имеет значение 'обмануться в расчетах, предпочтя плохое хорошему'. 2. ценность. Другое значение выражения *убить бобра* 'приобрести что-либо очень ценное или добиться чего-либо значительного'.

Разнообразные когнитивные признаки объективирует лексема *блоха*.

В русском языке концепт *блоха* имеет следующие когнитивные признаки: 1. мелочь. В русском языке есть выражения: *выискивать, ловить блох* 'обращать внимание на мелочи'. 2. многочисленность. Выражение *как блох в овечьей шубе (собачьей шкуре)* 'о большом количестве чего-либо'. 3. небольшие размеры. Выражение *подковать блоху* означает 'справиться с тонкой и сложной работой'. 4. малочисленность. Выражение *блошинный рынок* означает 'барахолка, толкучка'.

В турецком языке концепт *pire* 'блоха' имеет следующие когнитивные признаки: 1. небольшие размеры. О метком стрелке турки говорят: *pireyi gözünden vurmak* (букв. 'попасть блохе в глаз'). Выражение *pireyi nallamak* имеет значение 'сделать невозможное, проявить искусство' (букв. 'подковать блоху'). Русской поговорке *делать из мухи слона* в турецком есть соответствие *pireyi deve uarmak* (букв. 'из блохи верблюда'). 2. мелочь. Русской пословице *рассердившись на блох, да всю шубу в печь* соответствует турецкая пословица *bir pire için yorgan uarmak* (букв. 'из-за одной блохи сжечь все одеяло'). 3. подвижность. Турецкое выражение *pire gibi* 'проворный, шустрый как блоха' (букв. 'как блоха').

В немецком языке концепт *Floh* 'блоха' имеет следующие когнитивные признаки: 1. незаметность. Немецкое выражение *er hört die Flöhe husten* означает 'он все видит и все слышит' (букв. 'он слышит, как блохи кашляют'). 2. несущественность. Выражение *lieber Flöhe hüten!* означает 'все, что угодно, только не это!' (букв. 'лучше блох пасти'). 3. маленькие размеры. Выражение *einen Floh für einen Elefanten ansehen* имеет значение 'делать из мухи слона' (букв. 'принять блоху за слона'). 4. неприятность. Фразеологизм *jemandem*

einen Floh ins Ohr setzen означает 'нашептывать кому-либо что-либо, взбудоражить кого-либо' (букв. 'посадить кому-нибудь блоху в ухо').

В итальянском языке концепт *pulce* 'блоха' имеет следующие когнитивные признаки: 1. надоедливость. Выражение *noioso come una pulce* имеет значение 'надоел хуже горькой редьки' (букв. 'надоел как блоха'). 2. неприятность. Фразеологизм *mettere una pulce in un orecchio* имеет значение 'внушить кому-либо подозрение, заронить сомнение' (букв. 'поместить кому-то блоху в ухо'). 3. несущественность. Другое выражение *una pulce non leva il sonno* означает 'одна блоха сну не помеха'.

В турецком языке концепт *kaz* 'гусь' имеет следующие когнитивные признаки: 1. глупость. Турецкое *kaz* 'гусь' имеет переносное значение 'глупец, дурак'. Пословица *Agobun kazı gibi bakmak* означает 'смотреть, как баран на новые ворота' (букв. 'смотреть, как гусь Акопа'). 2. шумность. Одно из переносных значений зоонима *kaz* – 'горлопан'. 3. обыкновенность. Выражение *kazın ayağı öyle değil* означает 'дело не этом, все как раз иначе' (букв. 'гусь шагает не так'). *Kaz gibi yolmak* 'ободрать как липку' (букв. 'как гуся общипать'). 4. ценность. Поговорка *kazı gelen yerden tavuk esirgenmez* означает: 'нельзя жалеть отдать курицу тому, кто дает гуся'.

В немецком языке концепт *Gans* 'гусь' имеет следующие когнитивные признаки: 1. глупость. Немецкое *Gans* 'гусь' имеет переносное значение 'дура'. 2. обыкновенность. Немецкая пословица *die Gänse gehen überall barfuß* имеет значение 'везде так водится, это всюду делается одинаково' (букв. 'гуси везде ходят босиком'). 3. шумность. Выражение *Wie eine Gans schnattern* означает 'болтать вздор' (букв. 'гоготать, как гусь'); фразеологизм *Gänse ohne Schnattern gibt es nicht* имеет русский эквивалент 'нет розы без шипов' (букв. 'гусей без гогота не бывает'). 4. неуклюжесть. Выражение *wie eine Gans watscheln* имеет значение 'ходить вперевалку' (букв. 'переваливаться, как гусь').

В польском языке концепт *geś* 'гусь' имеет следующие когнитивные признаки: 1. глупость. Одно из переносных значений зоонима *geś* – 'дура'. Польское *gaśie* 'гусенок' имеет переносное значение 'глупая, наивная девушка'. 2. наглость. Фразеологизм *rządzić się jak szara geś* означает 'хозяйничать, как у себя дома' (букв. 'хозяйничать, как царский гусь'). 3. агрессивность. Выражение *niech się geś kopnie!* означает 'черт тебя возьми!' (букв. 'пусть тебе гусь даст пинка!').

В итальянском языке концепт *osa* 'гусь' имеет следующие когнитивные признаки: 1. глупость. Итальянское выражение *quanto sei osa!* (букв. 'ну что ты за гусыня!') означает 'ты ничего не понимаешь'. *Fare l'osa* (букв. 'притвориться гусем') 'притворяться, делать вид, что не знаешь'. 2. неуклюжесть. В итальянском языке походку вперевалку также сравнивают с гусиной: *samminare come un osa*

(букв. 'ходить как гусь'). 3. шумность. Выражение *strillare come un'oca del Campidoglio* можно перевести глаголом 'визжать' (букв. 'кричать, как capitoлийские гуси'). Этот фразеологизм о гусях, которые спасли Рим.

В русском языке концепт *гусь* имеет следующие когнитивные признаки: 1. глупость. Выражение *глупый, как гусь* 'очень глупый'. 2. агрессивность. Выражение *гусей дразнить* означает 'вызывать раздражение, злобу'. 3. умение хорошо плавать. Выражение *как с гуся вода* означает 'все нипочем, ничего не делается с кем-либо'.

В немецком языке концепт *Kamel* 'верблюд' имеет следующие когнитивные признаки: 1. глупец, дурак. 2. работяга.

В турецком языке концепт *deve* – 'верблюд' имеет следующие когнитивные признаки: 1. спокойствие, размеренность. Выражение *deve adımı ile* означает 'медленно, размеренно' (букв. 'верблюжьим шагом'). 2. отвисшая губа. Выражение *deve dudaklı* означает 'человек с отвисшей губой' (букв. 'верблюжья губа'). 3. неуклюжесть. Неуклюжего человека русские сравнивают с медведем – *как медведь*, а турки – с верблюдом: *deve gibi* (букв. 'как верблюд'). 4. большие размеры. Выражение *deveyi hamuduyle yutmak* означает 'присвоить чужое' (букв. 'проглотить верблюда со всей упряжью'). 5. глупость. Русскому выражению *смотреть, как баран на новые ворота* соответствует турецкая поговорка *deve nalbanda bakar gibi bakmak* (букв. 'смотреть, как верблюд на кузнеца'). 6. сила. Русской пословице *мягко стелет, жестко спат* соответствует турецкая *devenin termesi yumuşaktır ama can alır* (букв. 'верблюд бьет мягко, но смертельно'). 7. хитрость. Русскому выражению *себе на уме* соответствует турецкое *deve yakını otlar uzağı gözetir* (букв. 'верблюд щиплет траву близко от себя, а присматривает то, что далеко').

В русском языке концепт *верблюд* имеет следующие когнитивные признаки: 1. выносливость, трудолюбие. *Нагружен, как верблюд* – говорят, о человеке, несущем тяжелые вещи. 2. виноватость. *Доказывать, что ты не верблюд* – говорят о невозможности подтвердить очевидную необоснованность какого-либо обвинения.

Интересные когнитивные признаки у разных народов объективирует зооним *заяц*. В итальянском языке концепт *lepre* – 'заяц' имеет следующие когнитивные признаки: 1. способность быстро бегать. Это качество отражено в итальянской поговорке *invitare la lepre a correre* (букв. 'предложить зайцу бежать наперегонки', где *lepre* – 'заяц'). 2. трусость. Выражение *dormire come la lepre* означает 'спать очень чутко' (букв. 'спать, как заяц').

В немецком языке концепт *Hase* 'заяц' имеет следующие когнитивные признаки: 1. трусость. 2. опытность. Старого, опытного работника, хорошего специалиста немцы называют *alter Hase* (букв. 'старый заяц'). 3. незащищенность. Немецкая пословица гласит: *viele Hunde sind des Hasen Tod* 'где много гончих, там зайцу смерть'. Другое

выражение *nicht den Hasen in der Pfanne glauben* 'не верить словам, доверять лишь фактам' (букв. 'не верить зайцу на сковородке').

В русском языке концепт *заяц* имеет следующие когнитивные признаки: 1. трусость. *Труслив, как заяц*. 2. безбилетный пассажир.

В разных странах могут быть известны одни и те же животные и растения. Национальное своеобразие может проявляться в типичных метафорах, связанных с тем или иным образом, то есть в национальной специфике образной основы. Самобытность языков – это результат того, что связь между языком и мышлением не является прямолинейной и однозначной, что язык, образуя с мышлением единство, имеет свои внутренние, относительно самостоятельные законы развития.

В концепте заключены признаки, актуальные для соответствующей культуры. Исследование и описание когнитивных признаков зоонимов в различных языках позволяет выявить национальную специфику фрагмента картины мира.

Литература

- Античные теории языка и стиля. – М.-Л., 1936
Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.
Звегинцев В.А. История языкознания 19-20 вв. в очерках и извлечениях. – М.: Прогресс, 1965, ч. 2.
Потебня А.А. Мысль и язык. – Харьков, 1913.
Резников Л.О. Понятие и слово. – Ленинград, ЛГУ, 1958.
Смирницкий А.И. Значение слова. //Вопросы языкознания 1955, № 2.

Ш. И. Васильев
г. Стерлитамак

Антонимичные фразеологические единицы военной тематики в древнерусском языке XI – XIV вв.

Фразеологическая антонимия – довольно частое явление в области древнерусской парадигматики древнерусского языка.

Фразеологические антонимы – это минимум две фразеологические единицы, которые ассоциируются в нашем сознании как взаимоисключающие друг друга по значению при таком противопоставлении, характеризующие явления или предметы действительности с разных, но совместимых сторон [Алехина 1968: 268].

Антонимия понимается как противоположность значений языковых единиц одного и того же уровня языка, в данном случае фразеологических единиц. Понятие противоположности является основным, глобальным понятием при определении фразеологической антонимии, причем явления и реалии окружающей действительности становятся антонимами не сами по себе, «а в результате их осмысления и оценки, соотнесения с принятыми нормами и стандартами» [Львов 1978: 11].

Нередко вопросы фразеологической антонимии рассматриваются в тесной связи с вопросами фразеологической синонимии, основное различие между ними заключается в том, что «при синонимии интегрирующие признаки доминируют над дифференцирующими, при антонимии же дифференцирующие признаки не только преобладают над интегрирующими, но и имеют полярный характер» [Докторевич 1972: 14].

Фразеологическая антонимия – явление более сложное, чем лексическая, поскольку фразеологизм, обладающий особым образным значением, представляет собой своеобразный сплав значений компонентов, его составляющих и является раздельнооформленным образованием. ФЕ – это языковая единица более высокого уровня, чем слово.

В общем фразеологическом значении в той или иной мере могут быть отражены значения компонентов ФЕ. В связи с этим фразеологическая антонимия наиболее рельефно обнаруживается там, где она опирается на лексические (как знаменательные, так и служебные) элементы [Эмирова 1971: 171].

Следует учесть одно важное обстоятельство, что «основным показателем принадлежности ФЕ к антонимам является их употребление в составе антонимичных контекстов, дополнительным – одинаковая сфера их лексической сочетаемости» [Миллер 1990: 93].

Анализ антонимичных фразеологических единиц (АФЕ)

древнерусских летописей показал, что по лексическому составу и структуре все антонимичные фразеологические единицы делятся на: 1) одноструктурные и 2) разноструктурные. Одноструктурные, в свою очередь, состоят из трех групп: 1. Собственно лексические АФЕ; 2. Несобственно лексические АФЕ; 3. Морфолого – лексические АФЕ.

1. У собственно лексических фразеологических антонимов часть компонентов совпадает, другие же компоненты противопоставляются, будучи антонимами в свободном употреблении: **взятн оружье** (или **мечь**) – *начать боевые действия, воевать*: (ЛЛ: 1064, 550), (НІУЛ, 1216, 122об.), (РЛ, 1064, 95) – **пометатн оружье** – *бежать после поражения, спасая себя*: (ЛЛ, 1234, 237об.), (НІУЛ, 1234, 135), (ИУВ, ІУ, 334); **соБратн** (или **свьѣкупнтн, съкопнтн, поятн**) **вон** (или **дружнНу**) – *собрать войско для похода, битвы*: (ИЛ: 1136, 111; 1152, 161), (ЛЛ: 946, 16; 941, 10) – **распустнтн вон** (или **дружнНу**) – *после возвращения из похода распустить войско* (НІУЛ, 1136, 87об.), (ЛЛ, 1150, 109 об.), (ИУВ, І, 350); **вНѣшНнн градъ** (**городъ**) – *внешнее оборонительное сооружение вокруг города*: (ЛЛ, 1078, 67 об.), (ИУВ, І, 178), (РЛ, 1078, 116) – **вНутрѣНнн градъ** – *оборонительное сооружение внутри города*: (ИУВ: І, 179; ІІ, 283); **взятн мирь** – *заключить мир*: (ЛЛ, 1216, 221), (ИЛ, 1148, 134об.), (НІУЛ, 1375, 204об.) – **взятн рать** – *воевать*: (ЛЛ: 1093, 72об.), (ИЛ, 1167, 187); **тверднтн** (или **оукрепляютн**) **городъ** (**градъ**) – *укреплять город для лучшей его защиты при осаде*: (ЛЛ: 1186, 135 об.; 1216, 225 об.), (НІУЛ, 1216, 120) – **разБнтн** (или **погоубнтн, разрушнтн, разорнтн**) **градъ** (**городъ**) – *разрушить, разорить город*: (ЛЛ: 971, 21об.; 1375, 257), (ИЛ, 1229, 257), (НІУЛ, 1069, 72); **старБншая дружнНа** – *представители военно-феодальной аристократии, ближайшие помощники древнерусского князя (бояре)*: (ЛЛ, 1177, 128об.), (ИЛ, 1147, 130) – **молотшая** (**моложьшая**) **дружнНа** – *рядовые, молодые члены военного окружения князя, представляющие собой основной контингент княжеского профессионального войска*: (ЛЛ, 1097, 89об.), (ИЛ, 1149, 150об.) и др.

2. К несобственно лексическим АФЕ относятся такие устойчивые сочетания слов, часть компонентов которых совпадает, контрастирующие же части не являются антонимами в свободном употреблении: **взятн** (или **творнтн, оучнНнтн**) **мирь** – *заключить мирное соглашение*: (НІУЛ, 1196, 108 об.), (НІЛСИ, 1209, 74) – **развергНутн мирь** – *расторгнуть мирный договор*: (НІУЛ, 1366, 196), (СІЛ, 1406, 447); **цѣловатн крестъ** – *приноситъ присягу, давать клятву*: (ИЛ, 1140, 113), (ЛЛ: 1067, 56об.), (НІУЛ, 1218, 123об.) – **пре(пере)ступнтн крестъ** – *нарушать клятву, присягу*: (ЛЛ: 1067, 56об.; 1068, 58); **оустремнтнся На Бон** (или **БраНь**) – *вступить в бой, битву*: (ИЛ, 1234, 261об.), (ЛЛ, 1185, 133об.), (НІУЛ, 1372, 200об.) – **оустремнтнся На Бѣгъ** – *бежать с поля боя*: (ИЛ, 1096, 85; 1213, 250); **датн руку** – *предложить мирные отношения, стать*

союзниками: (ЛЛ, 968, 20) – **подъНятн (въздатн) руку** – *напасть на кого-либо с войском, воевать с кем-либо*: (ЛЛ, 1015, 45об.), (ИЛ, 1147, 130об.).

3. Морфолого – лексические АФЕ отличаются друг от друга или только префиксами, или префиксами с предлогами, остальные компоненты у них совпадают: **прнступнтн (подъступнтн) къ граду** – *прийти к городу с войском для его захвата*: (ЛЛ, 1078, 67об.), (НІУЛ, 1268, 154) – **отступнтн от града** – *снять осаду с города и отойти*: (ЛЛ, 907, 15об.) (НІУЛ, 946, 14-14об.), (РЛ, 946, 30об.); **отворнтн врата (ворота)** – *сдаться, пустить противника в город*: (ЛЛ, 1097, 90), (НІУЛ, 1214, 133об.) – **затворнтн врата (ворота)** – *запереть вход в город, не пустив неприятеля* (ЛЛ, 907, 30), (ИУВ, 1, 170).

Разноструктурные АФЕ отличаются друг от друга своим лексическим составом, синтаксической структурой и значением: **оударнтн въ коНѢ** – *пойти, устремиться в атаку* (ЛЛ: 1068, 58; 1096, 177), (НІУЛ, 1068, 58) – **датн (или оБратнтн) плещн (плечн)** – *бежать с поля боя* (ИЛ, 1111, 100), (НІУЛ, 1375, 205об.).

Любая оппозиция фразеологических антонимов предполагает, с одной стороны, противоположность семантики противопоставляемых АФЕ, а с другой стороны, – тождество их значений: «с помощью взаимоположенных по значению единиц номинации (слов и фразеологизмов) получают обозначение тождественные (односущностные) явления объективной реальности» [Миллер 1990:118]. Например: антонимичная оппозиция ФЕ **творнтн (сътворнтн) вонНу** (или **БраНѢ, рать**) – *начинать (начать) военные действия, воевать*: (НІЛМИ, 1204, 126 об.), (СІЛ, 1216, 228) и ФЕ **творнтн (сътворнтн) мнрь** – *заключать (заключить) мирное соглашение*: (ЛЛ, 980, 24 об.), (ИЛ, 1097, 88) предполагает не только их противоположность по значению, но и тождественность по выражаемой ими сущности – *производить какие-либо активные действия*. Другая пара антонимичных ФЕ **тверднтн (или оукрепляютн) городь (градь)** – *укреплять город для лучшей его защиты при осаде*, и **разБнтн (или погоубнтн, разрушнтн, разорнтн) градь (городь)** – *разрушить, разорить город*, наряду с полярной семантикой означает одну сущность – *понятие города*.

В текстах древнерусских памятников отмечены устойчивые коммуникативные выражения назидательного, поучительного характера, включающие в свой состав антонимичные слова, выражающие предельное отрицание, но в то же время взаимно предполагающие друг друга: 1) **БраНѢ славНа луче мнра студНа** (ЛЛ, 1186, 136об.), (РЛ, 1186, 239): в данном примере противопоставляются пары лексем: **БраНѢ – мнрь, славНѢ – студеНѢ**; 2) **мнрь стонт до ратн а рать до мнра** (ИЛ, 1151, 160об.), (ЛЛ, 1151, 160об.), в этом случае для усиления эффекта употребляется двойное противопоставление одних и

тех же антонимичных слов: **миръ – рать**; 3) в следующем фразеологизме **да люБо Будемъ живн люБо мертвн** (ЛЛ, 1103, 93об.) предполагается выбор одного из двух взаимоисключающих друг друга условий: *или жизнь или смерть*; 4) в устойчивом выражении **да люБо Налѣзу соБѣ славу а люБо голову свою слою** (ИЛ, 1097, 91об.), (ЛЛ, 1097, 89об.) наблюдается противопоставление двух фразеологизмов, находящихся внутри одного коммуникативного устойчивого выражения: **Налѣзти славу кому – добиться славы, известности и съложити голову свою – погибнуть**.

Особую группу устойчивых словосочетаний образуют ФЕ – антитезы, представляющие собой парные сочетания антонимичных существительных, образованные преимущественно по модели: имя существительное + предлог + имя существительное: **коННныи н пѣщн** (ИЛ, 1174, 204), (ИУВ: II, 270; II, 287; III, 299); **оружнем н рукама** (ИУВ, Y, 383). К ФЕ – антитезам можно отнести и устойчивое сочетание слов **от мала до велика**: азъ слою свою голову за тя и се рекъ оутѣшн всеволода и повѣле сбратн вон **от мала до велика** (ЛЛ: 1078, 67об.; 1175, 125об.).

В соответствии с лексико – грамматической характеристикой можно выделить следующие пары антонимичных фразеологических оборотов: глагольные: **взятн оружье (или мечь) – помстатн оружье (или мечь); соБратн (или съвкупитн, съкопитн) вон (или дружиНу) – распуститн вон (или дружиНу); взятн миръ – взятн рать**; субстантивные: **вНѣшНнн градъ – вНутреНнн градъ; старѣшная (или лоучшая, передняя, первая) дружина – молотшая дружина** и др.). Глагольные АФЕ имеют значительное преобладание перед субстантивными антонимичными оборотами.

Анализ антонимичных фразеологических оборотов позволил сделать ряд выводов: 1. Фразеологическая антонимия занимает важное место в системе парадигматических отношений древнерусского языка и служит ярким экспрессивно – выразительным средством для создания контрастных образов, для противопоставления понятий, явлений, признаков, связанных с военным делом; 2. Антонимичные фразеологические единицы представляют собой языковые образования разного характера: номинативные одноструктурные и разноструктурные устойчивые сочетания слов, устойчивые антонимичные выражения коммуникативного характера, а также ФЕ – антитезы; 3. В квантитативном плане преобладают одноструктурные АФЕ, противоположность которых строится на полярности денотативных значений.

Литература

Алехина А. И. Фразеологическая антонимия и структурные типы фразеологических антонимов в современном английском языке // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. – Тула, 1968.

Докторевич Д. Л. Корреляция синонимическо – антонимических рядов и контекст // *Стиль и контекст. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена.* – Ленинград, 1972.

Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. – М., 1978.

Миллер Е. Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. Изд – во Саратовского университета, 1990.

Эмирова А. М. Об антонимических противопоставлениях в сфере фразеологии // *Вопросы семантики фразеологических единиц.* – Новгород, 1971.

Ш. И. Васильев
г. Стерлитамак

Антонимичные фразеологические единицы военной тематики в древнерусском языке XI – XIV вв.

Фразеологическая антонимия – довольно частое явление в области древнерусской парадигматики древнерусского языка.

Фразеологические антонимы – это минимум две фразеологические единицы, которые ассоциируются в нашем сознании как взаимоисключающие друг друга по значению при таком противопоставлении, характеризующие явления или предметы действительности с разных, но совместимых сторон [Алехина 1968: 268].

Антонимия понимается как противоположность значений языковых единиц одного и того же уровня языка, в данном случае фразеологических единиц. Понятие противоположности является основным, глобальным понятием при определении фразеологической антонимии, причем явления и реалии окружающей действительности становятся антонимами не сами по себе, «а в результате их осмысления и оценки, соотнесения с принятыми нормами и стандартами» [Львов 1978: 11].

Нередко вопросы фразеологической антонимии рассматриваются в тесной связи с вопросами фразеологической синонимии, основное различие между ними заключается в том, что «при синонимии интегрирующие признаки доминируют над дифференцирующими, при антонимии же дифференцирующие признаки не только преобладают над интегрирующими, но и имеют полярный характер» [Докторевич 1972: 14].

Фразеологическая антонимия – явление более сложное, чем лексическая, поскольку фразеологизм, обладающий особым образным значением, представляет собой своеобразный сплав значений компонентов, его составляющих и является раздельнооформленным образованием. ФЕ – это языковая единица более высокого уровня, чем слово.

В общем фразеологическом значении в той или иной мере могут быть отражены значения компонентов ФЕ. В связи с этим фразеоло-

гическая антонимия наиболее рельефно обнаруживается там, где она опирается на лексические (как знаменательные, так и служебные) элементы [Эмирова 1971: 171].

Следует учесть одно важное обстоятельство, что «основным показателем принадлежности ФЕ к антонимам является их употребление в составе антонимичных контекстов, дополнительным – одинаковая сфера их лексической сочетаемости» [Миллер 1990: 93].

Анализ антонимичных фразеологических единиц (АФЕ) древнерусских летописей показал, что по лексическому составу и структуре все антонимичные фразеологические единицы делятся на: 1) одноструктурные и 2) разноструктурные. Одноструктурные, в свою очередь, состоят из трех групп: 1. Собственно лексические АФЕ; 2. Несобственно лексические АФЕ; 3. Морфолого – лексические АФЕ.

1. У собственно лексических фразеологических антонимов часть компонентов совпадает, другие же компоненты противопоставляются, будучи антонимами в свободном употреблении: **взятн оружье** (или **мечь**) – *начать боевые действия, воевать*: (ЛЛ: 1064, 550), (НІУЛ, 1216, 122об.), (РЛ, 1064, 95) – **помстатн оружье** – *бежать после поражения, спасая себя*: (ЛЛ, 1234, 237об.), (НІУЛ, 1234, 135), (ИУВ, ІУ, 334); **соБратн** (или **свьѣкупнтн, съкопнтн, поятн**) **вон** (или **дружнНу**) – *собрать войско для похода, битвы*: (ИЛ: 1136, 111; 1152, 161), (ЛЛ: 946, 16; 941, 10) – **распустнтн вон** (или **дружнНу**) – *после возвращения из похода распустить войско* (НІУЛ, 1136, 87об.), (ЛЛ, 1150, 109 об.), (ИУВ, І, 350); **вНѣшНнн градъ** (**городъ**) – *внешнее оборонительное сооружение вокруг города*: (ЛЛ, 1078, 67 об.), (ИУВ, І, 178), (РЛ, 1078, 116) – **вНутреНнн градъ** – *оборонительное сооружение внутри города*: (ИУВ: 1, 179; ІІ, 283); **взятн мнръ** – *заключить мир*: (ЛЛ, 1216, 221), (ИЛ, 1148, 134об.), (НІУЛ, 1375, 204об.) – **взятн рать** – *воевать*: (ЛЛ: 1093, 72об.), (ИЛ, 1167, 187); **твѣрднтн** (или **оукрепляютн**) **городъ** (**градъ**) – *укреплять город для лучшей его защиты при осаде*: (ЛЛ: 1186, 135 об.; 1216, 225 об.), (НІУЛ, 1216, 120) – **разБнтн** (или **погоубнтн, разрушнтн, разорнтн**) **градъ** (**городъ**) – *разрушить, разорить город*: (ЛЛ: 971, 21об.; 1375, 257), (ИЛ, 1229, 257), (НІУЛ, 1069, 72); **старѢншая дружнНа** – *представители военно-феодалной аристократии, ближайшие помощники древнерусского князя (бояре)*: (ЛЛ, 1177, 128об.), (ИЛ, 1147, 130) – **молотшая** (**моложьшая**) **дружнНа** – *рядовые, молодые члены военного окружения князя, представляющие собой основной контингент княжеского профессионального войска*: (ЛЛ, 1097, 89об.), (ИЛ, 1149, 150об.) и др.

2. К несобственно лексическим АФЕ относятся такие устойчивые сочетания слов, часть компонентов которых совпадает, контрастирующие же части не являются антонимами в свободном употреблении: **взятн** (или **творнтн, оучнНнтн**) **мнръ** – *заключить мирное соглашение*: (НІУЛ, 1196, 108 об.), (НІЛСИ, 1209, 74) –

развергНутн миръ – *расторгнуть мирный договор*: (НІУЛ, 1366, 196), (СІЛ, 1406, 447); **цБловатн крестъ** – *приноситъ присягу, давать клятву*: (ИЛ, 1140, 113), (ЛЛ: 1067, 56об.), (НІУЛ, 1218, 123об.) – **пре(пере)ступитн крестъ** – *нарушать клятву, присягу*: (ЛЛ: 1067, 56об.; 1068, 58); **оустремитнся На Бон (или БраНь)** – *вступить в бой, битву*: (ИЛ, 1234, 261об.), (ЛЛ, 1185, 133об.), (НІУЛ, 1372, 200об.) – **оустремитнся На БЪгъ** – *бежать с поля боя*: (ИЛ, 1096, 85; 1213, 250); **датн руку** – *предложить мирные отношения, стать союзниками*: (ЛЛ, 968, 20) – **подъНятн (въздатн) руку** – *напасть на кого-либо с войском, воевать с кем-либо*: (ЛЛ, 1015, 45об.), (ИЛ, 1147, 130об.).

3. Морфолого – лексические АФЕ отличаются друг от друга или только префиксами, или префиксами с предлогами, остальные компоненты у них совпадают: **прнступитн (подъступитн) къ граду** – *прийти к городу с войском для его захвата*: (ЛЛ, 1078, 67об.), (НІУЛ, 1268, 154) – **отступитн от града** – *снять осаду с города и отойти*: (ЛЛ, 907, 15об.) (НІУЛ, 946, 14-14об.), (РЛ, 946, 30об.); **отворитн врата (ворота)** – *сдаться, пустить противника в город*: (ЛЛ, 1097, 90), (НІУЛ, 1214, 133об.) – **затворитн врата (ворота)** – *запереть вход в город, не пустив неприятеля* (ЛЛ, 907, 30), (ИУВ, 1, 170).

Разноструктурные АФЕ отличаются друг от друга своим лексическим составом, синтаксической структурой и значением: **оударитн въ коНЪ** – *пойти, устремиться в атаку* (ЛЛ: 1068, 58; 1096, 177), (НІУЛ, 1068, 58) – **датн (или оБратитн) плещн (плечн)** – *бежать с поля боя* (ИЛ, 1111, 100), (НІУЛ, 1375, 205об.).

Любая оппозиция фразеологических антонимов предполагает, с одной стороны, противоположность семантики противопоставляемых АФЕ, а с другой стороны, – тождество их значений: «с помощью взаимопротивоположных по значению единиц номинации (слов и фразеологизмов) получают обозначение тождественные (односущностные) явления объективной реальности» [Миллер 1990:118]. Например: антонимичная оппозиция ФЕ **творитн (сътворитн) вонНу (или БраНь, рать)** – *начинать (начать) военные действия, воевать*: (НІЛМИ, 1204, 126 об.), (СІЛ, 1216, 228) и ФЕ **творитн (сътворитн) миръ** – *заключать (заключить) мирное соглашение*: (ЛЛ, 980, 24 об.), (ИЛ, 1097, 88) предполагает не только их противоположность по значению, но и тождественность по выражаемой ими сущности – *производитъ какие-либо активные действия*. Другая пара антонимичных ФЕ **твердитн (или оукрепляетн) городъ (градъ)** – *укреплять город для лучшей его защиты при осаде*, и **разБитн (или погоубитн, разрушитн, разоритн) градъ (городъ)** – *разрушить, разорить город*, наряду с полярной семантикой означает одну сущность – *понятие города*.

В текстах древнерусских памятников отмечены устойчивые

коммуникативные выражения назидательного, поучительного характера, включающие в свой состав антонимичные слова, выражающие предельное отрицание, но в то же время взаимно предполагающие друг друга: 1) **БраНь славНа луче мнра студНа** (ЛЛ, 1186, 136об.), (РЛ, 1186, 239): в данном примере противопоставляются пары лексем: **БраНь – мнрь, славНь – студеНь**; 2) **мнрь стонт до ратн а рать до мнра** (ИЛ, 1151, 160об.), (ЛЛ, 1151, 160об.), в этом случае для усиления эффекта употребляется двойное противопоставление одних и тех же антонимичных слов: **мнрь – рать**; 3) в следующем фразеологизме **да люБо Будемь жвнн люБо мертвн** (ЛЛ, 1103, 93об.) предполагается выбор одного из двух взаимоисключающих друг друга условий: *или жизнь или смерть*; 4) в устойчивом выражении **да люБо Налѣзу соБѣ славу а люБо голову свою слою** (ИЛ, 1097, 91об.), (ЛЛ, 1097, 89об.) наблюдается противопоставление двух фразеологизмов, находящихся внутри одного коммуникативного устойчивого выражения: **Налѣзти славу кому – добиться славы, известности и сѣложити голову свою – погибнуть**.

Особую группу устойчивых словосочетаний образуют ФЕ – антитезы, представляющие собой парные сочетания антонимичных существительных, образованные преимущественно по модели: имя существительное + предлог + имя существительное: **коННкы н пѣщн** (ИЛ, 1174, 204), (ИУВ: II, 270; II, 287; III, 299); **оружнем н рукама** (ИУВ, Y, 383). К ФЕ – антитезам можно отнести и устойчивое сочетание слов **от мала до велнка**: азъ слою свою голову за тя и се рекъ оутѣшн всеволода и повѣле сѣнратн вон **от мала до велнка** (ЛЛ: 1078, 67об.; 1175, 125об.).

В соответствии с лексико – грамматической характеристикой можно выделить следующие пары антонимичных фразеологических оборотов: глагольные: **взятн оружье (или мечь) – пометати оружье (или мечь); соБратн (или сѣвкупити, сѣкопити) вон (или дружиНу) – распустити вон (или дружиНу); взятн мнрь – взятн рать**; субстантивные: **вНѣшНнн градъ – вНутреНнн градъ; старѣшная (или лоучшая, передняя, первая) дружиНа – молодшая дружиНа** и др.). Глагольные АФЕ имеют значительное преобладание перед субстантивными антонимичными оборотами.

Анализ антонимичных фразеологических оборотов позволил сделать ряд выводов: 1. Фразеологическая антонимия занимает важное место в системе парадигматических отношений древнерусского языка и служит ярким экспрессивно – выразительным средством для создания контрастных образов, для противопоставления понятий, явлений, признаков, связанных с военным делом; 2. Антонимичные фразеологические единицы представляют собой языковые образования разного характера: номинативные одноструктурные и разноструктурные устойчивые сочетания слов, устойчивые антонимичные выражения коммуникативного характера, а также ФЕ – антитезы; 3. В кван-

титативном плане преобладают одноструктурные АФЕ, противоположность которых строится на полярности денотативных значений.

Литература

Алехина А. И. Фразеологическая антонимия и структурные типы фразеологических антонимов в современном английском языке // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. – Тула, 1968.

Докторевич Д. Л. Корреляция синонимическо-антонимических рядов и контекст // Стиль и контекст. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. – Ленинград, 1972.

Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. – М., 1978.

Миллер Е. Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. Изд – во Саратовского университета, 1990.

Эмирова А. М. Об антонимических противопоставлениях в сфере фразеологии // Вопросы семантики фразеологических единиц. – Новгород, 1971.

Т.В. Винниченко
г. Архангельск

Названия приемов художественного шитья в памятниках письменности XVI – середины XVIII вв.²

Художественное шитье Древней Руси - явление многогранное, что проявляется как в наличии разнообразных материалов шитья, способов вышивания, так и в мастерстве вышивальщиц, умении комбинировать различные материалы (жемчуг, камни, золото и др.), сочетать искусство художника и декоративно-прикладное искусство. Каждый из способов шитья и низания жемчугом претворялся в конкретной вышиваемой вещи либо в виде вышитой сплошь поверхности, либо в виде расшитого фрагмента узора; при шитье пелен с изображением святых вышивание жемчугом сводилось к обводке контуров, а работая над девичьим головным убором, мастерица могла совмещать различные приемы низания - низать вперемежку с драгоценными камнями или унизовать всю вышиваемую поверхность.

Наименования приемов шитья и низания жемчугом, описываемые в данной статье, разделены нами на группы, учитывая общность семантики:

1. наименования сплошного шитья (зашивать, шить сплошь, ни-

² Работа выполнена при поддержке ведомственной программы Министерства образования и науки 2005 г. "Развитие потенциала высшей школы" «Исследование языковой картины мира северного крестьянина XVI-XVII вв. на материале памятников письменности Подвинья» (руководитель Винниченко Т.В.).

зять насыпью и др.);

2. наименования шитья, при котором вышиваются отдельные фрагменты узора (шить местами, шить по мѢстамъ);

3. наименования шитья, при котором вышиваются только контуры узора (обшивать, обнизать, вымѣтать и др.).

Наименования сплошного шитья

Зачастую мастерицы прибегали к сплошной зашивке фона или частей узора шелковой, драгоценной нитью или жемчугом. В изученных документах такой способ шитья обозначен следующими лексическими единицами: зашивать, крыть, шить в сплошь (сплошь), низать сплошь, низать насыпью, низать в насыпь, низать в частую.

Лексема зашивать в значении *вышивать, полностью заполняя фон или части узора*, активно используется в XVII в., например: скроен государю налатникъ тафта бѢла под шитье, земля зашивать серебром, а травы аксамитить и бархатить. Кн. кр. 1629 [Забелин 1869:834]; Лѣтникъ... звѣздки-суремницы шолкъ аль... было въ нихъ золото да зашито шолки. Оп. платья царей 1611 [Забелин 1869:42].

Для древнерусского языка характерно только одно, прямое значение слова зашивать - *зашивать* [Словарь 1975-2004, V:340], то есть *соединять швом концы чего-нибудь*; развитие интересующего нас значения происходит в старорусском языке и обусловлено семантикой префикса за- - *покрыться, закрыться чем-либо с помощью действия, названного мотивирующим глаголом*: платно золотное по бархату, зашивана земля золотомъ пряденымъ. 1644 [Выходы 1844:117].

Глагол зашивать издревле известен в терминологии плотничьего дела для обозначения сплошного покрытия чего-либо [Гринкова 1939:178]. Этот факт и семантика префикса за- позволяют уточнить значение слова зашивать - *вышивать*, приведенное в Сл XI-XVII [Словарь 1975-2004, V:340], включив в состав лексического значения сему *полностью заполняя узор*. Лексема зашить в современных говорах отмечена в значении *вышить*: Башмачки тебе куплю, Башмачки литые, пятки зашитые. Калуж, 1905 [СРНГ 1965-1992, XI:189].

Семантически тождественным глаголу зашивать является слово крыть: полотенцо узоръ нѢмецкой земля крыта шелкъ чернь съ золотомъ. Оп. патр. ризницы 1631 [Викторов 1875:72].

В лексикографической литературе данная лексема толкуется как *покрывать* [Срезневский 1989, I:1341], *покрывать поверхность слоем чего-либо* [Словарь 1975-2004, VIII:96]. Такое толкование представляется нам несколько общим; значение *покрывать поверхность слоем чего-либо* характерно для общеупотребительного ЛСВ лексемы крыть, при вхождении в лексику художественного шитья слово крыть несомненно сужает свое значение.

Развитие значения *вышивать, полностью закрывая узор*, лексемой крыть происходит в результате установления синонимических

отношений между ЛЕ зашивать и крыть, что является следствием архаизации семы *вышивать* и актуализации семы *полностью закрывая* в структуре лексического значения слова зашивать (ср. зашивать в терминологической системе плотничьего дела).

В памятниках XVII-XVIII вв. представлены составные наименования (СН) шить в сплошь, шить сплошь, низать сплошь означающие *вышивать, полностью закрывая узор*: Арарь шить золотомъ и серебромъ волоченымъ и пряденымъ в сплошь гладкимъ швомъ. Оп. церк. вещей Высоко-Петр. м. XVII в. - РГАДА, ф. 1186, оп. 1, д. 5, л. 2; покровъ, а на нем вышит образ великого чудотворца Сергия золотом и серебромъ сплошь. 1666. [Вкл. кн. Тр.-Серг. м. 1987:190]; Стихарь... оплечье низано жемчугом же по вишневому отласу крест низан жемчугомъ сплошь. Оп. им. Тр.-Серг. м. 1701 [Манушина 1983:145].

Собственно русское слово сплошь [Фасмер 1996, III:736] в старорусском языке имеет значение *без промежутков* [Словарь 1847, IV:202].

Достаточно частотный вариант шить в сплошь, возможно, появляется под влиянием синтагм, в состав которых входит предлог в (шить в пришивку, шить в клопецъ и др.).

В памятниках деловой письменности начала XVIII в. нами отмечено появление СН низать в частую, также означавшего сплошное вышивание: а меж тЪхъ дробницъ ј камня в частую нанизано серебряными звЪстками. Кн. перепис. церк. ризницы 1721 - ГААО, ф. 191, оп. 1, д. 67, л. 10.

Менее частотны в наших документах СН низать насыпью, низать в насыпь, также означающие *вышивать, мелким материалом для вышивания (жемчугом, блестками), полностью закрывая узор*: у спасава образа... ожерелье низано жемчугом мелким насыпью. Оп. Фер. м. 1747 - ГАВО, ф. 496, оп. 1, д. 1663, л. 63; поручи... низано жемчугомъ скатным в насыпь. Оп. кн. Высоко-Петр. м. 1725 - РГАДА, ф. 1186, оп. 1, д. 2, л. 62.

Наречия насыпью и в насыпь, являющиеся семантически стержневыми компонентами СН, образованы аффиксальным способом от глагола насыпати, одно из значений которого в старорусском языке было *украсить поверхность чего-либо вкраплением мелких частиц какого-либо материала* [Словарь 1975-2004, X:280-281].

Рассмотренные лексические единицы зашивать, крыть, шить сплошь, шить в сплошь, низать сплошь, низать в частую, низать в насыпь, низать насыпью, составляют 2 синонимических ряда (СР), которые складываются в XVII – первой половине XVIII вв.:

СР зашивать, крыть, шить сплошь, шить в сплошь с общей семой *вышивать, полностью закрывая узор*, и

СР низать сплошь, низать в насыпь, низать насыпью, низать в частую - *вышивать мелким материалом для вышивания (жемчугом, блестками), полностью закрывая узор*.

Близость значений данных лексических единиц подтверждают тексты памятников деловой письменности, толкование этих лексем в лексикографической литературе и синтагматические связи лексем.

Дистрибутивные качества перечисленных лексем и СН характеризуются следующими особенностями:

1. СН низать в насыпь, низать насыпью, низать сплошь, низать вчастую сочетаются с существительными в Тв. п., обозначающими мелкий материал для вышивания (жемчуг, блески и т.п.);

2. глагол зашивать часто употребляется без дополнения, указывающего на материал шитья: ризы... оплечье шито золотом и серебромъ земля зашивана крестъ и звѣзда того ж оплечья. Переп. кн. Яр. м. 1701 - РГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 13, л. 78 об.;

3. нами отмечена тенденция к употреблению в столь же независимой позиции лексемы крыть, что находит проявление на грамматическом уровне: существительное, указывающее на материал шитья (шелк, золото), имеет форму Им. п. и скорее примыкает к глаголу, чем управляется им: полотенцо узоръ нѣмецкой земля крыта шелкъ чернь съ золотомъ. Оп. патр. ризницы 1631 [Викторов 1875:72].

Наблюдения над лексической и грамматической сочетаемостью компонентов данных СР позволяют подтвердить наличие дифференциальной семы *вышивать мелким материалом (жемчугом, блесками)* у синонимичных СН низать вчастую, низать насыпью, низать в насыпь, низать сплошь.

Основными причинами, приведшими к формированию этих СР, были, во-первых, изменение семантики разномотивированных наречий сплошь (в сплошь), в насыпь (насыпью), вчастую при образовании СН, актуализация общей для них семы *полностью, сплошь*; во-вторых, изменение семантики лексемы крыть, что приводит к синонимии зашивать - крыть. Внутри СР с общей семой *вышивать, полностью закрывая узор* наибольшей степенью частотности в XVII в. обладают лексические единицы зашивать и шить сплошь. В XVIII в. перестает употребляться в указанном значении элемент СР крыть.

Синонимы низать вчастую, низать насыпью, низать в насыпь, низать сплошь активно используются в памятниках XVIII в.

Наименования шитья, при котором вышиваются отдельные фрагменты узора

Данная ЛСГ состоит всего из 7 лексических единиц: пронизывать, пронизать, шить местами, шить по местамъ, низать рѣдко, низать изрѣдка, низать рѣденько, которые являются антонимами по отношению к СН низать вчастую, низать насыпью, низати в насыпь, низать сплошь. Указанные ЛЕ имели более общее значение и широко не употреблялись потому, что не давали информации о характере узора, о размерах вышитой поверхности, то есть о богатстве вышивки: Чал-

дарь суконной алой шить золотомъ и серебромъ волоченымъ мѣстамъ. Оп. им. гетмана 1690 [РИБ 1884, VIII:1043]; набедерникъ... промеж жемчюгу шито по мѣстамъ трунцаломъ и канителью. Оп. кн. Солов. м. 1676 - РГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 555, л. 249; образцы оксамичены золотомъ, пронизаны въ шахматы жемчугомъ. Плат. Бор. Год. 12. 1589 [Словарь 1975-2004, XX:181].

Глагол пронизать в лексикографической литературе определяется как *украсить изделие, нанизав в промежутках шитого узора бисер, жемчуг и т.п.* [Словарь 1975-2004, XX:181]. Данное значение является вторичным, переносным при основном *проткнуть насквозь, сделать отверстие* [Словарь 1975-2004, XX:181]. Префикс про- имеет значение *направление действия сквозь что-нибудь, вглубь* [Ежкова 1998:28].

Лексема пронизывать (пронизать) сохраняет свое значение и в XIX в.: *покровъ шитый, пронизанный жемчугомъ - униженный, выниженный по промежуткам шитого узора* [Даль 1981-1982, III:499]; и в современном языке - *низать (бисер, жемчуг) в промежутках между чем-либо; украшать пронизью* [БАС 1948-1969, XI:1232].

Номинативные варианты шить местами, шить по местамъ возникают при уточнении семантики глагола шить - вышивать - с помощью наречий-конкретизаторов местами и по местамъ, образованных от лексемы мѣсто - *часть, определенное место поверхности какого-либо предмета* [Словарь 1975-2004, IX:113]. Указанные СН имеют нулевую степень терминологизации, так как их семантическое наполнение равно сумме значений компонентов СН и отсутствует модификация семантики СН. В данном случае можно говорить лишь об определенной тенденции к терминологизации, проявляющейся в регулярном употреблении СН шить местами и шить по местамъ и возрастающей частотности их употребления.

СН: низать рѣдко, низать изрѣдка, низать рѣденько: подпись низано жемчугомъ редко. Оп. Моск. с. 1627 [РИБ 1876, III:449]; поручи... жемчугомъ изрѣдка низано. Оп. патр. ризницы, 1631. [Викторов, 1875:47]; сулокъ... по концомъ низано по гвоздичной тафтѣ... рѣденько. Оп. патр. ризницы 1631 [Викторов, 1875:56]; покровъ... около венца низано жемчугомъ в два ряда рѣткимъ низанием. Оп. им. Сп. Прил. м. 1749 - ГАВО, ф. 496, оп. 1, д. 1719, л. 82.

Семантически стержневые лексемы рѣдко, рѣденько, изрѣдка в старо-русском языке имели значение – *неплотно, не часто, редко поставленный* [Словарь 1975-2004, XXII:131-132].

Наименования шитья, при котором вышиваются контуры узора

В русском художественном шитье XVII в., как и во всех других отраслях прикладного искусства, сказывается тяготение к передаче

объемных пластических форм [Доновна 1962:28], поэтому особое внимание обращается на вышивание жемчугом или драгоценными нитями контуров узора.

В изученных документах процесс вышивания по контуру носил следующие названия: обвести, обложить, обшить, ошить, обдѣлать, обнизать, вымѣтать.

Глагол обвести активно употребляется в памятниках письменности XVII в. в значении *вышить по контуру узора*: у воздуха и у дву покровцов середины и около пол обнизано жемчугом в одну прядь, около тово жемчюгу обведено веревочками золотными. 1674 [Вкл. кн. Тр.-Серг. м. 1987:281]; около ердани и оплечья обведено кругомъ в двѣ прядки жемчугом. Оп. им. Сп.-Прил. м. 1693 - ВОКМ, ф. 3, оп. 1, д. 5, л. 114 об.

Указанное значение является вторичным (при основном *заставить проити вокруг или в обход кого, чего-либо* [Словарь 1975-2004, XII:15]), развивается путем метафорического переноса, основанного на сходстве процессов: два херувима обнизаны жемчугомъ среднимъ; въ крыльяхъ промежь жемчугу, прошивано кортуномъ въ петлю; по краямъ обведено трунцаломъ. Оп. патр. риз. казны 1689 [Викторов 1875:131]; оплечье... травы все сплошь вынизаны средним жемчугом, вокруг их обведено канителью золотою. 1730 [Вкл. кн. Тр.-Серг. м. 1987:32].

В том же значении, что и глагол обвести, отмечается в исследованных документах лексема обложить: три убрусца тафтяные червчаты, по концомъ у дву низано жемчугомъ... около жемчюгу обложено золотыми прядми. Оп. Моск. с. 1627 [РИБ 1876, III:488].

Значение общеупотребительного слова обложить - *наложить, покрыть чем-либо сверху, по краям или со всех сторон для украшения какого-либо предмета; отделать чем-либо* [Словарь 1975-2004, XII:84]. Терминологическое значение развивается путем сужения семантики общеупотребительного слова: ризы... оплечье обложено пазументомъ серебряным. Оп. им. Сп.-Прил. м. 1737 - ГАВО, ф. 512, оп. 1, д. 190, л. 26. Причем процесс терминологизации данного слова происходит параллельно в ряде терминологических систем: иконного дела, вышивания и переплетного дела (Сл XI-XVII, XII, 84).

Высокой степенью частотности обладал в XVII в. глагол обшить, означающий вышивание по контуру узора: шапка... около всех дробниц и запонов обнизано жемчугом, а около жемчюгу обшито канителью. 1624 [Вкл. кн. Тр.-Серг. м. 1987:113].

Авторы «Словаря русского языка XI-XVII вв.» толкуют лексему обшить как *пришить, нашить по краю поверхности, отделать чем-либо*, рассматривая это значение в качестве основного: А люди ево нарядны, все в красномъ бархатномъ платье, все обшиты серебряные круживомъ. Гебд. 72. 1661 [Словарь 1975-2004, XII:190]. На основании имеющихся у нас словоупотреблений можно говорить о само-

стоятельном значении *вышить по контуру узора* для глагола обшить: в Ёнчикъ... низанъ среднимъ жемчугомъ и около жемчугу обшитw золотомъ и кинителью. Оп. кн. Холм. с. 1701 - ГААО СИФ, л. 15; пелена бархатъ червчатой на ней крсть вышить серебромъ wбшить золотомъ. Оп. им. Павло-Обн. м. 1687 - ГАВО, ф. 521, оп. 1, д. 3, л. 75.

Указанная семантика представляется нам первичной, основной семантикой лексемы обшить, так как она есть сумма значений производящей основы глагола шить и префикса об- - *вышить вокруг чего-либо, по контуру чего-либо*. В силу того, что вышивание по контуру всегда осуществлялось путем нашивания того или иного материала (галун, канитель и т.п.) на ткань, в структуре семемы происходит архаизация семы *вышить*, что приводит к генерализации семантики лексемы и расширению круга ее дистрибутивных связей: *пришить, нашить по краю или поверхности, отделать чем-либо*.

В современном языке слово обшить сохраняет свое значение: *пришить по краю чего-либо кайму (шнур, галуны и т.п.), отделать чем-либо* [БАС 1948-1969, VIII:510].

Глагол *ошить* употребляется в наших документах реже: оплечье... обнизано жемчугомъ ошито золотомъ около тесма серебряная. Оп. кн. Знамя. м. 1689 - РГАДА, ф. 1191, оп. 1, д. 564, л. 4 об. Впервые данная лексема в значении *обшить по краю, вокруг* отмечена в XIII в.: Кожюхъ же оловира грѣцького... круживы златыми плоскими ошить. Ипат. лет. 814. 1252 [Словарь 1975-2004, XIV:108; Срезневский 1989, II:851].

Так как префиксы о- и об- тождественны по значению, можно говорить о словообразовательной вариантности слов *ошить* и *обшить*, которая формируется как результат предшествующего языкового развития (вариант *ошить* возникает в древнерусский период) [Алексеева 1978:6-7]. Преодоление вариативности происходит за счет доминирующего употребления лексемы *обшить* в памятниках письменности и утраты менее частотного варианта *ошить*.

Значение *вышить по контуру узора* отмечено нами у глагола обдѣлать: сакъ... назади крсть низанъ жемчугомъ, около креста обдѣлано канителью. Оп. патр. ризницы 1631 [Викторов 1875:23].

В старорусском языке лексема обдѣлать имеет широкое значение - *соответствующим образом обработать по всей поверхности или по краям* [Словарь 1975-2004, XII:21]. Благодаря большому семантическому объему становится возможным вхождение в лексику художественного шитья и синонимизация с терминами обшить и др. Сужение значения, формирование семантики *вышить по контуру узора* происходит за счет контекстуального окружения лексемы *обдѣлать*.

Процесс вышивания по контуру с использованием мелких материалов для вышивания (жемчуга, блесков и т.п.) обозначался глаголом обнизать.

Лексема *обнизать* частотна в памятниках XVI-XVIII вв.: возду-

хи... крсты плашки серебряные обнизаны жемчугомъ подкладка до-
роги червчетые. Оп. ризн. книги Савво-Сторож. м. 1667 - РГАДА, ф.
1199, оп. 1, д. 20, л. 18; оплечье шито золотомъ сученымъ в ряды в
клопець по аксамитному обнизано жемчугомъ. Оп. кн. Выс.-Петр. м.
1725 г. - РГАДА, ф. 1186, оп. 1, д. 2, л. 50 об.-51.

В лексикографической литературе существуют различные трак-
товки семантики данной ЛЕ: *нанизав (жемчуг и т.п.), украсить что-
либо кругом или сплошь, обнизать*: Самъ же царь одѣяся златосияю-
щими ризами и чръвленицами златотканными, и бисеромъ обнизаны-
ми одежами. Ник. лет. IX, 113. 1083 [Словарь 1975-2004, XII:102]; *на-
низать кругом, украсить низаньем*: Концы обнизаны жемчугомъ.
Плат. Бор. Фед. Год. 1589, 17 [Срезневский 1989, II:565].

Лексема выметать в лексике вышивания имела значение *вы-
шить контуры узора* [Маслова 1978:42]: Оплечье бархатъ вишневь,
по немъ выметано бѣлю травы и узлы, около бѣли шито золотомъ.
Заб. Быт цариц 634. 1607 [Словарь 1975-2004, I:139]. Вне термиоло-
гической системы вышивания для общеупотребительного глагола вы-
метать характерно значение *отделить, выделить* [Словарь 1975-2004,
III:222]. Вероятно, глагол выметать первоначально обозначал процесс
подготовки к вышиванию, нанесения рисунка на ткань с помощью не-
драгоценной (хлопчатобумажной или льняной) нити напроем, по ко-
торой затем и вышивали. Потенциальная сема *вышивать* в дальней-
шем эксплицируется и лексема выметать получает терминологическое
значение *вышивать контуры узора*. В XVIII в. лексема выметать
употребляется в значении *нарисовать, выметать цветы на материи*
[Словарь 1975-2004, IV:241]. Этот факт свидетельствует о том, что
интересующий нас ЛСВ известен только в лексике художественного
шитья. Хотя в современном литературном языке данное слово являет-
ся общеупотребительным и обладает семантикой *обшить особым
швом по краю (преимущественно петли); обметать* (МАС, I, 266).

Таким образом, данное лексическое множество составляют гла-
голы обвести, обложить, обшить, ошить, обдѣлать, обнизать, вы-
мѣтать объединенные общей семой *вышить по контуру узора*.

Наблюдения над дистрибутивными связями перечисленных лек-
сем свидетельствуют о различном диапазоне их сочетаемости. Глагол
обнизать управляет существительными, обозначающими мелкий ма-
териал для вышивания (блестки, жемчуг и т.п.); лексемы обшить,
ошить, обдѣлать, вымѣтать имеют синтагматические связи с сущест-
вительными, обозначающими нити для вышивания (золото, канитель
и др.); более широкий круг связей у слов обвести, обложить - они спо-
собны сочетаться с тем и с другим типом существительных. Учитывая
вышеизложенное, представляется возможным выделить внутри под-
группы 2 СР, которые складываются к началу XVII в: наиболее общим
значением *вышить по контуру узора какими-либо материалами* обла-
дают синонимичные глаголы обвести, обложить; лексемы обшить,

ошить, обдѣлать, вымѣтать объединены значением *вышить по контуру узора нитями для вышивания*.

Кроме того, характерной чертой рассматриваемой подгруппы является единый (исключая вымѣтать) способ образования лексем с помощью префиксов о- и об-, имевших значение *направить действие, названное мотивирующим глаголом, вокруг чего-либо, во все стороны* [Нефедьев 1994:74]. На наш взгляд, в данном случае имеет место ослабление позиции корней -дѣл-, -лож-, -вест-, значение корня конкретизируется аффиксальным окружением.

Избыточность наименований, входящих в данную подгруппу, проявившаяся в синонимии ЛЕ, преодолевается в языке XVIII в. путем выпадения компонентов рядов. Так, СР с общим значением *вышить по контуру узора нитями для вышивания* теряет синонимы вымѣтать и ошить, так как происходит преодоление вариативности, выбор более употребительного варианта обшить; также из этого СР выпадает элемент обдѣлать, так как корневая морфема данного слова обладает широкой семантикой, и значение закрепляется за глаголом обшить, мотивированным словом шить. Из ряда обвести, обложить в XVIII в. в современном языке сохраняется только лексема обложить в значении близком к указанному - *обшить, обделать* [МАС 1981-1984, II:542].

**Таблица «Временная характеристика компонентов СР
вышивать по контуру»**

срез	Временной					
		I-XV вв.	VI в.	VII в.	Пе рвая пол. XVIII в.	Вт орая пол. XVIII в.
Лексемы						
<i>Обвести – вышить контуры узора</i>					+	—
<i>Обложить - вышить контуры узора</i>					+	+
<i>Вымѣтать - вышить контуры узора</i>					—	—
<i>Обшить - вышить контуры узора</i>					+	+
<i>Ошить - вышить контуры узора</i>		252			—	—
<i>Обнизать - вышить контуры узора</i>		083.			+	—
<i>Обдѣлать - вышить контуры узора</i>		—			—	—

В исследованных документах нами отмечены СН, обозначающие процесс вышивания по контуру узора в один, два и больше рядов.

Значение *вышивать по контуру в один ряд* имели следующие СН: низать (обнизать) въ одну нить, обнизать въ одну ниточку, обнизать въ нить, обшивать въ одну нитку, обнизать въ одну веревочку, обнизать въ одну строчку, низать (обнизать) въ одну прядь, садить въ одну прядь, садить в одноряд, садить в однорядь: около вершка обнизано въ одну нить зернами жемчужными. Кн. кр. 1650 [Забелин 1869:109]; сакъ... а около вѣнца низано жемчугомъ въ одну нить. Оп. патр. ризн. казны 1658 [Викторов 1875:43]; кругомъ полицы обнизано въ одну ниточку жемчужкомъ. Оп. патр. ризницы 1631 [Викторов 1875:43]; крсть... обнизанъ жемчугомъ внить. Черновая оп. им. Вол. с. 1741 - ГАВО, ф. 496, оп. 1, д. 1378, л. 8; около шитья обшивано золотомъ въ одну нитку. Оп. патр. ризницы, 1631 [Викторов 1875:74]; около венцовъ обнизано въ одну веревочку жемчугомъ. Заб. Дом. быт, 11, 793. 1623 [Словарь 1975-2004, II:84]; венцы вбнизаны жемчугомъ в одну строчку. Оп. им. Павло-Обнор. м. 1687 - ГАВО, ф. 521, оп. 1, д. 3, л. 54; см. также Оп. Моск. с. 1627 [РИБ 1876, III:374]; Оп. патр. ризн. казны 1658 [Викторов 1875:44]; [Вкл. кн. Тр.-Серг. м. 1987:27]; Оп. кн. мон. ризницы, 1675 - РГАДА, ф. 1441, оп. 1, д. 538, л. 26 об.

Семантически стержневым компонентом всех СН является числительное. Существительные, входящие в структуру СН, - нить, нитка, ниточка, веревочка, строчка, прядь - в качестве общеупотребительных слов, имели отличные друг от друга значения: например, лексема прядь означала *нитку, низку чего-либо* [Словарь 1975-2004, XXI:25), слово строчка известно как *ряд, вышитая строчкой полоска* [Срезневский 1989, III:556] и т.д.

При образовании СН, обладающих терминологическим значением *вышивать по контуру узора в один ряд*, данные лексемы изменяли свое конкретное семантическое наполнение, начинали выражать понятие *ряд*, что свидетельствует о первой степени терминологизации. Таким образом происходила синонимизация перечисленных существительных в составе СН.

СН садить в одноряд и садить в однорядь характеризуются двучленной структурой: глагол + наречие. В данных СН происходит сложение основ лексем один и ряд и образование наречий по продуктивным в ТС художественного шитья моделям (ср. шить в ломъ, низать въ насыпь и др.).

Значение *вышивать по контуру в два ряда* имели следующие СН: низать (обнизать) в две пряди, обвѣсти в две прядки, садить в две ряд, низать (обнизать) в два ряда, низать в две строки, строчить в две строчки, низать (обнизать) в две нити, низать в две нитки: около креста обнизаны (дробницы) въ две пряди. Оп. Моск. с. 1627 [РИБ 1876, III:383]; ризы... околѣ ердани и оплечья обведено кругомъ в двѣ прядки жемчугомъ с камешки. Переп. кн. Сп.-Прил. м. 1684 - ВОКМ,

ф. 3, оп. 1, д. 2, л. 99; ризы... крестъ жемчюгом сажень в две ряд. 1574 [Вкл. кн. Тр.-Серг. м. 1987:43]; около креста поля въ два ряда обнизаны жемчугомъ. Оп. Мих.-Арх. м. 1683 [АЕВ 1895, IV:119]; в возглавии низано жемчугомъ в двѣ строки. Оп. им. Сп.-Прил. м. 1737 - ГАВО, ф. 512, оп. 1, д. 190, л. 14 об.; ризы... строчено бѣлым шелком в двѣ строчки. Оп. им. Сп.-Прил. м. XVII в. - ВОКМ, ф. 3, оп. 1, д. 5, л. 118 об.; шапка... кругом дробницъ низано жемчугомъ болшимъ в двѣ нити. Оп. кн. Сол. м. 1676 - РГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 555, л. 247; патрахиль низана в двѣ нитки по узорамъ двѣсти пять дробницъ. Оп. кн. монастырей 1701 - ГАВО, ф. 496, оп. 1, д. 10, л. 52.

Эволюция семантики существительных, входящих в структуру перечисленных СН, - нить, нитка, строка, строчка, прядь, прядка, ряд - идентична тем семантическим процессам, которые характерны для СН с общей семой *вышивать по контуру в один ряд*.

Нами отмечено СН низать двема жемчюги в значении *вышивать по контуру узора в два ряда жемчугом*: вошвы низаны двема жемчюги. Оп. платья царей 1611 [Забелин 1869:41].

Лексема жемчуг в старорусском языке имела значения: *жемчуг* - основное, прямое значение [Словарь 1975-2004, V:86; Срезневский 1989, I:855], то есть *вещество, образующееся в раковинах некоторых моллюсков*: Украси ю (церковь)... златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ безъценнымъ. Ипат. лет. 581 [Словарь 1975-2004, V:86]; жемчугъ в раковинахъ находятъ въ рѣкѣ. ДАИ III, 367. 1652 [Словарь 1975-2004, V:86]; *нить из жемчуга*: Ризы камка бѣла... крестъ сажень жемчугомъ по червчатой же камкѣ. 1614 [Оп. Свяж. м. 1892:24]; Въ травахъ ... птицы низаны жемчугомъ. Кн. кр. 1648 [Забелин 1869:103].

При образовании СН низать двема жемчюги, обладающего терминологическим значением *вышивать по контуру узора в два ряда жемчугом*, слово жемчуг обозначает не отдельные жемчужины, а *нить из жемчуга*.

В исследованных документах отмечаются также СН, обозначающие вышивание по контуру узора в несколько (три и более) нитей: садить в три ряд, шить в три строки, низать въ три пряди, низать въ пять прядей: покров... сажено жемчугом в три ряд, а около главы в один ряд. 1632 [Вкл. кн. Тр.-Серг. м. 1987:31]; кресты низаны жемчугомъ въ три пряди. – Оп. Моск. с. 1627 [РИБ 1876, III:493]; пелена... низано жемчугомъ мѣлкимъ в пять прядей. Оп. кн. Холм. с. 1701 - ГААО СИФ, л. 156.

Анализ наименований различных способов вышивания показал, что в XVI-XVIII вв. терминологическая система вышивания активно формируется. В указанный период возникает большинство СН, в данной тематической группе наиболее продуктивный способ номинации – синтаксическая деривация. Памятники письменности отражают вариативность компонентов СН, несущих основную смысловую нагрузку

ку. Вариативность такого рода характерна для начального периода становления терминосистемы.

Литература

Алексеева А.П. Из истории приставочного глагольного словопроизводства (на примере образований с об- и о-): Автореф. дисс. ...канд. филолог. наук. Л., 1978.

Викторов А.Е. Обзорение старинных описей патриаршей ризницы. М., 1875.

Викторов А.Е. Описание патриаршей ризницы 1631 г. М., 1875 г.

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.

Выходы государей царей и великих князей... (с 1632 по 1682 год). Сообщ. П.М. Строев. М., 1844.

Гринкова Н.П. Термины вышивания в русских диалектах // Ученые Записки Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена. т. XX. Л., 1939.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981-1982.

Донова К.В. Русское шитье жемчугом XVI - XVII вв. М., 1962.

Забелин И. Домашний быт русских цариц в XVI-XVII ст. М., 1869.

Ежкова С.С. Префиксальные глаголы в русском языке XVII-начала XVIII века: Автореф. дисс. канд. наук. М., 1998.

Манушина Т.Н. Художественное шитье Древней Руси в собрании Загорского музея. М., 1983.

Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978.

Нефедьев М.В. Семантическая эволюция глагольных приставок на- и об- в истории русского языка XI-XVII вв. // Вопросы языкознания, 1994, №4.

Опись Свяжского Богородицкого мужского монастыря, 1614 г. Казань, 1892.

Словарь русских народных говоров. - Вып. I - XXVII. Л., 1965 - 1992.

Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-27. М., 1975 – 2004.

Словарь русского языка. – Т. I – IV / Гл. ред. А.П. Евгеньева. М., 1981 – 1984. (МАС)

Словарь современного русского литературного языка. - Т. I - XVII. М.-Л., 1948 - 1965. (БАС)

Словарь церковнославянского и русского языков, сост. Вторым отделением Имп. Академии наук. - Т. I - IV. СПб., 1847.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Тт. 1-3 и Дополнения. СПб., 1893-1912.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964-1973.

Список сокращений

АЕВ – Архангельские епархиальные ведомости

ВОКМ – Вологодский областной краеведческий музей

ГАО – Государственный архив Архангельской области

ГАО СИФ – Справочно-информационный фонд государственного архива Архангельской области

ГАВО - Государственный архив Вологодской области

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г.Москва)

РИБ – Русская историческая библиотека

А.Г. Ломов

г. Елец

Эволюция разночтений устойчивых словесных комплексов (УСК) по спискам «Повести временных лет» («разрушение» и «деривация»)

Под устойчивыми словесными комплексами мы понимаем фразеологизмы.

Разрушение – это такой языковой процесс, когда вместо первоначального выражения со временем в тексте, например, летописи появляются лексема или свободное словосочетание, или само устойчивое выражение утрачивает свои характерные формальные и семантические признаки. *Деривация* же, напротив, представляет такой языковой процесс, при котором впоследствии на месте лексической единицы появляется фразеологизм (устойчивый словесный комплекс).

И разрушение, и деривация проявляются в многообразных языковых явлениях.

Разрушение УСК

Наблюдаемый нами процесс разрушения УСК проходит в плане 1) структурном и 2) семантическом. УСК либо утрачивают свои характерные структурные признаки, либо утрачивают свою семантику. Часто структурное и семантическое изменение УСК проходит одновременно. Данный процесс обнаруживает себя в многообразных явлениях. Отметим главные из них. Например, *I явление*, когда на месте прежнего УСК выступает или лексическая единица, или свободное словосочетание; *II явление*, когда на месте первоначального УСК возникает новый УСК, идентичный по значению, но противоположный

по структуре (наблюдается при этом явление синонимии). Рассмотрим эти явления.

I явление. Сравнительно-текстологическим путем обнаружено явление, характерное для эволюции УСК летописей, а именно: в отдельных случаях УСК модели «глагол + сущ. в вин. пад.» перешли в лексические единицы, адекватные значению первоначальных УСК. Красочность и экспрессивная эмоциональность, характерные для УСК, при этом процессе утрачиваются. Замечено нами, что лексические единицы, выступающие синонимами по отношению к прежним УСК, по своему значению и происхождению близки именному компоненту УСК. См.: 986 г., ЛРА* – *распѣтье при4*, К – *распятие прия*, ИХП – *распѣтье при4ть* и А₁ – *распяться*, Т₁ – *распяться*; 1095 г., ЛРА – *гнѣвъ имѣти* и ИХП – *гнѣватисѣ*; 1074 г., ЛРА – *приимаху ицѣ ленье* и ИХП – *исцѣлѣваху*; Напр.: 1) 986 г., Л* – «егда же сбыстьсѣ прореченье сихъ сниде на землю и *распѣтье при4* и въскресь на небеса взиде», стр. 87, л. 28 об., и А₁ – «Егда же збысться проречение сих, сниде на землю *распятся* волею и въскресь и на небесе взиде»; 2) 1095 г., Л – «и начаста *гнѣвъ имѣти* на □лга», стр. 228, л. 76 и И** – «и начаста *гнѣватисѣ* на □лга», стр. 219, л. 84.

Отдельные УСК типа «определение + определяемое слово» утрачивают определение, от прежнего УСК сохраняется только определяемое слово. См.: 1) 1110 г., ИХП *ангѣль Божи* и ЛРА – *ангѣль*; 2) 969 г., РАИХПКА₁Т₁ – *память вечную* и Л – *памѣть*; 3) 1096 г., И – *горы полунощны4*, Р – *горы великия*, А – *горы великия* и ХП – *горы*; 4) 1093 г., ИХП – *четвергу (четвертку) великоуму* и ЛРА – *четвертку*; 5) 1091 г., РАИХП – *мирьскую красоту* и Л – *красоту*; 6) Вв., ЛИХ – *Оугри Чернии* и РА – *Оугри*; 7) 988 г., ЛКА₁Т₁ – *идоль суетныхъ* и РАИХП – *идоль*; 8) 1103 г., РАИХП – *пречистѣ Матѣри* и Л – *Матѣри*; 912 г., РА – *великих князь* и ИХ – *князь*; 907 г., РАТ – *велиции князи* и ИХ – *князи*.

Определение-приложение может также утрачиваться. См.: 986 г., РАИХПКА₁Т₁ – *господу богу (Господу Богу)* и Л – *Богу*; РАКА₁Т₁ – *господь богъ* и ЛИХП – *Богъ*.

* Л – Лаврентьевская летопись (1377 г.), Р – Радзивиловская летопись (XV в.), И – Ипатьевская летопись (XIV в.), А – Академический список Лаврентьевской летописи (XV в.), Х – Хлебниковский список Ипатьевской летописи (XVI в.), П – Погодинский список Ипатьевской летописи (начало XVII в.), С – Синодальный список Новгородской I летописи (XIV в.), А₁ – Академический список Новгородской I летописи (2-ая пол. XV в.), Т – Троицкая летопись (начало XV в.), Т₁ – Толстовский список Новгородской I летописи (копия с А₁), К – Краковский список, копия с Погодинского списка (начало XVII в.).

* Лаврентьевская летопись. «Повесть временных лет» // Полное собрание русских летописей. Т 1 – Л., 1926; л. – лист; об. – обратная сторона листа.

** Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II – М., 1962.

На месте прежнего УСК именной модели может быть лексическая единица, генетически соотносящаяся с прежним определением. См.: 1096., ЛР – *людми град±скими*, А – *людми градецкыми* и ИХП – *горожаны* (ср.: *град±скими* – *горожаны*); 1078 г., Л – *ненависти б±совское* и РАИХП – *б±сомь*.

Явление замены УСК лексической единицей не всегда сопровождается постановкой на месте УСК генетически родственной лексемы одному из компонентов прежнего УСК. Обнаружено явление, когда лексическая единица передает значение УСК, не являясь в то же время родственной тому или иному компоненту УСК. См.: Вв., Л – *квасомь оусни4нымь*¹ и РАИХ – *мытолюю*; Вв., Л – *прутье младое* и РА – *в± твие*, ИХ – *в±ники*; 1074 г., ЛИХП – *свориль черноризцемь* и РА – *пострижеть*; 1074 г., ЛРА – *знаменаше... кръстьнымь □бразомь* и ИХП – *перекр±стис≥*.

Выражение *идти на (кого, что)* было в летописях настолько стабильным, что достаточно было сохраниться одному из компонентов, чтобы оставалась возможность передать значение всего УСК. См.: 1085 г., Л – *ити на (кого)* и РАИХП – *на (кого)*. Напр.: Л – «*±рополкъ же хот≥ше ити на Всеволода послушать злыхъ св±тникъ*», стр. 205, л. 69 и И – «*±рополку хот≥ше на Всеволода пославшю злыхъ св±тникъ*» стр. 197, л. 76 (впрочем, здесь над строкой другим почерком приписано *ити*); 1103 г. ЛРА – *ити* и ИХП – *воевати*. Напр.: Л – «*и почаша думати и глаголати дружина Св±тополча 4ко негодно нын± весн± ити*», стр. 227, л. 93 об. и И – «*и начаша глаголати дружина Св±тополча, не верем≥ весн± воевати*» стр. 252, л. 95.

УСК характеризуются стяжением своего объема. Число составляющих УСК компонентов в силу высокой частотности употребления может со временем уменьшаться: оставшиеся компоненты выполняют семантическую функцию – передают значение всего УСК. Данное явление характерно для предложных УСК. См.: 1024 г., РА – *сидяще в Киеве*, ИХП – *с±д≥ше в Киев±* и Л – *Кыев±*. Напр., И – «*и б≥ху с±д≥ше в Киев± мужи ±рославл±*», стр. 136, л. 36 и Л – «*и б±аху Кыев± мужи ±рославлѣ*», стр. 149, л. 50 об.

От УСК может сохраняться один из компонентов, употребление которого в тексте вызывает ассоциацию с прежним УСК. См.: 1097 г., ЛРА – *приступи кръсть* и И – *преступи*, ХП – *приступи*. Напр., Л – «*и приступи Св±тополкъ кръсть над±4с≥ на множество вои*», стр. 270, л. 90 об. и И – «*и преступи Св±тополкъ над±4с≥ на множество вои*», стр. 244, л. 92 об.

¹ По свидетельству Ф.П. Филина, в Соф., Воскр., Типогр., Новгор. 4 и Новгор. 5 этому УСК свидетельствует позднее выражение *квасомь кислымь* [Филин 1949: 45].

Выражение *трѣсесѣ землѣ* выступает устойчивым вследствие того, что глагол выражает магическое действие субъекта, хотя составляющие компоненты имеют конкретное значение. Безличный глагол *трѣсе*, выступающий лексическим синонимом, подчеркивает переносное значение УСК. См.: 1107 г., РА – *трѣсесѣ землѣ*, КА₁Т₁ – *трясется земля* и ИХП – *трѣсе*. Напр.: Р – «а февраль .ѣі. *трѣсесѣ землѣ* предѣ зорѣми в ношь» и И – «въ. еі днь *трѣсе* передѣ лзорѣми», стр. 259, л. 97 об. Устойчивость выражения доказывается наличием в современном русском языке лексемы *землетрясение*.

На месте прежнего УСК модели «глагол + сущ. вин. пад.» может наблюдаться со временем в идентичном тексте либо прежний глагол, либо прежнее существительное УСК. См.: 1) 986 г., ИХПКА₁Т₁ – *зъло прияти* и ЛРА – *приати*; 2) 1037 г., АХП – *ѣбрѣщють благодать* и ЛРИ – *ѣбрѣщють*; 3) Вв., – *ѣбыча творѣть* (А.А. Шахматов в своей «Повести» к слову *ѣбыча* добавил глагол *творѣть*, основываясь на данных Воскресенской летописи) [Шахматов 1916: 16] и ЛРАИХП – *ѣбыча*; 4) 907., ТИХК – *зла творѣху* и РА – *творѣхоу*. Утрата одного из компонентов УСК ведет к утрате всего значения УСК, без ущерба содержанию текста. Оставшаяся лексема обнаруживает семантическую связь с предшествующей группой слов текста. См.: 1) 986 г., И – «аще бы Богъ любилъ васъ то не бысте расточени по чюжим землѣмъ еде и нам то же мыслите *зло приати*», стр. 73, л. 33 об., и Л – «аще бы Богъ любилъ васъ и законъ вашъ то не бысте расточе по чюжимъ землѣмъ еда намъ то же мыслите *приати*», стр. 86, л. 28; 2) 1037 г., А – «азъ любѣщая мѣ люблю имюци мене *ѣбрѣщють благодать*» и И – «азъ любѣщаа люблю ищющимъ мене *ѣбрѣщють*», стр. 140, л. 57.

Появление свободного словосочетания на месте УСК связано, например, со сменой предлога в глагольном предложном УСК. Прежнее значение УСК исчезает при замене предлога. Например, выражение *придоша на монастырь* (см.: 1096 г., РАИХП) потеряло свое значение «совершать военное нападение» в Л списке, когда вместо предлога *на* был поставлен предлог *в*.

Первоначальный УСК *си вѣкъ* (см.: 945., РАИХ) в значении «земная жизнь» в Л списке дважды представлен в форме свободного словосочетания *весь вѣкъ*.

Разрушение (появление свободного словосочетания) УСК, как правило, происходит путем постановки новой лексемы на месте первоначальной. См.: 1) 1074 г., РАИХП – *до сего дни* и Л – *до сего мѣста*; 2) 988 г., ЛРАИКА₁Т₁ – *преступа неправды* (*неправду* РАИ) и ХП – *презирая неправду*; 3) 986 г., ЛИХПКА₁Т₁ – *звѣздное хождение* и РА – *извѣстное хождение*; 4) 971 г., ЛРА – *сбираю вои* (*воины* РА) и

ИХП - собираю людии; 5) 912 г., РА – православны⁴ в±ры и ИХ – православны⁴ в±ры.

Явление возникновение свободного словосочетания происходит также, когда именной компонент в УСК приобретает новое окончание. См.: 1074 г., ЛАКА₁Т₁ – волю створити и РИХП – волею створите; 941 г., АИХ – огневи предаша и ЛР – огнемъ предаша (ср.: волю – волею, огневи – огнемъ).

Когда существительное *сыть* получает суффикс – *ость*, то на месте УСК *до сыти* («достаточно, довольно») возникает сочетание *до сытости* («до насыщения»), утратившее переносное значение. См.: 986 г., ЛРАК – до сыти и ИХПА₁Т₁ – до сытости.

УСК - штамп (гл.) *съ маломъ дружины* становится свободным словосочетанием (гл.) *съ малыми дружины*, когда определение и определяемое слово становятся формами мн. числа. См.: 971 г., РАИХП – (гл.) *съ маломъ дружины* и Л – (гл.) *съ малыми дружины*.

Своеобразным явлением разрушения является лексикализация. Лексикализации по значению и форме подвергались в истории русского языка УСК, представляющие собой сочетание прилагательного и существительного. С течением времени на месте УСК появились отдельные лексические единицы типа, например, *Новгород*, *Белград* и т.д. Лексема *городъ (градъ)*, обозначающая место жительства, в сочетании со своим наименованием (прилагательным); в летописях представляла нечто нераздельное. В И списке под 991 г. отмечено сочетание *градъ Бель* (см.: «зложи градъ Б±ль», стр. 106, л. 46), в котором лексемы, будучи отделены друг от друга, осознаются как самостоятельные компоненты (это, в частности, подчеркивается и тем, что прилагательное находится после существительного). Вероятно, процесс лексикализации еще не закончился, если в летописных списках обнаруживается и обратный порядок слов. См.: РАХПК - б±льградъ, б±льгородъ. Однако первоначальное чтение [Шахматов 1916: 155] явно свидетельствует о высшей ступени лексикализации, так как наряду с лексической единицей, образованной из компонентов прежнего словосочетания, фиксируется лексема *градъ* (наблюдается своеобразное дублирование компонентов) (см.: ЛА₁Т₁). Напр., Л – «заложи градъ Б±льгородъ», стр. 122, л. 42.

2 явление. При сравнительно-сопоставительном анализе обнаруживается явление смены УСК определенной структурной организации выражением иной модели при сохранении прежнего значения. См.: 980., ЛРА – розути робичича, И – розути Володимера, П – розути Володимера; К – розувати робичица, А₁Т₁ – розувати робичица и Х – ити за Володимера. Синонимическая близость выражений *розути (кого)* и *ити за (кого)* обнаруживается в общности их значения – «выйти замуж». Для позднего летописца УСК *розути (кого)* осознавалось как архаическое по своей форме (в Х списке *розути* исправлено в

ити). Полагаем, что подобное исправление возникло значительно позднее времени составления «Повести» на том основании, что в Суздальской летописи отмечено под 1128 г. (см. Л список, стр. 299-300, л. 99 об.) содержание статьи, почти дословно повторяющее 980 г. «Повести» Л списка и имеющее в составе выражение *розути робичича*) [Буслаев 1941: 201]. Данное выражение сохранило представление о старинном обряде заключения брака. Выражение *ити за (кого)* (см. совр. *ити замуж*), вероятно, было также в ходу в речевой практике и в древнерусское время, в период составления Начальной летописи. Свидетельством древности данного выражения является наличие старой формы вин.пад., тождественной им. пад. муж. рода [Борковский, Кузнецов 1963: 211; Шахматов 1957: 51].

Значение выражения сохраняется при структурном изменении УСК. См.: 1015 г., РА – *възнесесѣ сердцемъ* и КА₁Г₁ – *възвеселился душою и сердцемъ*, ЛХП – *възнесеся сѣрдце*, И – *възвеселися сѣрдце*.

Синонимичными выступают также выражения *до сего дь²е* (см.: 1044 г., ЛРА) и *сѣмьртного дьни*. Первое из них обозначает «до настоящего момента», второе – «смерть, конец жизни». Замена УСК – штампа *до сего дьне* выражением иной модели объясняется отношением летописца к описываемому событию. Разумеется, первое выражение является первичным, так как летописец, являясь очевидцем описываемого события, подчеркивает, что Всеславъ (князь) «носит» (Л – *носитъ*) повязку на голове *до сего дьне*. Безусловно, употребление выражения *сѣмьртного дьни* с указанием, что повязку князь «носил» (см.: РА – *носи*, ИХП – *носиль*), говорит о позднейшем появлении в летописи. Следовательно, смена одного УСК другим объясняется отношением летописца к историческому событию: для первого летописца данный факт с повязкой – современное ему событию, для второго – прошедшее. См.: 1044 г., Л – «матѣри бо родивши 4го. бысть 4му 4звено на главѣ 4го. рекоша бо волсви матѣри 4го. се 4звено навѣжи на нь. да носить е до живота сво4го. еже носить Все-славъ. и до сего дне на собѣ», стр. 155, л. 52 об. и И – «матѣри бо родивши его. и бысть ему 4зва на главѣ его. рекоша же волсви матѣри его. се 4звено. на главѣ его. навѣжи на нь до носить с живота сво-его. еже носил Все-славъ, и до сѣмьртного дни на собѣ», стр. 143, л. 58.

Позднейшие переписчики осознавали, что некоторые фразы, современные прошедшим событиям, звучат диссонансом новому времени. Напр., фраза «и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дне» (см.: Л., 947 г.) в И списке помарана, видимо, намеренно.

Выражение *по мнозѣхъ же временѣхъ* (см.: Вв., РАИХ), являясь стабильным и устойчивым в летописи, получило в Л списке небольшое изменение: предлог *по* был заменен через *во* (см.: *во мнозѣхъ же временѣхъ*). Выражения, однако, являются синонимичными.

Предложные глагольные УСК могут в поздних списках утрачивать предлог (например, предлог *за*). См.: 980 г., ЛРАИКА₁Т₁ – (*кого*) *вести за (кого)* и XII – *вести (кого)*. Например, Л – «в се же времѣ Рогънѣдѣ *вести за ѿрополка*», стр. 76, л. 24 и X «в се же времѣ хотѣху *вести ярогнѣдѣ*». Таким образом, являются два синонимичных УСК (*кого*) *вести за (кого)* и *вести (кого)* в значении «выдавать за муж».

Синонимичными выступают и УСК *пойди в дань* и *пойди на дань*. См.: 945 г., ЛРАИХП – *пойди... в дань* и А₁Т₁ – *пойди... на дань*.

Существительное конкретного значения (см.: *крѣсть*) в выражении *цѣлование крѣсте* (см.: 1067 г., Л – *цѣлование крѣста*, И – *цѣловании крѣста*, XII – *цѣлованию крѣста*, КА₁Т₁ – *цѣловании крѣста*) в РА списках перешло в прилагательное *крѣстно* (см.: *цѣлование крѣстно*) в силу стабильного употребления в летописях также и УСК *крѣстное цѣлование*, тождественного по значению выражению *цѣлование крѣста*. См.: Л – «он же надѣвѣсѣ *цѣловании крѣста*», стр. 167, л.56 об. и Р – «он же надѣвѣсѣ *на цѣлование крѣстно*».

Деривация УСК

Наблюдаемый нами процесс деривации УСК так же, как и разрушение, проявляется в разнообразных явлениях. Например, *Явление*, когда в УСК сохраняется прежняя лексема, выступающая либо глагольным компонентом в глагольных УСК, либо определением в именных УСК. Например, стабильное выражение *идти на (кого, что)* под 1102 г., отмечено без основного компонента *ити* (см. ЛИХП). Например, И – «оумыслиша дерзнути на *Половци*», стр. 252, л. 95. Опущение глагольного компонента *ити* при сохранении предлога *на* и объекта действия *Половци* привело лишь к структурному «разрушению» оборота: стабильность употребления данного УСК вызывало семантическую значимость каждого из компонентов и возможность этими компонентами в отдельности передавать значение всего УСК. Словесное окружение в определенной мере поддерживало значение всего УСК. Таким образом, внешнее «разрушение» оборота (потеря последним даже глагольного компонента) не вызывает семантического «разрушения» оборота. Данный факт, без сомнения, свидетельствует о закреплённости в языковом сознании человека древней Руси оборота с указанным значением. Однако под тем же годом в РА списках УСК сохраняет свои компоненты. См., Р – «оумыслиша *ити на Половциѣ*». Глагол *дерзнути* на место *ити* (см.: ЛИХП) передает лишь внутреннее состояние, побуждение к действию, но не само действие, как глагол *ити*. Значение данного выражения («идти войной, воевать с кем-либо»), подкрепляется примерами из Л и X летописей, когда вслед за данным УСК следует лексема *побѣди*, свидетельствующая о военном действии. См.: 1038 г., Л. – «Ярославъ *иде на ятвагы*» и X. – «Яро-

славъ иде на ятвагы и побѣди»; 1040 г., Л. – Ярославъ иде на Литву» и Х. – «Ярославъ иде на Литву и побѣди».

По тексту часто легко установить, какое значение имеет то или иное слово, употребляемое иногда в составе УСК. УСК «восстанавливается» путем прибавления дополнительного компонента к прежней лексеме. См.: 988 г. ЛРАКА₁Т₁ – *переими* и ИХП – *премите воду*; 988 г., ЛИХПКА₁Т₁ – *избыти* и РА – *избыти недуга*; 1016 г., ЛРАХП – *приде* и И – *приде... на (кого)*; 1019., ЛРА – *сѣдѣти* и ИХП – *сѣдѣти на кони*.

Возникает УСК, как только к слову *вѣра* добавляется определение *правая*. См.: 1015., ЛРАХП – *вѣрою* и И – *правою вѣрою*. В поздних списках (см.: ИХП) сравнительно с ЛРА слово *свѣтлыи* выступает не в качестве субъекта (см.: например, Вв., Л списка – «по нему же оучилъ *свѣтлыи*», стр. 7, л. 3 об.), а определения, являясь неотъемлемым качеством действующего лица *апостоль* (см., И – «по нему же оучилъ *свѣтлыи апостоль*», стр. 6 л. 4 об.).

Возможность опущения именного компонента в беспредложных и предложных глагольных УСК объясняется тем, что оставшийся глагольный компонент выполняет ту же семантическую роль, что и весь УСК в целом. В языковом сознании летописца глагольный компонент служил выразителем всего значения УСК, а отсутствующие компоненты так или иначе осознавались. Подобное явление, разумеется, было обусловлено содержанием текста. Напр., в ЛРАИХПК (см. 955 г.) отмечена глагольная лексема *поняти*, а в А₁Т₁ – УСК *поняти женою*. См.: Л – «и по крещѣнѣи возва ю *цесарь* и рече си хоцю тѣ по4ти собѣ женѣ, она же рече како хочеши мѣ по4ти крѣсть мѣ самъ. и нарекъ мѣ тыщерью», стр. 61, л. 17 об. и А₁ – «и паки по крещении призва ю царь, и рече ей: «хошу ты *поняти женѣ*». Она же рече ему: «како хоцеши *поняти женою* себѣ а, крестивъ мя самъ и нарекъ и мя дщерю».

Доказательством того положения, что значение всего УСК модели «определение + определяемое слово» заключено в определении, служит пример образования УСК на месте существительного, преобразованного в УСК в прилагательное (определение). См.: 1074 г., ЛРАХП – *бѣсы* и И – *бѣсовскы4 силы*. Напр., Л – «и тако взѣ побѣду на *бѣсы*», стр. 196, л. 66 и И – «и тако взѣ побѣду на *бѣсовскы4 силы*», стр. 187, л. 72 сб.

2 явление. На месте первоначальной лексической единицы часто обнаруживается сочетание, в состав которого входит прежняя лексема (существительное) в качестве определяемого слова.

См.: 1) 1103 г., ЛИХП – *Богъ* и РА – *господь богъ*; 2) 1093 г., Л – *батогъ* и РАИ – *ботогъ божии*, ХП – *бичь Божии*; 3) 1074 г., Л

– *им*≥ и ИХП – *им*≥ *мирьское*; 4) 1074 г., ЛРА – *масломъ* и ИХП – *масломъ свѣтымъ*; 5) 971., ЛРАИ – *кнѣзь* и ХП – *кназь великии*; 6) 1097 г., ЛРА – *крѣсть* и И – *хрестъ ... честныи*; ХП – *крестъ... честныи*; 7) 986 г., ЛИХПКА₁Т₁ – *Богъ (богъ)* и РА – *господь Богъ*; 8) 988 г., КА Т – *боже* и РАИХП – *боже великыи (Боже великыи)*, Л – *Христе Боже*; 9) 1110 г., Л – *князи* и РА – *великомъ князи*.

3 явление. При данном явлении на месте прежнего глагола появляется УСК, в составе которого существительное генетически связано с прежним глаголом (ср.: *побѣгоша – бѣгъ*). Значение предложного глагольного УСК, таким образом, определяется существительным *бѣгъ* (именным компонентом). В летописном тексте под 1096 г. наблюдается, с одной стороны, древняя лексема *побѣгоша* (см. Л), с другой, – УСК *устремишася на бѣгъ* (см. АИХП) в значении «бежать». См.: Л – «се видѣвше Половци и побѣгоша» стр. 231, л. 77 и И – «и се видивше Половци оустремиша на бѣгъ», стр. 222, л. 85. В Р списке выражение *устремишася на бѣгъ* подверглось семантическому разрушению вследствие замены компонента *бѣгъ* на *берегъ*, в результате чего на месте УСК возникло свободное словосочетание *устремишася на берегъ*. См.: Р – «и се видѣвше Половци устремишася на берегъ». Семантическая связь прежнего глагола с существительным УСК обнаруживается также и в разночтениях *мъцати* (946 г., ЛРА) и *отмщени4 творити* (ИХП) (ср.: гл. *мъцати* и сущ. *отмщени4*. Ф.П. Филин приводит пример разночтения, свидетельствующий о «слабой» генетической связи первоначальной лексемы *сумрети* (см. 912 г., РИ) с лексемой *смерть* в выражении *смерть прияти* (см. Соф. I, Воскр., Тверск. Типограф. и Львовск.) [Филин 1949: 44].

4 явление. Появление УСК на месте свободного словосочетания часто объясняется а) морфологическим изменением слова, б) выпадением предлога из состава словосочетания, заменой глагола.

Вместо первоначального свободного словосочетания *учение книгамъ* (см.: 988 г., ЛКА₁Т₁) в списках РАИХП возникло выражение *оучение книжное* (ср.: *книгамъ – книжное*).

Из компонентов свободного словосочетания может образовываться УСК при потере свободным словосочетанием предлога. См.: 986 г., АИХПК – *придеть* судить на землю и ЛРА₁Т₁ – *судити земли*. Напр., И – «егда *придеть* Богъ судити на землю», стр. 73, л. 34 и Л – «егда *придеть* Богъ *судити* земли», стр. 86, л. 28.

Замена глагольных форм (см.: *сущю – сѣдѣщу, было – створиша*) в свободных словосочетаниях приводит к образованию

УСК. См.: 997 г., ЛРА – *вече было* и И – *створиши в±че*, ХП – *в±че сътвориши*; 1066 г., ЛРАКА₁Т₁ – *сущю (въ) Тмуторокани* и ИХП – *с±д±щу въ Тмуторокани*.

5 явление. Явление контаминации, относимое нами к процессу «деривации» УСК, проявляется по летописным спискам многообразно. Напр., на факт контаминации УСК *б±совьска4 чудеса твор±* (см.: 912., ИХ), основанного на 1) *бесовьска4 чудеса* (см. РА) и 2) *чюдеса творити*, указывает пример из списка, где глагол *твор±* слудет непосредственно за *б±совьска4 чудеса* и является дополнительным глаголом, указывающим на непосредственную связь с *б±совьска4 чудеса*. См.: Р – «н±кий волхвъ именем Аполонит±никъ знаемъ б±- аше. шествуа и твор± всюду в град±хъ и в сел±х. *б±совьска4 чудеса*» и И «нъкий волхвъ именемъ Аполон± Т± нинъ. знаемъ б±ше шеству± и твор± всюду. в городехъ и в сел±хъ *б±совьска4 чудеса твор±*», стр. 29, л. 15 об.

Два УСК *с±сти на стол±* и *с±сти (где)*, имеющие одно значение «княжить», контаминируясь, дали одно выражение *с±сти на стол± (где)*. См.: 1024 г., Л – *с±ди... Киев±* и РА – *седи на... стол± в Киев±*, ИХП – *с±ди... на стол±... Киев± (въ Киев±)*. Контаминация возникала и тогда, когда переписчику было непонятно слово. Напр., под 1055 г., сочетание *к Воиню* (см. РАХП; напр., Р – «иде Всеволодъ на Торкы к зим± к Воиню») в И списке представлено лексемой *воиню* (однако в летописи *воиню* переправлено в *къ воиню*). Данный факт тем не менее свидетельствует о возможности контаминирования двух выражений *идти на (кого)*, и *идти воиню*.

Два выражения *заводити (къ) рот±* и *заводити (къ) кресту*, из которых первое является древнейшим [Алексеева 1956: 245], были хорошо известны летописцам в одном значении «присягать, принимать клятву». Возможна была контаминация двух близких по семантике и структуре УСК. См.: 1059 г., ЛРАИХП – *заводивъше кресту* и К – *приведоша... къ рот±* и *къ кресту*, А₁Т₁ – *заводивши... рот± кресту*. Лексема *крестъ* вытеснила со временем слово *рота*. Поэтому выражение *водити рот±*, связанное с языческим обрядом клятвы, заменяется с принятием христианства выражением *водити къ кресту*. Пример подобной замены отмечен Ф.П. Филиным: в Типографской, Тверской, Воскресенской летописях, а также в Царском списке Софийской 1-й летописи, выражение *водили... рот±* Л списка заменено выражением *водили... къ кресту* [Филин 1949: 30, 60].

Контаминация проявлялась и тогда, когда к УСК присоединились одно или два слова. Контаминированный УСК можно раз-

ложить на два УСК. Причем, каждый из них будет содержать общие компоненты. См.: 1074 г., ЛХПКА₁Т₁ – *велика дъне Вьскрьсны4* и РАИ – *великого дъне вьскресенниа господня*; 1054 г., ЛРАИКА₁Т₁ – *покорить (кого) подь (кого)* и ХП – *покорить (кого) подь руку*; 1037 г., ЛРА – *оучень4 божьствѣнаго* и ИХП – *оучени4 божьствѣнаго гласа*.

б явление. Данное явление связано с уточнением содержания УСК путем прибавления к нему новых компонентов, с осмыслением летописного текста позднейшими переписчиками. Напр., постепенно по спискам наблюдается то а) прибавление, то б) выпадение, то в) замена отдельных второстепенных компонентов УСК. См.: 1103 г., Л – *«Богъ вложи в сьрдце* и РА – *Богъ вложи*, ИХП – *Вложи Богъ въ (оу) сердце... мысль благу*; 1051 г., Л – *възложи... Богъ в сьрдце* и РА – *възложи... богъ на умь*, И – *възложи... Богъ*, ХП – *въложи богъ*.

Явление уточнения содержания летописного отрывка, обусловленное пониманием летописцем текста, сводится, например, к образованию нового УСК на месте прежнего при сохранении прилагательного и замене существительного (ср.: *имя мирьское* и *человѣкъ мирьскыи*). Смена определяемого слова, таким образом, вызывает появление нового значения (ср.: *имя мирьское* – «гражданское имя в противоположность духовному, монашескому»; *человѣкъ мирьскыи* – «гражданское лицо»). См.: 1051 г., Л – *именемъ мирьскимъ*, И – *именемъ мирьскимъ*, Х – *именемъ мирьскы*, П – *именемъ мирьскыи* и РА – *человекъ мирьскыи*. Напр., Л – «не по мнозѣхъ днехъ бѣ нѣкыи чьловѣкъ *именемъ мирьскимъ* ѿть града Любча», стр. 156, л. 52 об. и Р – «не по мнозѣхъ днехъ бѣ нѣкоторыи *человѣкъ мирьскыи* ѿть града Любче».

Смена глагола *вѣдуще*, сочетающегося с УСК *владычню волю* (см.: 1093 г., ИХП), на *дѣюще* или *ведуще* приводит к появлению трехкомпонентного УСК со значением «выполнять волю владыки (бога)». (см.: Л – *владычню волю дѣюще*, Р – *владычню волю ведуще*). Ср., например, И – «... 4коже паче всихъ просвѣщенъе бывше. *владычню волю вѣдуще*», стр. 216, л. 83 и Л – «... 4коже паче всѣхъ просвѣщени бывше. *Владычню волю дѣюще*», стр. 255, л. 75.

Анализ разночтений показывает, что изводы, содержащие Начальную летопись, несмотря на текстовую близость, содержат иногда существенные различия в оборотах речи, в самом содержании известий.

Тщательное сличение всех списков приводит нас к заключению, что в Л списке, как и в других, «сильно отразились следы позднейшей редакторской работы» [Филевич 1896: 357]. Слова и вы-

ражения, ставшие непонятными, часто заменялись новыми. Писец стремился «обновить язык изложения, отнести старинные слова, к его времени ставшие непонятными, обновить также фразеологию» [Приселков 1940: 86].

УСК «Повести» не представляют собой прочно сцементированные объединения. Связи слов-компонентов еще достаточно слабы, так что есть возможность морфологического, лексического и синтаксического обновления УСК. Большую «подвижность», изменчивость обнаруживают беспредложные глагольные УСК сравнительно с предложными глагольными выражениями. Почти все типы УСК подвержены изменениям.

Процессы «разрушения» и «деривации» обнаруживают себя в многочисленных и многообразных явлениях. Тенденция эволюции УСК сводится к забвению отдельных УСК, к их структурному и семантическому разрушению.

Церковнославянизация не коснулась фонда УСК «Повести». Несмотря на то, что ряд списков относится к XV веку, мы не находим примеров изменения УСК под действием «второго южнославянского влияния». Наше положение перекликается с высказыванием В.П. Филина о том, что в «составе ... лексических подновлений преобладает замена книжных, церковнославянских и устаревших слов словами разговорными» [Филин 1949: 49].

Разночтения – это тот лингвистический материал, который дает основания для наблюдений над семантикой УСК, помогает установить значения УСК, степень семантической связи компонентов УСК и соотношение между общим значением выражения и значениями составляющих его компонентов (см. процессы «разрушения» и «деривации» УСК).

«Повесть» А.А. Шахматова при сличении с «Повестью» Лаврентьевской летописи совпадает во многих чтениях. Объясняется это тем, что Лаврентьевская летопись «вовсе не составляет впечатления языка XIV века: она гораздо древнее своего времени по языку» [Будде 1889: 23]. Подобные замечания в отношении древности языка Лаврентьевского списка были сделаны и другими исследователями [Погодин 1835: 3; Карский 1929: 1].

Литература

Алексеева, Т.Ф. Лексика и фразеология южнорусских грамот XX - XV вв. [Текст]: дис. . . . канд. филолог. наук / Т.Ф. Алексеева. – М., 1956.

Борковский, В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка [Текст]: учеб для вузов / В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. – М., 1963.

Будде, Е. Из занятий по языку Лаврентьевского списка Начальной летописи [Текст] / Е. Будде // Филологические записки. - Воронеж, 1889. - Вып. 1.

Буслаев, Ф.И. О преподавании отечественного языка [Текст] / Ф.И. Буслаев. – Л., 1941.

Карский, Е.Ф. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи [Текст] / Е.Ф. Карский // ИОРЯС, 1929. - Кн.1. - Т. 2

Погодин, М.П. Первобытный вид и источники Нестеровой летописи [Текст] / М.П. Погодин // Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. – СПб., 1835. – Т. 9.

Приселков, М.Д. История русского летописания XI - XV вв. [Текст] / М.Д. Приселков. – Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1940.

Филин, Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) [Текст] / Ф.П. Филин // Ученые записки ЛГПИ им. Герцена. Кафедра русского языка. – Л., 1949. – Т. 80.

Филевич, И. История древней Руси [Текст] / И. Филевич. – Варшава, 1896. – Т. I.

Шахматов, А.А. Историческая морфология русского языка [Текст] / А.А. Шахматов. – М., 1957.

Шахматов, А.А. Повесть временных лет. Вводная часть. [Текст]: примечание / А.А. Шахматов. – Птрг., 1916. - Т. 1.

А.В.Межжерина
г. Киев

Социально-этический портрет кн. Андрея Боголюбьского и его оппозиционеров в восточнославянских письменных памятниках XI-XIII веков

В научной литературе проблема репрезентации в литературе Киевской Руси князей, бояр, священнослужителей, других представителей общества решается, как правило, в историко-культурологическом аспекте, оставаясь за рамками лингвистического описания. Опираясь термином *социально-этический портрет*, который в настоящем исследовании является в определенной мере условным и отражает один из аспектов концептуализации образа, мы апеллируем к портретам *статичным*, таким, которые наиболее часто встречаются в так называемых некрологах духовным и светским феодалам. Построенные при обязательном участии оценочной лексики, в данном случае при помощи существительных и прилагательных со значением социально-этической оценки лица, такие социально-

этические портреты в своей совокупности образуют автономный слой языковой картины мира времен Киевской Руси.

В данной статье предметом исследования служит явление структурирования в определенный концептуальный фрагмент картины мира тех мировоззренческих, ценностных ориентаций человека Киевской Руси в период перехода от язычества к христианству, которые находят отражение в письменных восточнославянских памятниках XI–XIII вв. В рамках экспликации фрагмента «социально-этическая оценка лица» в субстантивно-адъективном дискурсе предпринимается попытка реконструировать социально-этические портреты кн. Андрея Боголюбского и лиц, совершивших на него покушение, установить функцию определений-эпитетов в процессе концептуализации данных образов, выяснить уровень соответствия семантического объема социально-этических портретов реальным, историческим фактам.

Среди социально-этических портретов лиц, о которых идет речь в восточнославянских письменных памятниках XI–XIII вв., портреты кн. Андрея Боголюбского и его оппонентов занимают особое место. Сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха суздальский и владимирский князь Андрей Юрьевич Боголюбский – один из немногих князей XI–XIII вв., повествование о которых образует самостоятельное произведение. «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» входит в число наиболее известных княжеских повестей Киевской Руси, таких в частности, как «Сказание о Борисе и Глебе», «Слово новосвятою мученику, Михаила князя русскаго и Феодора воеводы первого въ княжении его», «Повесть о житии и о храбрости Александра Невского» и др.

В полном виде «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» представлена в составе Ипатьевской летописи, а точнее той ее части, которая именуется *Киевской* летописью и охватывает события от 1117 г. до 1199 г. И.П.Еремин пришел к выводу, что «в той версии, в какой повесть эта читается в Ипатьевской летописи, она несомненно была составлена в Киеве» [Еремин 1949: 85]. Автором «Повести» в том виде, в каком она представлена в Киевской летописи под *1175 г., был «предположительно Кузьмище Киянин, находившийся при дворе Андрея Боголюбского и хорошо знавший всех участников антикняжеского заговора» [Толочко 2001: 149].

Упоминания о кн. Андрее Боголюбском, данные в духе этикетной идеализации представителей княжеской власти, сохранились также на страницах Суздальской, Радзивилловской, Никоновской летописей, однако в наиболее полном виде идеализация этого князя присутствует именно в *Киевской* летописи, несмотря на то, что «неоднократные попытки Андрея Боголюбского утвердить в *Киеве* (курсив наш. – А.М.) своего ставленника не имели особого успеха» [Толочко, Толочко 1998: 245], и несмотря на то, что обиженный отношением к себе

южнорусских князей Андрей Боголюбский в 1169 г. и 1174 г. совершал воинственные походы на Киев.

Известный исследователь древнерусской литературы С. Богуславский в конце 1920-х гг. обратил внимание на то, что «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» была создана по образцу «Сказания о Борисе и Глебе» [Богуславский 1928: XXXIII]. И. П. Еремин, прослеживая на материале Киевской летописи процесс постепенного преобразования погодной записи о смерти того или иного князя в княжескую повесть, отмечает, что «объединенные единством замысла – дать "идеальный" образ князя-мученика, "страсто-терпца" – повести об убийстве Игоря Ольговича и об убийстве Андрея Боголюбского составлены по одной и той же схеме [...] Источник этой схемы совершенно очевиден: это популярное в XII в. "Сказание" о Борисе и Глебе» [Еремин 1949: 85–86].

В изложении летописцев Андрей Боголюбский – князь-мученик, такой же, как жестоко убитые в 1015 г. по приказу Святополка Окаянного братья Борис и Глеб. В текстах наблюдается проведение последовательной параллели между князьями Андреем Боголюбским, Борисом, Глебом и жертвенными агнцами: "с҃дѣща . "ко агн#" – *1175, ЛК, ЛИ-3, 587–589 (о кн. Андрее Боголюбском); "въмѣниша мя, яко овѣна на сѣнѣхъ" – сп. XII–XIII, СБГ, 288 (о кн. Борисе); "и закла и яко агня [...] и принесеса жьртва чиста господеву" – сп. XII–XIII, СБГ, 294 (о кн. Глебе); "зарѣза Глѣба вборзѣ, яко агня" – *1015, ЛН, 173 (о кн. Глебе).

Как символический образ, через который раскрывается мотив «жертвы», ст.-сл., др. *агньць* вбирает в себя несколько смыслов: «невинная жертва», «чистая жертва», «смиренная жертва», «незлюбивая жертва»: "Да будутъ и ти аки агньци. ибо агньци кротци суть. безлобни и кротка лица имуща", "заколѣте агньць чистъ непорочень" (СДРЯ XI–XIV, I, 73). "И оузрѣша и с҃дѣща. "ко агн#. непорочно" (*1175, ЛК, ЛИ-3, 589) – читаем об Андрее Боголюбском, преступно убитом ночью в своей загородной резиденции. Акцентирование *незлюбивости* и *смиренности* «жертвы» прослеживается и при построении образов Бориса и Глеба: "они же, яко незлюбивые агньцы, уподобихася благому пастирю своему Христу, не сопротив сташа врагу своему брату" (*1237, К., 212); "агня непорочно и безлобиво" (сп. XII–XIII, СБГ, 294); "агня незлобиво" (*1015, ЛН, 173); "ид#ше же путемъ своимъ "ко овц# незлобиво. не помышл#ше ни никоже зла на брата сво~го" (к. XI, сп. XIV, ЧТБГ, 16).

Несмотря на то, что Андрей Боголюбский пытался оказать отчаянное сопротивление напавшим на него заговорщикам ("и бор#ху(с) с нимъ велми . б#шетъ бо силенъ" – *1175, ЛК, ЛИ-3, 587), его социально-этический портрет отражает подчиненность княжеского идеала христианскому учению о непротавлении злу и является воплощением идеала *пассивной* жертвы: "гл(агола)ше Г(оспод)и призри на немощь

мою и вижь *смиренье* мое", "бл(а)годарю т# Ги. "ко *смириль* еси д(у)шю мою" (*1175, ЛК, ЛИ-3, 588–589).

Прослеживая историю канонизации святых в русской церкви, Е.Е.Голубинский приводит перечень канонизированных исторических лиц, и Андрей Боголюбский наряду с такими князьями, как Борис, Глеб, Ольга, Александр Невский и др., входит в число упомянутых исследователем одиннадцати канонизированных князей XI–XIII вв. [Голубинский 1894: 23–41]. Изучение явления концептуализации образов князей в восточнославянских памятниках XI–XIII вв. показало, что создание древними книжниками идеализированного образа того или иного князя так же, как и причисление его к лику святых, является не просто данью этикету. Подобные акты базировались на конкретных делах, поступках князя.

Обращает на себя внимание, что вопреки жестокому нраву и способствующим разрушению централизованной власти поступкам князь Андрей Боголюбский был приравнен к святым Борису и Глебу. В летописях образ кн. Андрея Боголюбского *намеренно* идеализирован, несмотря на то, что при жизни князь причинил немало зла своим близким (достаточно сказать, что он «казнил одного из братьев Кучковичей, хотя тот ни в каком преступлении против князя не был уличен, да к тому же приходился ему шурином – Боголюбский был женат на его сестре» [Толочко 2001: 150]), развернул окончившуюся неудачей борьбу за киевский стол, превратил Ростовское и Суздальское княжества во второй политический центр страны, Владимир-на-Клязьме поднял над старшими городами Ростовом и Суздалем, жестоко конфликтовал с боярами (хотя в XI–XIII вв. защита бояр входила в кодекс княжеской чести). Каждый из названных поступков находил в Киевской Руси, что многократно подтверждается летописными источниками, резко негативную оценку и, безусловно, был несовместим со святостью.

Такое положение дел в определенном смысле уравнивает тем, что кн. Андрей Боголюбский был набожным ("в ночь въход#шетъ в ц(е)рк(о)вь . и свищи (в ркп. так!) въжигивашеть са(м) . и в#д# (в ркп. так!) вбразъ . Б(о)жии [...] слезы от очью испуща"" – *1175, ЛК, ЛИ-3, 583), построил и украсил "иконами мноцѣнными. златомъ. и каменемъ драгымъ. и жемчюгомъ великымъ. безцѣннымъ" немало храмов, щедро помогал больным и бедным ("кормитель б#шетъ . чернцемъ . черницамъ . и оубогымъ" – *1175, ЛК, ЛИ-3, 583). И то и другое в полной мере отвечало идеалу князя в период смены нравственных языческих принципов принципами христианскими. В.О.Ключевский приводит легенду о построенных Боголюбским во Владимире Золотых воротах, которые в день Первой Пречистой Божьей Матери упали, накрыв 12 человек. Князь молил Святую Богородицу о спасении людей, и свершилось чудо – люди остались живыми и здоровыми. По мнению исследователя, именно этот

случай послужил толчком к идеализации Андрея Боголюбского: «И город Владимир был благодарен своему попечителю: гроб убитого князя разрыдавшиеся владимирцы встретили причитанием, в котором слышится зародыш исторической песни о только что угасшем богатыре» [Ключевский 1987: 325]. Как видно, предпосылок для идеализации кн. Андрея Боголюбского в летописях и возведения его в сан святых было несколько. Вероятно, не последнюю роль в этом процессе сыграло то, что князь был убит не на поле боя с мечом в руках, а *безоружный* ("хотѣ въз#ти мечь . и не бѣ ту меча . бѣ бо томъ д(ь)ни вын#лы . Амбаль ключникъ" – *1175, ЛК, ЛИ-3, 586) в собственных покоех.

В Киевской летописи социально-этический портрет кн. Андрея Боголюбского моделируется с помощью лексем *боголюбивыи*, *благолюбивыи*, *блаженныи*, *благовѣрныи*, *христоролюбивыи*, *правдивыи*, *страстьтѣрпць*: "бл(а)говѣрныимъ б(о)олюбивымъ кн#земъ Андремъ" (*1161, ЛК, ЛИ, 511); "рукою бл(а)гоч(е)стивою ц(а)р(с)кою правдиваго бл(а)говѣрнаго кн#з# Андрѣа" (*1172, ЛК, ЛИ, 554); "бл(а)говѣрныи и х(рист)ълюбивыи кн#зъ Андрѣи", "кн#зъ бл(а)говѣрныи Андрѣи", "сеи же бл(а)голюбивыи кн#зъ", "*страсто-терпче* кн#же Андрѣю", "бл(а)ж(е)ныи кн#зъ Андрѣи" (*1175, ЛК, ЛИ, 580–581, 585–586, 594).

Судьба кн. Андрея тесно связана с *Боголюбом* – резиденцией, которую он в середине XII в. основал недалеко от Владимира-на-Клязьме ("создалъ же б#шетъ собѣ городъ камень . именемъ . *Бо(го)любьи* (вар. Х.П. *б(о)голюбъ*") – *1175, ЛК, ЛИ, 580). Здесь же, во дворцовых покоех в Боголюбове, трагически закончилась его жизнь. Рассказывая о князе, летописец подбирает слова с основами *-бог-* и *-благ-*: *боголюбивыи*, *благолюбивыи*, *блаженныи*, *благовѣрныи*, первое из которых практически повторяет название *Боголюбов* ("*Боголюбиво*" – *1175, ЛНик-1, 251). Имея в своем распоряжении слова *боголюбивыи* «такой, который любит Бога; благочестивый» и *боголюбць* с соответствующим значением, книжники XI–XIII вв. отдавали предпочтение прилагательному, обращаясь к нему примерно втрое чаще, чем к существительному: "чистъ. прѣподобьнъ. *боголюбивь*. с(ы)нъ б(о)жии" (Изб. 1073, л. 28 об.); "при архиеп(и)(с)(ко)пѣ же новгоро(д)стѣмъ *б(о)олюбивѣ(м)* нѣ(о)(н)тѣ" (XII, сп. XIV, Кирик., 274). Анализ показал, что лексема *благолюбивыи* «который любит делать добро; добродетельный» четыре раза встречается в памятниках XII–XIII вв.: "*благолюбивый* и *благовѣрный* великій княже" (*1112, сп. XVI, Хроногр. (Попов), 22); "сеи же *бл(а)голюбивыи* кн#зъ" (*1175, ЛК, ЛИ-3, 585) (в СДРЯ XI–XIV исчерпывающая цитация для XI–XIII вв. составляет два примера, данные примеры не учтены). Однокорневое *блаженныи* с объемным, синкретичным значением «духовно и нравственно непорочный, безупречный, чистый; праведный; богоугодный, исполненный Божьей благодати» в памятниках X–XIII вв. зафиксировано в качестве одного из наиболее частотных слов: "похо-

рони *бл(а)ж(е)ную* Олгу" (*969, ЛР, 34); "*блаженный* Феодосий" (к. XI, сп. XII–XIII, ЖФ, 314).

Со значением «преданный истинной вере; православный» лексема *благовѣрныи* засвидетельствована в многочисленных социально-этических портретах князей XI–XIII вв.: "*благовѣрный* князь Михаил Черниговский" (*1237, К., 220); "*благовѣрный* князь Георгие" (*1230, ЛНик-1, 100); "*благовѣрный* князь Всеволод" (*1190, ЛР, 157); "*бл(а)говѣрны* кн#зь Глѣбъ" (*1173, ЛК, ЛИ-3, 563) и др. В летописном тексте XII–XIII вв. создаваемая в духе литературного этикета социально-этическая репрезентация князя часто строится не только при использовании устойчивого эпитета при слове *кн#зь*, но и при употреблении устойчивой формулы – парного словосочетания "*благовѣрныи и христороубивыи*": "*благовѣрныи и христороубивыи* князь Михалко" – *1177, ЛР, 143; "*благовѣрныи князь и христороубивыи*" – *1271, ЛГВ, 366 (о владимиристо-волынском кн. Васильке Романовиче); "*бл(а)говѣрныи хр(и)стороубивыи* кн#зь Из#славъ" – *1165, ЛС-1, 353; "при *благонерем* и *христороубивем* князи моем кир Михаил(е)" – сп. XVI, Гр (смол.) 1136, 216 и др. Именно по этому образцу построена характеристика кн. Андрея Боголюбского: "*бл(а)говѣрныи и х(рист)ълюбивыи* кн#зь Андрѣи" (*1175, ЛК, ЛИ, 580).

Ориентируясь на восприятие Бориса и Глеба как страстотерпцев ("*стр(а)ст(отер)пцю* бориса и глѣба" – к. XI, сп. XIV, ЧтБГ, 1; "*стр(астотер)пца* х(ристо)ва бориса" – к. XI, сп. XIV, СкБГ, 75), желая приблизить кн. Андрея к святым князьям-мученикам, летописец использует по отношению к кн. Андрею употреблявшееся почти исключительно в церковных текстах существительное *страстьтѣрпць* «страдалец; мученик; страстотерпец»: "*страстотерпче* кн#же Андрѣю" (*1175, ЛК, ЛИ, 585).

От социально-этического портрета кн. Андрея на страницах Киевской летописи значительно отличается портрет, который представлен в Никоновской летописи и в котором акцент падает на *милосердие* и *тихость* князя Андрея: "и бысть *смирень*, и *умилень* и простъ въ премудрости, и *тихъ*, и *кротокъ*, и *любовень*, и *милостивъ*" (*1175, ЛНик-1, 251). В Никоновской летописи автор наделил Андрея Боголюбского эпитетами *оумильнь* «покорный, безропотный, смиренный, тихий, исполненный кротости, любви», *милостивыи* «у которого доброе, отзывчивое сердце; сострадательный, милосердный», а также только в Никоновской летописи засвидетельствованным по отношению к человеку прилагательным *любовьвныи* «исполненный любви к ближним; дружелюбный» (*1078, ЛНик-1, 107; *1086, ЛНик-1, 115; *1278, ЛНик-1, 156; *1302, ЛНик., 174).

Использованной в Киевской летописи этикетной формуле "*благовѣрныи и христороубивыи*" летописец Никоновской летописи предпочел также часто фигурирующую в социально-этических портретах светских феодалов формулу "*кротькыи и съмѣренныи*". В портрете кн.

Андрея представлено традиционное расширение данного словосочетания путем включения в него прилагательного *тихыи* «тихий, тихомирный, скромный»: "и бысть *смирень* [...] и *тихъ*, и *кротокъ*" (*1175, ЛНик-1, 251). Показательно, что в «Сказании о Борисе и Глебе» представлен именно этот вариант: "бѣ [...] *тихъ*, *крѣтъкъ*, *сѣмѣренъ*" (сп. XII–XIII, СБГ, 282).

В Суздальской летописи в рассказе о разграблении построенной кн. Андреем церкви оценка личности Андрея Боголюбского включает достаточно редкий в социально-этических портретах князей эпитет *добрыи*: "и с Половци с погаными. много бо зла створи ц(е)ркви Бо(го)любьской. юже бѣ оукрасилъ Андрѣи кнѣзь *добрыи*. иконами и всѣмъ оузорчѣ(м)" (*1177, ЛС-1, 383).

Исследование письменных памятников показало, что чаще всего, когда речь идет о тех, кто разжигает межкняжеские конфликты, принимает участие в межкняжеских усобицах, поднимает оружие против князя, летописцы приводят точный, детальный перечень событий. Однако, называя имена конкретных людей, древние авторы не дают им определений, эпитетов, не переходят на характеристику личности. Таких примеров в летописях множество. Вместе с тем, когда речь идет о заговоре против Андрея Боголюбского, Бориса, Глеба и некоторых других князей, книжники не только называют конкретные имена злодеев, но и ставят рядом с этими именами негативное определение. В летописных статьях XII в. содержится немало социально-этических портретов тех, кто убил Андрея Боголюбского (исторический комментарий по проблеме политической деятельности Андрея Боголюбского см. в кн.: Кривошеев 2003; Толочко 2001: 149–156).

Недовольство политической деятельностью (военные походы на Волжскую Болгарию, Новгород, Киев и другие города, острый затяжной конфликт с боярами, безуспешная борьба за возможность стать киевским князем) кн. Андрея Боголюбского накопилось задолго до того, как на князя было совершено покушение. Немало пострадали бояре, приходившиеся родственниками князю со стороны жены, в частности, владими́ро-суздальский боярин Степан Кучка, у которого еще в 1155 г. (за 20 лет до покушения!) «был отобран замок Москва и перестроен в княжескую крепость» [Толочко, Толочко 1998: 246].

В сговоре против князя принимали участие 20 человек, среди них был ясын (алан, осетин) Анбал (Амбал), а также родственники Андрея Боголюбского – Яким и его зять Петр, принадлежащие к роду богатых бояр Кучковичей. Многочисленные сжатые портреты этих лиц строятся при помощи негативно коннотированных прилагательных *оканьныи*, *ока"ньныи*, *невѣрныи*, *нечѣстивыи*, *сверѣпыи* (яко звѣри): "Началникъ же оубицамъ. бы(с) Петръ Кучьковъ. зѣтъ Анбалъ "синъ ключникъ. "кимъ Кучьковичъ. а всихъ *невѣрныхъ* оубициъ .ѣ. числомъ. иже сѣ бѣху снѣли на *вканьныи* свѣтъ томъ д(ь)ни оу

Петра оу Кучкова з#т#" (*1175, ЛК, ЛИ-3, 586); "и всхъ невѣрныхъ убицъ 20" (*1175, ЛР, 138); "рече имъ: "О, горе вамъ, нечестивии", "си же нечестивии, мнѣвша его убиена до конца" (*1175, АБ, ЛК, 330; то же *1175, ЛК, ЛИ-3, 587); "поидоша на [...] князя Андрѣя, яко звѣрие свѣрхне" (*1175, ЛНик-1, 249); "поидоша на нь, яко звѣрье свѣрхти" (*1175, АБ, ЛК, 328).

В повести о гибели Андрея Боголюбского (так же, как и в бори-со-глебском цикле) относимые к убийцам лексемы *оканьными* и *ока"ньными* «проклятый; грешный; недостойный; чрезвычайно жестокий» выполняют роль сквозных эпитетов: "вскочиша два *вканьна*" (*1175, ЛК, ЛИ-2, 587); "*оканеныи* же убійци" (*1175, ЛК, ЛИ-3, 585); "и вскочиша два *оканья* и ястася с нимъ" (*1175, АБ, ЛК, 330); "*оканьнии* же оттуда шедше, убиша Прокопья" (*1175, АБ, ЛК, 332); "*оканеныи* же убийци огнемъ крѣстятся" (*1175, АБ, ЛК, 328); "*окаанныхъ* убійци", "убійцы его *окааннии* Кучковичи", "*окаанныхъ* убійци" (*1175, ЛНик-1, 249); "два *окаанья*", "*окааннии*", "Рече же имъ князь: "горе вамъ, *окааннии* и нечестивии" (*1175, ЛНик-1, 250); "къ *окааннымъ* совѣтникомъ", "и пришедше ноци, они же *окааннии* уготовившеся и взяше оружје", "*окааннии* же убійцы вринушася въ ложницу", "они же *окааннии* услышавше гласъ его возвратишася со оружїи", "убійцы его *окааннии* Кучковичи" (*1175, ЛНик-1, 249); "*вканьнии* же твои оубийци", "*вканьнии* же всовашася в ложницу вси. [и] шкше ~го сабл#ми и мечи" (*1175, ЛС, 369); "и ту *вканьни* прискочиша", "*вканьнии* же ^туда шедше" (*1175, ЛК, ЛИ-2, 589).

По такому же принципу, с использованием прилагательных *оканьными*, *ока"ньными* в качестве сквозных эпитетов, построен социально-этический портрет убийцы Бориса и Глеба – их брата Святополка: "С(вя)тополкъ же *оканьными* нача кн(я)жити в Кы~вѣ" (к. XI, сп. XIV, СкБГ, 97); "*оканьными* с(ы)нъ С(вя)тополкъ" (к. XI, сп. XIV, ЧтБГ, 14); "С(вя)тополкъ же *оканьными* помысливъ" (*1015, ЛР, 60); "*окааннааго* Святополка" (к. XIII, сп. XV, ЖАН, 432); "*оканьными* Святопѣлкъ" (1218, ЛНс, 58) и др. Слово *ока"ньными* превратилось в устойчивое определение, второе имя Святополка, названного «*Окааньным*, т. е. проклятым, [...] также по созвучию с именем *Каин*» [Колесов 1989: 84].

В оценке летописца убийцы кн. Андрея Боголюбского не только *оканьными* и *ока"ньными*, но и *невѣрными* и *нечестивыми*. Письменные памятники периода утверждения христианства на Руси свидетельствуют о том, что в сознании восточных славян такие понятия, как *вера* и *верность*, *неверный* и *грешный*, сливались воедино. В текстах XII–XIII вв. в семантическую структуру прилагательного *невѣрными* входили значения «не исповедующий христианскую веру, исповедующий другую или не исповедующий никакой; неверующий, язычник» ("плакахуся его *невѣрнии* люд(и)е, и еще бо бяху не прияли кр(е)щ(е)ния" – *988, ЛР, 53) и «неверный, склонный к предательству» ("у него

боярн *невърни*" – *1281, ЛГВ, 378). В текстах XI–XIII вв. прилагательное *нечъстивыи* широко использовалось со значением «нечестивый, безбожный, безверный, неверный, неправедный, нехристианин»: "да не погубиши праведнаго с *нечъстивыми* в пагубу" (нач. XII, сп. 1495, ХД, 72).

В текстах XI–XIII вв. со значением «чрезвычайно жестокий, свирепый» слово *сверһныи* изредка употреблялось по отношению к человеку: "люта и *сверһна*" (сп. 1554, КП, 582); "варваръ *сверһнь*" (сп. XVI, Еуст. Плак., 232). Однако значительно чаще древние авторы используют сравнительные формулы "*ко сверһныи звһрь*", "*сверһно ко звһрь*", "*сврһну звһри* душу имуще" (*1245, ЛГВ, 304; *1175, ЛНик., 249; *1175, ЛК, ЛИ, 113; *1237, ЛГВ, 290; *1282, сп. XVI, Хроногр. (Попов), 50; к. XI, сп. XIV, СкБГ, 55, 86).

Используя данные сравнительные обороты при описании убийц кн. Андрея Боголюбского, летописец проводит параллель между ними и теми, кто по приказу Святополка убил Бориса и Глеба: "поидоша на [...] князя Андрѣя, *яко звһрие сверһние*" *1175, ЛНик-1, 249, "поидоша на нь, *яко звһрье сврһнии*" – *1175, АБ, ЛК, 328 (об убийцах кн. Андрея Боголюбского); "злы" ~го слугы... *сврһну звһри* душу имуще" – к. XI, сп. XIV, СкБГ, 55, 86; "*яко же убо сверһнии звһрие*, тако въсхытиша его" – сп. XII–XIII, СБГ, 292 (об убийцах Бориса и Глеба).

В летописях подробно описаны как хорошие, так и дурные действия и поступки кн. Андрея Боголюбского, раскрывающие противоречивый характер его жестокой, амбициозной и вместе с тем сентиментальной и щедрой натуры, однако *оценка* его нравственного облика дана исключительно положительная. Представленный в летописях социально-этический портрет кн. Андрея Боголюбского моделируется при помощи позитивно коннотированных существительных и прилагательных со значением социально-этической оценки лица *боголюбивыи, благолюбивыи, блаженныи, благовһръныи, христоролюбивыи, правдивыи, страстьтърпць, оумильнь, милостивыи, любовьныи, тихыи, кротъкыи, смһренныи, добрыи*, а социально-этический портрет его оппонентов – при помощи негативно коннотированных прилагательных *оканьныи, ока"ньныи, невһръныи, нечъстивыи, сверһныи*. Семантика и особенности употребления данных лексем в социально-этических портретах кн. Андрея Боголюбского и портретах его врагов подтверждают, что «Повесть» была создана под влиянием «Сказания» и «Чтения» о Борисе и Глебе. В Киевской и Никоновской летописях социально-этический портрет кн. Андрея Боголюбского построен по законам литературного этикета, однако в Киевской летописи он максимально приближен к реальности и отражает именно те нравственные черты, которые, как свидетельствуют тексты, в полной мере были присущи Андрею Боголюбскому, а в Никоновской летописи – отделен от действительности и носит весьма условный характер.

Литература

Богуславський С. Україно-руські пам'ятки XI–XVIII в.в. про князів Бориса та Гліба. (Розвідка та тексти) // Істор.-філол. відділ ВУАН. – Збірник № 77: Комісія давнього письменства. – Т. I. – К.: ВУАН, 1928. – XXXIII с., 206 с.

Голубинский Е. Исторія канонизації святихъ въ русской церкви. – Сергієвъ Посад, 1894. – 267 с.

Еремін І.П. Киевская летопись как памятник литературы // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. – М.–Л., 1949. – Т. 7. – С. 67–97.

Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. / Под ред. В.Л.Янина. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1, Ч. 1. – 430 с.

Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 296 с.

Кривошеев Ю.В. Гибель Андрея Боголюбского. – СПб.: Изд. Дом СПб. гос. ун-та, 2003. – 240 с.

Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь. – К.: Вид. Дім «Альтернативи», 1998. – 351 с.

Толочко П.П. Дворцовые интриги на Руси. – К.: Вид. Дім «Альтернативи», 2001. – 206 с.

Условные сокращения

АБ, ЛК – Повесть об убиении Андрея Боголюбского // ПЛДР. – 1980. – Вып. 2. – С. 324–337.

Гр (смол.) 1136 – Уставная грамота князя Ростислава Мстиславича смоленской епископии и грамота епископа Мануила // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под ред. О.И.Чистякова. – М.: Юридич. литература, 1984. – Т. 1. – С. 213–216.

Еуст. Плак. – В той же день. Писание жития и муки святого Еустафия и жены его Феопестеа, и чаду ею Агапия и Феописта // ПЛДР.– 1980. – Вып. 2. – С. 226–244.

ЖАН – Повесть о житии и о храбрости Александра Невского // ПЛДР. – 1981. – Вып. 3. – С. 426–438.

ЖФ – Житие преподобнаго отца нашего Феодосия, игумена Печерьскаго // ПЛДР. – 1978. – Вып. 1. – С. 304–390.

Изб. 1073 – Изборник Святослава 1073 года. – М.: Книга, 1983. – 266 л.

К. – Легенда о граде Китеже // ПЛДР. – 1981. – Вып. 3. – С. 210–226.

Кирик. – Хронологическая статья Кирика // Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. – М.: Учпедгиз, 1952. – Ч. 1. – С. 265–274.

КП – Киево-Печерский патерик // ПЛДР. – 1980. – Вып. 2. – С. 411–622.

ЛГВ – Галицко-Волынская летопись по Ипатьевскому списку XV в. // ПЛДР.– 1981. – Вып. 3. – С. 236–424.

ЛК, ЛИ – Летопись Киевская // ПСРЛ. – СПб., 1843. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – С. 1–153.

ЛК, ЛИ-2 – Летопись Киевская // ПСРЛ. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – Т. 2: Летопись Ипатьевская, южнорусский летописный свод к. XIII в., сп. ок. 1425. – С. 284–711.

ЛК, ЛИ-3 – Летопись Киевская // ПСРЛ. – М.: Языки русской культуры, 1998. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – С. 284–711.

ЛН – Новгородская первая летопись младшего извода. По Комиссионному списку // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 101–427.

ЛНик. – Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. – М.: Наука, 1965. – Т. 9. – 256 с.; Т. 10. – 244 с.

ЛНик-1 – Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновскою летописью // ПСРЛ. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. 9. – 288 с.; Т. 10. – 248 с.

ЛНс – Новгородская первая летопись старшего извода. По Синодальному списку XIII–XIV вв. // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 13–100.

ЛР – Радзивилловская летопись // ПСРЛ. – Л.: Наука, 1989. – Т. 38. – 178 с.

ЛС – Суздальская летопись по Лаврентьевскому сп. 1377 г. // ПСРЛ. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – С. 289–488.

ЛС-1 – Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку 1377 г. // ПСРЛ. – М.: Языки русской культуры, 1997. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – С. 289–488.

ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси. – М.: Худ. литература, 1978–1981. – Вып. 1–3.

СБГ – Съказание и страсть и похвала святыю мученику Бориса и Глѣба // ПЛДР. – 1978. – Вып. 1. – С. 278–302.

СДРЯ XI–XIV – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. – М., 1988. – Т. I. – 526 с.

СКБГ – Сказани~ стратотерпцю святыю мученику Бориса и Глѣба // Срезневский И.И. Сказания о святых Борисе и Глебе. – СПб., 1860. – С. 59–147.

ХД – Житье и хождение Данила Русьскыя земли игумена // ПЛДР. – 1980. – Вып. 2. – С. 24–114.

Хроногр. (Попов) – Славянскія и русскія лѣтописныя статьи первой русской редакціи Хронографа // Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакци. – М., 1869. – С. 1–87.

ЧтБГ – Чтение о Борисе и Глебе, написанное Нестором в к. XI в., по сп. «Сильвестровского сборника» XIV в. // Срезневский И.И. Сказания о святых Борисе и Глебе. – СПб., 1860. – С. 1–56.

Ю.Ю. Саввина

г. Елец

Тематическая группа «Грибы» в елецком говоре

Предметом рассмотрения настоящей статьи являются слова, составляющие лексико-семантическую группу наименований грибов. Народные названия грибов представляют обширный материал для исследования в разных аспектах. В статье микологическая лексика рассматривается в аспекте этимологическом, то есть с точки зрения словообразовательной структуры, семантической мотивированности, объясняющей происхождение слова. Мы ставим своей целью проследить обширный материал для исследования. Но первоначально обратимся к тем из них, которые тесно связаны с бытом и культурой народа.

В роли обобщающего слова в Елецком говоре выступает лексема **грибы**, как, видимо, и в большинстве русских говоров: ленинград., перм., хабаров., нижегор., волог., вят., челяб., тобол. [СРНГ 1972, УП:139]. [*Уч'и'рдс' у' л'э'с нь' ѳр'абы' хад'и'ла / ус'ак'их набр'ла //*]

Лексема “**грибы**”, наряду с **губами** и **груздями**, известна в русском языке с XI века [СлРЯ XI-ХУШвв. 1977, IY:146]. В рукописном травнике ХУШ века изображены грибы. Рядом с рисунком есть запись: “Губы, грибы, грузди» [Цит. по: Сарычева, Савельев 2002:57]. **Губами** на Руси называли все грибы (подчеркнуто нами – Ю.С.) [СлРЯ XI-ХУШвв. 1977, IY:151]. Лексема **губа** до сих пор бытует на западе Украины, где говорят о съедобных *губах*, кроме боровика [Черных 1999, I:217]. Известна она также в целом ряде русских говоров: волог., арх., вят. [СРНГ 1972, УП:191]. В русских говорах “под именем **губы**... разумеют все роды грибов, употребляемых в пищу” [СРНГ 1972, УП:191].

Грибы (в современном русском языке) – это шляпочные трубчатые грибы (от древнерусского *ГРЪБ* - горб) [Фасмер 1987, I:457-458], с горбатой, а не воронковидной шляпкой. В прежние времена на Руси **грибами** называли только болетовые или один белый гриб [СлРЯ XI-ХУШвв., 1976:134]. До сих пор сохраняется лексема *гриб* в значении “белый гриб” в некоторых русских говорах: волог., петерб., вятск., челяб. [СРНГ, УП:139]. То есть, лексема **грибы** постепенно вытеснила наименование “губа” в значении “грибы” и заняла ее место.

Третье наименование – **грузди** – это грузди как таковые. Уже в древности оно выделилось из всех видов грибов и существовало как самостоятельное имя [СлРЯ XI-ХУШвв., 1976:134] в значении “груздь – разновидность гриба”, а не обобщенное его название.

В.А.Меркулова считает, что *гриб* – это праславянский диалектизм, который охватывает полностью восточно-и западнославянскую группы языков [Меркулова 1967:164]. Вместе с этим исследователь отмечает современную семантическую структуру слова '*гриб*' и выделяет три основных значения: 'белый гриб', 'обобщенное название грибов *Boletus*³', 'гриб вообще' [Там же:164]. Эти значения не могут существовать одновременно в одном и том же говоре, они указывают на место лексемы *гриб* в группе названий грибов конкретного говора. Так, в чешских, латышских, польских, словацких и части русских диалектов слово *гриб* имеет лексическое значение 'белый гриб' [Черных 1999, I:217]. В ряде польских, чешских, словацких говоров и в значительном числе русских – *гриб* значит 'гриб *Boletus*' [Черных 1999, I:217]. Такую точку зрения подтверждает и «Словарь русских народных говоров», где для лексемы *гриб* приведен целый перечень значений микологической тематики: 1) всякий гриб с мягкой шляпкой, годный для сушки (ленингр.); 2) особый вид грибов в тесном смысле: белый или красный гриб (перм.); 3) губчатые грибы (хабар.); 4) все те грибы, которые употребляются на варенье или жаренье и не в соленье (нижегор., волог.); 5) утолщение, наплыв на дереве (пенз.) [СРНГ 1972, VII:140].

Однозначного этимологического решения для этого слова еще не найдено. М.Фасмер считает, что *гриб* родственно лит. *grīėti*, что означает «снимать сливки» [Фасмер 1987, I: 457-458]. Х. Петерсон предполагает родство с *горб*, норв. *когра* «толстая, узловатая кора» [Фасмер 1987, I: 457- 458].

Все авторы этимологических словарей (М.Фасмер, А.Г.Преображенский, Н.М.Шанский) и историко-этимологических (П.Я.Черных) рассматривают лексику *гриб* без учета родственных и производных слов, а без этого невозможно установить первоначальное лексическое значение слова.

Такие попытки в работе «Очерки по русской народной номенклатуре растений» делает В.А.Меркулова. Исследователь считает, что примеры возможно почерпнуть из памятников письменности и русских говоров. Поэтому для установления первоначального значения слова *гриб* приводит родственные образования – белорусское и русское диалектное (смол., псковск. говоры) название губы у человека - *гриб*, (мн. *грибы*) (смол., блр.); отсюда *грибастый* 'губастый' [Меркулова 1967:164].

«Словарь русских народных говоров» фиксирует производные от слова *грибы* в значении «губы человека» 'морщиться, кукситься': *грибаться* (гримасничать, иметь капризный вид, корчить рожи), *грибаться* (хмуриться, становиться угрюмым), *грибан* (кто постоянно

³ *Boletus* – это род грибов. К этому роду относятся следующие разновидности грибов: белый гриб, дождевик, дубовик, маслята, подберезовик, подосиновик, сатанинский гриб.

угрюм, нечем недоволен), грибанчик (сморщенный старик) [СРНГ. Вып. VII:140-141]. Все эти значения можно обобщить следующим образом: морщиться – значит 'сердиться' ; надувать губы – кукситься [Меркулова 1967:165].

Ареал, указанных выше производных слов многочисленен (арх., новгор., тверск., рост., пск говоры.). Лексема грибы в значении губы территориально ограничена белорусским языком и близлежащими к нему русскими говорами [СРНГ. Вып. VII:139]. В.А.Меркулова выдвигает весьма заслуживающую внимание версию о том, что слово грибы губы первоначально имело значительно больший ареал, а затем было вытеснено общерусским губы и возможно в говорах существовали родственные слова, способствовавшие образованию вышеперечисленных глаголов [Меркулова 1967:165].

Для обозначения съедобных грибов жители Ельца и его округи используют лексемы: *съедобный гриб, хороший гриб*; несъедобных - *поганка/поганки (мн.ч.), несъедобный гриб, ядовитый гриб*.

Местные наименования грибов раскрывают творческие потенции народа в выборе мотивировочных признаков, положенных в их основу.

В елецком говоре грибы получают свои названия по таким признакам:

- по названию дерева, под которым обычно растет гриб: (*подосиновик / осиновик (Leccinum aurantiacum), подберезовик /березовик (Leccinum scabrum), подтопольник (Tricholoma porulitnum)*);

- по цвету шляпки: **сыроежки** (*красные сыроежки, розовые сыроежки, зеленые сыроежки; рыжик(Lactarius deliciosus); белый(Lactarius resimus) / черный груздь (Lactarius necator)*);

- по месту роста: *опенок / опенка(Armillariella mellea)* – обычно растет около пней деревьев и появляется осенью,

- по способу роста: *рядовка (Tricholoma portentosum)* – растет кучами, напоминаящими ряды;

- по времени роста: *летний опенок (Marasmius oreades)* – растет на лугах летом;

- по климатическим условиям, которые способствуют росту гриба: (*дождевик(Lycoperdon)* – этот гриб появляется после обильных дождей);

- по свойствам, характерным для плодового тела (*нушка (Lycoperdon)* – зрелое тело гриба способно выстреливать серое вещество, напоминающее взрыв пороха в пороховницах; *масленок (Suillum granulatus)* – шляпка покрыта клейкой маслянистой кожицей);

- по сходству/подобию с другим грибом: *подгруздок(Russula Fr.)*. Внешним своим видом напоминает груздь. Тело гриба – плотное,

крупное, с короткой ножкой, с завернутыми краями воронковидных шляпок, с нисходящими на ножку пластинками. Подобно груздям, *подгруздки* бывают *белого* (*Russula delica* Fr.) и *черного* (*Russula adusta* Fr.) цвета.

- по сходству по форме с каким-либо предметом: *толкач* / *толкачик/толкачи* (*Amanitopsis Roze*). Такое сходство у гриба с бытовым предметом – толкачом (пестом) проявляется, как только он (гриб) появляется из земли: шляпка такая же округлая как у толкача (песта), а ножка очень короткая.

- по сходству гриба с каким-то признаком животного: формой, цветом, свойствами и т.д. Например, *свинушка* / *свинух* / *свинухи* (*Raxillus atrotomenosus*), *лисичка* (*Cantbarellus cibarius*) и другие.

Возьмем для анализа названия шести наиболее употребительных грибов (**белый, подосиновик, подберезовик, груздь, рыжик и сыроежка**) Елецкого говора и рассмотрим их. Сравнив эти наименования, мы видим, что они делятся на две группы:

- 1) слова, не имеющие синонимов в говоре Ельца и его округи (*груздь, рыжик и сыроежка*);

- 2) лексемы, составляющие синонимические ряды (*белый, подосиновик, подберезовик*).

Белый гриб (*Boletus edulis*) в елецком говоре называется: *белый гриб, боровик, беляк, белянка; подберезовик обыкновенный (Leccinum scabrum): подберезовик, березовик; подосиновик (Boletus Rufus): подосиновик, осиновик*.

Подберезовик - гриб березовик [Даль1998,III:409]. Данный словарь фиксирует лексему лишь для твер. говоров. Однако это наименование характерно и для смоленских говоров [ССГ 1998:104]. Лексема *подберезовик / березовик* отмечается в речи жителей Ельца и Елецкого района: село Казаки, станция Телегино.

[Уч'ирд'с' с' унучо́м на' ур'абы' хад'ил'и // Мно́га пѣдб'аро́зов'икоф' нашл'и//] (с. Казаки).

Слово *подберезовик* образовано по модели *под-* + *-ик* (*подберезовый*). Префикс *под-* имеет семантику “находящийся внизу чего”. *Березовик* образовано от основы прилагательного *березов-* с суффиксом *-ов+ -ик*: *березовик* (*березовый*).

Подосиновик – гриб с красно-желтой шляпкой [Ожегов 1998:540]. В смоленских говорах отмечается лексема *подосинник* (так же как и в словаре В.И.Даля), *подосенок, подосинь* [ССГ 1998:124]. Для жителей Ельца характерна еще одна лексема – *осиновик*. [Пѣдас'и'нав'ик'и уж'оч'э́н' пахо́жы'на пѣдб'аро́зов'ики//] (ст. Телегино).

Для тамбовских и лебедянских говоров характерно наименование *казаруш* с тем же значением [Головин 1987:55]. Слово *осиновик* построено аналогичным образом, что и березовик, по той же словообразовательной модели, а лексема *подосиновик*, как и подберезовик.

Наименование гриба *Boletus edulis* в елецком говоре составляет целый синонимический ряд: *белый гриб, боровик, беляк, белянка. Белый гриб* – съедобный гриб с белой мякотью, с бурой шляпкой и толстой ножкой [Ожегов 1998:56]. В.И.Даль фиксирует: “**Белый гриб**, иногда называют *боровики, березовики* и собственно *белые грибы*” [Даль 1998, I:134]. Как видно из приведенного выше примера, автор описывает другое название этого гриба – *боровик*, который также используется в речи ельчан. Вероятно, такое наименование гриб получил из-за своих больших округлых размеров и, может быть, из-за произрастания в бору. Сочетание *боровый гриб* отмечается во владимирских говорах [СРНГ, III:105-106]. Характерен для смоленских говоров *беловик* [ССГ 2005:184], лексемы *беляк, белянка* – для липецких и тамбовских говоров [Головин 1987: 16-17].

Лексема *боровик* образована от прилагательного “боровый” суффиксальным способом. Слова *беляк, белянка* образованы аналогично: при помощи суффиксов *ак, - анк*.

Груздь в Ельце различают по цвету: белый и черный. Лексема *груздь* характерна для новгород., калинин., волог., тобол., перм., сиб., киров., новосибир. говоров [СРНГ 1972, VII:166].

Сыроежка – съедобный пластинчатый гриб, обычно ярко окрашенной шляпкой [Ожегов 1998:785]. *Сыроежка* таким отмечается в смоленских говорах [ССГ 2002:163], в словаре В.И.Даля *сыроега* приводится для влад. говоров [Даль 1998, IV:681]. Различается по цвету (из-за цвета ее шляпки): *красная сыроежка, желтая сыроежка, зеленая сыроежка*.

Н.М.Шанский считает *сыроежку* собственно-русским словом [Шанский 1971:434]. Это существительное, по мнению исследователя, имело производящее *сыроежа*, образованное сложением слов *сырая* и *еда* [Там же:434]. Слово *сыроега* в современном русском языке утрачено. По мнению, Е.Б.Кузьминой, от слова *сыроежка* было образовано другое название гриба – *сыроега*, которое вследствие редеревации стало восприниматься как производящее для *сыроежка* [Кузьмина 2003:165].

Таким образом, в статье мы проследили историю слов: губа, гриб, груздь. Выделили признаки, по которым происходят наименования грибов в Елецком говоре, остановились на примерах, которые, на наш взгляд, являются наиболее частотными в употреблении у жителей Ельца и его округа.

Литература

Войтенко А.Ф. Московская диалектная лексика в ареальном аспекте. – М., 2000..

Головин В.Г. Говоры Липецкой области. Пособие по краеведению: Учебное пособие. - Воронеж, 1987.

Гринченко Б. Д. Словарь української мови. – Киев, 1908. – т. I - II.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.,1998. - т.1-4.

Жмурко О.И. Лексика природы: Опыт тематического словаря говоров Ивановской области. – Иваново: Иван. гос. ун-т,2001.

Кузьмина Е.Б. К вопросу о синхронно-диахронном описании языка (на материале тематической группы «Грибы»). //Псковские говоры: синхрония и диахрония. – Псков, 2003.

Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. – М.,1967.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.,1997.

Сарычева Л.А., Савельев С.И. Съедобные и ядовитые грибы Липецкой области. – Липецк, 2002.

Сергеева М. Грибы. – М.: Культура и традиции, 2004.

Словарь русских народных говоров. – Вып.1 - 19. – Л., 1970 - 1983.

Словарь русского языка XI – XVII вв. – М.:Наука,1976.

Словарь смоленских говоров. – Смоленск, 1993 – 2005.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.,1959. – т.1-2.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. – 3-е изд. – М.: Русский язык, 1999.

Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. – М.,1971.

IV. РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ЕЕ ПАРАМЕТРЫ

Л.В. Быкасова
г. Таганрог

Язык и стиль рекламных текстов (на материале немецкого и английского языков)

Дошедшие до наших дней памятники письменной истории свидетельствуют о том, что реклама зародилась еще в глубокой древности. Одним из старейших рекламных текстов можно назвать объявление, обнаруженное при раскопках древнеегипетского города Мемфиса. Помимо письменных источников, основным передатчиком информации в древних городах являлись глашатаи. В их функции входило информирование населения о важных событиях и мероприятиях. К ранней рекламной практике относятся настенные росписи в Помпее.

Изобретение Гуттенбергом печатного станка в 1450 году позволило обществу существенно продвинуться к новому уровню общения – массовой коммуникации. Это событие явилось новым этапом в развитии рекламы в частности.

С начала XX века объем рекламы значительно увеличился. Рекламная индустрия заняла прочные позиции в сфере маркетинга. Рекламные объявления не ограничивались лишь передачей информации. Люди, занимавшиеся изготовлением рекламы, все чаще стали прибегать к услугам социологов, маркетологов, психологов, лингвистов. Большая часть научных исследований в области рекламы стала связываться с особенностями языка и стиля рекламных текстов.

Что же такое реклама? В словаре русского языка С.И. Ожегова [Ожегов 1990: 542] дается следующее ее определение: «Реклама – это оповещение различными способами для создания широкой известности, привлечения потребителей, зрителей».

По мнению зарубежных исследователей «Реклама – это оплаченное присутствие в средствах массовой информации сведений о фирме, товаре, услуге, имеющие целью увеличить известность фирмы, товара, услуги» [Делл, Линда 1996: 53].

Язык и стиль рекламных текстов зависит от их вида, функции, задачи. Говоря о многогранности рекламы, отметим, что она классифицируется по следующим признакам:

1/ по целевой аудитории:

- потребительская реклама;
- бизнес-реклама;
- торговая реклама;
- профессиональная реклама и др.;

2/ по широте охвата аудитории:

- международная реклама;
- национальная реклама;
- региональная реклама;
- местная реклама;

3/ по каналам распространения и средствам передачи:

- печатная реклама;
- газетно-журнальная реклама;
- радиореклама;
- телереклама;
- почтовая реклама;
- выставки.

Важнейшая функция рекламы состоит в том, чтобы передавать информацию о товаре, его качествах и месте реализации, а также убедить покупателей в правильности их выбора при покупке того или иного товара. К непосредственной функции рекламы можно отнести стимулирование распространения товара, привитие чувства предпочтения и приверженности определенной марке товара. Ценной стороной рекламы, по мнению Л.Ю. Гермогеновой, является то, что она привлекает к себе многих талантливых людей: режиссеров, писателей, художников, певцов, которые превращают рекламу в настоящее искусство [Гермогенова 1996: 6].

При составлении рекламных текстов специалисты используют неисчерпаемые возможности языка. Формула: «Слово – одежда всех фактов» полностью применима к рекламе. Вот почему так важно теоретическое осмысление особенностей стилистики рекламных текстов и практическое их применение [Кохтев, Розенталь 1978: 68]. Многолетний опыт составления рекламных текстов показал, что качество рекламного текста во многом зависит от точного, продуманного набора слов. М. Горький писал: «Чем проще слово, тем оно более точно, чем оно правильней поставлено, тем больше придает фразе силы и убедительности» [Розенталь 1997: 41].

Современная языковая форма рекламного объявления, формирующаяся с помощью правильно подобранных лексико-синтаксических средств языка, создает у читателя правильное представление о товаре, его качестве. Чем изобретательнее используются различные языковые средства, чем целесообразнее и оригинальнее они употребляются, тем быстрее рекламный текст достигает своей цели.

Реклама непродовольственных товаров имеет свои особенности, но создается на основе общих законов: при реализации нового изделия нужна конкретная, подробная информация о его свойствах, назначении.

“Telecommunication Company Untelcom:

- *domestic and international long distance;*
- *calls to any point on the globe;*
- *excellent quality of connection;*
- *individual rates.*

Flexible system of discounts. Save up to 80% on international long distance calls. Credit system of payment for organizations”.

Чтобы привлечь внимание к уже готовому товару используется экспрессивный заголовок: *Tueren koennen auch schmuecken...*

Когда рекламируется товар, о котором нельзя сказать ничего нового, используются изобразительно-выразительные средства языка.

Tueten Suppen € 24, Mensa € 48, Pizza € 12.

Es gibt Dinge, die kann man nicht kaufen.

Fuer alles andere gibt es Eurocard.

Особенно важным является употребление изобразительных средств в заголовках. Заголовок – самая важная часть рекламного текста, которая должна привлекать внимание, интриговать и заставлять читателя знакомиться со всем объявлением.

Kunst braucht Freunde. Galerie Augsburg praesentiert.

Die hohe Kunst des Service ueber den Wolken.

Berliner Pilsner. Liebe made in Berlin.

Die faltenfreie Zukunft fuer Ihre Haut. Estee Lauder.

Have you got an eye for fashion? Nokia, official mobile of London fashion

week.

Привлечь внимание помогает экспрессивное обращение к какому-либо конкретному покупателю. Исследователи языка рекламы считают, что наибольшей действенностью обладают тексты, обращенные не к покупателям вообще, а к их определенной категории. Точный адрес позволяет читателю быстрее выделить интересующую его информацию из ряда прочих.

Max & Go. Moderne Kleidung. Berlin Quartier 207, Friedrich Strasse 78.

Caley Hourse would like to thank our many generous customers.

I'am your idea. One day you'll look for me and I 'll be gone.

Technology. Outsourcing. Alliances. Accenture. Innovation Delivered.

Изолированно существуют группы рекламных текстов, адресованные женщинам, детям, мужчинам.

Morning suits. Dinner suits. Evening suits.

Surplus to Hire Lipman & Sons.

Eternity. For men only. Introducing purple orchid eau de perfume limited edition.

Реклама детских товаров обычно адресуется взрослым.

Schenkt euren Kindern Freude!

Schuhe und Kleidung aus Italien.

В зачине рекламного текста часто указывается на скидки в честь праздников или небольшой подарок, что на покупателя действует практически безотказно.

Let this festive season last for the whole next year. A special subscription offer. Subscribe to the Economist for a super special price of \$ 89 for the whole year. Get it delivered to your home or office or give it to your friends. Save 31%.

Исследователь рекламы А. Кромкстон уделяет большое внимание стилю: «Делайте заголовки такими, чтобы они били в точку, основывались на фактах. Факты убеждают, обобщения, натяжки – нет» [Кромкстон 2000: 58].

В рекламных текстах часто используются слова из популярных песен, стихов, используются такие синтаксические приемы, как вопросительные и восклицательные предложения, антитезы, параллелизм, эпитеты.

DigitAll. Kunststueck.

Ich gebe gerne Geld aus, will aber auch versorgen. Wie krieg ich das zusammen? – Es gibt fuer jede frage eine Antwort. Die individuelle Beratung der Dresdener Bank.

Meine neue Liebe? Casting: ausdrucksstarke Farben und intensiven Glanz.

Normal oder sensibel? Neu. Nivea Visage. Haupttypenspezifische Reinigungstuecher.

*You work longer hours. The question is. Does your bank?
Sticks and stones may break her bones, but names could make
starve to death.*

Эпитеты подчеркивают своеобразие рекламируемого товара, помогают по-новому осмыслить фразу, придать ей живость и образность.

Unuebertroffene Brillanz. Volumen-Effect und funkelnde Farbe. Loreal. Glam shine.

Выразительность достигается благодаря употреблению слов с переносным значением. *The new pilot. Honda.*

Для усиления экспрессивности фразы в заголовках используются антонимы. Резкое противопоставление понятий вызывает интерес, привлекая таким образом внимание.

Your car will be watching the road even if you 're not. Daimler Chrysler.

Statistisch gesehen kostet eine Banane € 0.23. Fuer uns sind Ihre Kunstwerke keine Statistik. Sie sind einzigartig. Fuer Ihre Sicherheit. Fuer Ihre Vermoegen.

Как в немецком, так и в английском языках часты случаи употребления метафор, которые придают стилю рекламных заголовков неповторимое своеобразие и выявляют интересные стороны рекламируемого предмета.

Offene Verfuehrung. Der Peugeot 206 CC.

For those who like to be stirred by nature, not shaken. Subaru – allusion.

Для привлечения внимания эффективно использование такого приема как повторение одного и того же слова или группы слов. Одной из разновидностей повторения является анафора.

We can print book reports,

We can scan family photos,

We can copy recipes,

So can you. Hewlett Packard. Invent.

Продуктивным является применение градации, когда отдельные слова, фразы, иногда целые абзацы рекламного текста выстраиваются в порядке нарастания. *Zu Weihnachten ueberraschte ich sie mit einer Tasche aus feinem Leder. Zum Jahrestag mit einem Schal aus Kaschmir. Zwischendurch mit Strauss aus Rohrblumen. Zum Geburtstag mit einem Kollier aus Tuerkisen. Und jetzt mit einem Candlelight-Dinner in Venedig. Long life Dreams. American Express.*

Как видно из примера, с помощью приема градации автор текста с каждым абзацем усиливает интерес слушателя.

Широко в рекламных текстах английского (и реже немецкого) языка используется эллипсис, что связано с его эмоциональной и динамической окраской. *Key Realty – Sale, great, database, experience and reputation.*

Подводя итог сказанному, отметим, что действенность рекламных текстов в немецком и английском языках зависит от правильного и уместного употребления изобразительно-выразительных и стилистических средств языка, которые придают эмоциональность и экспрессивность рекламному тексту и тем самым усиливают его воздействие на аудиторию.

В результате анализа рекламных текстов нами был выявлен сходный набор лексико-стилистических средств для их составления: эпитеты, метафоры, сравнения, антонимия, а также различные стилистические фигуры: эллипсис, антитеза, анафора. Для придания высказыванию живости и эмоциональной окраски используются такие средства как вопросительные, восклицательные, побудительные предложения.

В зависимости от направленности на определенную аудиторию используются различные функциональные стили. Это способствует формированию у аудитории образного представления о рекламируемом предмете, усилению эффективности рекламного текста.

Литература

- Гермогенова Л.Ю.* Как сделать рекламу магазина. – М., 1996.
Делл Т., Линда Т. Учебник по рекламе. – Л., 1996.
Кохтев Н.Н., Розенталь Д.Э. Слово о рекламе. – М., 1978.
Кромстон А. Мастерская рекламного текста. – М., 2000.
Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1990.
Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М., 1997.

М.С. Рыжков

г. Елец

Амбивалентный (устно-письменный) характер Интернет-диалога (на материале английского языка)

Одним из характерных явлений конца XX - начала XXI вв. является развитие и активное внедрение глобальных информационных компьютерных новаций и, в частности, технологии сети Интернет во все аспекты жизни современного общества.

Становление эпохи синтеза «человека слушающего» и «человека смотрящего» (стадия постнеокультуры), пришедшей на смену письменной кодификации и т. наз. эпохе Гуттенберга, сопровождалось, в терминологии канадского профессора Маршалла Маклюэна, «коммуникационной революцией» в истории человеческого общества [McLuhan 1964: 4].

Объединение компьютеров в сеть и возникновение Интернета способствовало формированию сферы Интернет-общения, которая порождает новые паттерны вербального взаимодействия, характеризуется особыми нормами речевого поведения участников интеракции.

Под *интернет-общением* (или *электронной коммуникацией*), таким образом, понимается «вербальное взаимодействие в глобальной компьютерной сети Интернет» [Смирнов 2004]. В западной литературе для обозначения этого явления существует устоявшийся термин *computer mediated communication*, т.е. коммуникация, опосредованная компьютером [Розина 2003: 392-399], в отличие от понятия *human computer interaction*, означающего взаимодействие человеческого индивида и машины-компьютера, т.е. процесс программирования [Lengel, Tomic 2004: 272, Paolillo 1996: 3-10].

На сегодняшний день Интернет суть специфическое интерактивное средство массовой коммуникации, представляющее живой интерес и для дисциплин лингвистического толка. Однако ни одно релевантное с научно-практической точки зрения исследование в рамках вышеобозначенной тематики не может обойтись без детального рассмотрения отличительных особенностей сетевого дискурса.

Проблема эта, неновая по существу, тем не менее, подчас ограничивается лишь фрагментарными исследованиями, локализованными каким-либо одним аспектом описания характерных черт виртуального (читай - Интернет) сегмента нашей реальности: будь то исключительно техническим, психологическим, экономическим, социологическим или лингвистическим.

На наш взгляд, Интернет, являясь неким «стыковым», «пограничным», «гибридным», и, как следствие, неоднозначным во всех смыслах новообразованием, нуждается в комплексном анализе, который бы учитывал всю многоаспектность природы его функционирования. Предпринять попытку подобного анализа – вот главная цель нашего исследования.

Для достижения намеченной цели представляется необходимым сгруппировать отличительные особенности киберкоммуникации по степени общности выражения междисциплинарных (метаязыковых и метасоциальных) функций. С этой целью введем понятие *базисного кластерного классификатора / basic cluster classifier* (далее – БКК / ВСС), т.е. совокупного дескриптора, выходящего за рамки какой-то одной описательной системы, где, в свою очередь, выделим разветвленную номенклатуру кластерных классификаторов второго порядка (далее KK^2 / CC^2).

Так, среди прочих, на наш взгляд, в первую очередь целесообразно указать на существование следующих БКК, отличающих данный тип дискурса от иных (как-то публицистического, политического, рекламного и пр.):

- «Х-ированный» характер новообразований Интернет-языка как промежуточный этап перехода в разряд (*пока еще* не сформировавшихся в полной мере) искусственных *интерпиджинов - Inter(net)pidgins* посредством регулярного массового взаимодействия исконного (в диахро-

ническом аспекте) для Интернет-коммуникации английского языка с каким-либо другим. Предложенная нами гипотеза вербализируется в следующих структурных формулах:

1 этап	$Y+Eng+IDC=X$
2 этап	$X+V(t)=IP$

(где Y - язык какого-либо национального сегмента Глобальной Сети Интернет; Eng – английский язык; IDC (*Internet-discourse context*) – контекст Интернет-дискурса – многоаспектное понятие, требующее дальнейшего, более детального, описания; X – транзитuarное (переходное) новообразование «X-ированного» типа; $V(t)$ – объемно-темпоральный контент Интернет-общения; IP - *интерпиджин*, (в перспективе) образующийся на базе английского и Y-языков). На данном этапе развития Интернет-континуума будем условно рассматривать Eng как переменную, подверженную незначительным трансформациям (относительную константу), а оставшиеся переменные – как априори изменяемые в рамках рассматриваемого дискурса;

- относительная автономность, открытость и, как следствие, высокая степень публичности Интернет-коммуникантов;
- четкая стратификация речевой интеракции;
- простая навигационная структура интерфейса и гипертекстуальность;
- высокая степень коммерциализации Интернета в концептосфере самих пользователей Глобальной Сети;
- конструирование и самопрезентация виртуальной личности;
- *флейм (flame)* как особенность потенциально деструктивного (девиантного) характера сетевого общения;
- эсхрофемизм;
- аграмматизм и имитация специфической «неправильности» как одна из форм девиации языковой нормы;
- специфика технических и собственно психофизиологических ограничений Интернет-дискурса;
- хаотический (неконтролируемый) характер развития электронной коммуникации;
- конвенциональность и знание основ *речевого сетикета* как необходимое условие успешности киберобщения;
- изоморфный/амбивалентный (устно-письменный) характер Интернет-диалога.

(Здесь следует оговориться, что список представленных нами формулировок базисных отличительных особенностей Интернет-дискурса не является законченным и открыт для всевозможных уточнений и дополнений).

Так, одним из наиболее значимых БКК, на наш взгляд, является **амбивалентный (устно-письменный) характер Интернет – коммуникации.**

Ответ на вопрос о *первопричине* существования именно такой формы структурно-функциональной организации Интернет-континуума можно найти, устремив взгляд к истокам зарождения Мировой Глобальной Сети. В конце прошлого столетия североамериканцы заложили и развили основы письменной англоязычной речи посредством Интернета. Это проявилось в том, что киберпространство заполнили тексты, порожденные спонтанно (в рамках электронной почты, телеконференций или коммуникации в ходе групповой игры) и представляющие собой в каком-то смысле оппозицию текстам в традиционном (для того времени) понимании. Сообщение стремилось стать более плотным, более сжатым, без излишеств, чтобы устранить избыточные повторы, и было намеренно сконструировано так, чтобы **максимально увеличить информационный объем**, передаваемый от одного пользователя/группы пользователей к другому/другим. Именно с этой целью родоначальниками Интернета были введены и упрочены принципы сетевого этикета (*netiquette*), тематика электронной переписки и ее стиль (фамильярный, терпимый к неоткорректированным опечаткам, изобилующий примерами симбиоза латиницы и кириллицы, аббревиатурами, единицами компьютерно-сетевого жаргона, полифункциональными эмоджонами, деструктивно-ироническими «никами»-псевдонимами, несанкционированной цитацией фрагментов из предшествующих сообщений со-участников коммуникации и т.д.). В то же время в Интернете в процесс человеческого общения во всех ее проявлениях вернулась стихия спонтанной речи в отсутствие редакторской правки. Произошло своеобразное высвобождение новых, неизвестных прежде, способов актуализации окружающей картины мира пользователей Глобальной Сети, ознаменовавшее этап либерализации осуществления сначала **внутри-** (США), а затем и **межнационального** информационного взаимодействия.

Форсирование этих процессов на международном уровне, с нашей точки зрения, во многом обусловлено именно амбивалентностью Интернет-коммуникации, т.е. *письменной фиксацией устно-разговорной спонтанной речи пользователей Всемирной Паутины*. Сразу же следует оговориться, что данная особенность присуща, главным образом, собственно диалогическому (а в некоторых случаях и полилогическому) сегменту Глобальной Сети, т.е. общению в так наз. виртуальных чат-комнатах (от исходного англ. *Internet Relay Chat*), а также веб-браузере интерактивного общения по интересам

ICQ (от исходного *ICQ*, имеющего схожую фонетическую оболочку с англ. фразой *I Seek You* [ai si:k ju:] – *Я Ищу Тебя*).

Виртуальный диалог, так же как и не виртуальный, четко структурирован и состоит из группы *диалогических единств* («коммуникативных единиц, которые конституируются логико-семантической когерентностью; коммуникативной интенцией; коммуникативной целостностью; грамматической, лексической и просодической когерентностью») [Михайлов 1994: 125-128]. Эти диалогические единства служат строительным материалом для образования макродиалогов, образующих макроуровень Интернет-общения.

Так в ходе речевого взаимодействия Интернет-дискурсантов возникает акт коммуникации, рассматриваемый Браславским П.И. и Даниловым С.Ю. в статье «Интернет как средство инкультурации и аккультурации» как «мена ролей говорящего и слушающего» [Браславский, Данилов 2004: 222], попеременно вступающих в субъект-объектные отношения друг с другом. В этой череде последовательных высказываний каждое из них обусловлено предыдущим. Причем сами высказывания несут в себе как верхний, вербальный план, так и глубинный, подтекстный. В таком случае общение как таковое возможно лишь при условии общности фоновых знаний (*background knowledge*) коммуникантов о действующих в ирреальной виртуальной среде конвенциях, устоях, правилах само/идентификации, инициировании, прекращении, возобновлении контакта.

Действительно, подобное взаимодействие реципиента и продуцента высказывания в Интернете подвержено конкурирующему воздействию норм письменной и устной речи. Письменная речь, позволяющая с помощью начертательных (графических) элементов передавать речевую информацию на расстоянии и закреплять ее во времени, традиционно обладает рядом особенностей по сравнению с устной [Дьяконов 2000: 375-379].

Однако эти особенности, преломляясь во взаимодействии, опосредованном спецификой функционирования Интернета, вступают в определенные противоречия друг с другом. Виртуальная коммуникация во многом снимает эти противоречия и создает свои.

Являясь по сути линейной и дискретной, письменная разговорная речь, в отличие от устной, не предполагает общности места и времени. Даже произнесенные одновременно две реплики появятся на экранах мониторов коммуникантов вслед друг за другом, что при исключительной загруженности и «густонаселенности» чатов создает определенный какофонический характер – дескриптивный кластерный классификатор второго порядка [Лейбов 2002]. На это указывает и сохранение разговорных особенностей произношения в письменной фиксации высказываний участника веб-общения [Трофимова 2004].

«Устная речь, не имея черновых вариантов, разворачивается во времени последовательно: что-то говорится раньше, что-то позже.

Сказанное нельзя отменить, его можно только опровергнуть» [Бергельсон 2002: 66].

По иному структурирован процесс виртуального общения Интернет-коммуниканта: гипотетически всегда есть определенный темпоральный запас; имеется возможность обдумать, исправить, отменить набранный на клавиатуре текст. Это возможно благодаря временному зазору между порождением письменного текста и тем моментом, когда он реально поступит к адресату. Обозначим этот кластерный классификатор второго порядка как обратимый характер веб-коммуникативного речевого акта.

Однако, если Интернет-дискурсант все-таки допускает какую-то опечатку либо ошибку в рамках одного или нескольких ярусов/уровней языковой системы (лексического, морфемного, синтаксического), эта неточность, как правило, сразу же устраняется:

666666: *I really thought I'd visit russia next year.*

666666: *Я, правда, думал, что смогу поехать в россию в следующем году.*

666666: *(sorry/russia/Russia)*

666666: *(прошу прощения/россия/Россия) [ICQ 2006].*

(здесь и далее перевод на русский язык репликовых шагов англоязычных Интернет-дискурсантов наш – М. Р.)

Специфика канала передачи информации в интерактивном диалоге, который часто представляет собой спорадический полилог, позволяет общающимся вести несколько разных индивидуальных диалогов одновременно. Вот почему закрепленная негласными правилами сетевого этикета (*netiquette*) возможность прервать диалог без предупреждения на неопределенное время, потенциально имея множество альтернатив восполнения дефицита общения, не воспринимается речевым(и) партнером(ами) как нарушение основополагающих конвенциональных максим неконфликтного конструктивного общения Грайса Г.П. [Грайс 1985: 217-237]. Само по себе соблюдение импликатур речи, позволяющих, основываясь на знаниях универсальных коммуникативных конвенций, определить контекстно-обусловленные смыслы высказывания, не является типичным для Интернет-дискурса [Арутюнова 2000: 269-270]. В связи с этим паузы в поступлении ответной реплики нередко расцениваются пользователями Глобальной Сети как сигналы к возможности ввести реплику с новым тематическим ядром:

(A) Romiski: *Didn't answer about ur car stolen...*

(A) Ромински: *He ответил на вопрос о своей угнанной машине...*

(B) MIRY: (нет ответа – П.М.С.)

(A) Romiski: *Didn't answer about ur car stolen...*

(A) Ромински: *He ответил на вопрос о своей угнанной машине...*

(B) MIRY: (нет ответа – П.М.С.)

(A) Romiski: *ok then ☺ cant biliv spring comes to us!!*

(А) Ромински: ну, ладно ☺ не верится, что скоро весна!! [ICQ 2006].

Еще одним КК² является абстрагирование от материальных проявлений процесса речевого взаимодействия в Интернет. Поэтому, дабы компенсировать отсутствие таких естественных проявлений коммуникативного поведения, как невербальные экстралингвистические факторы воздействия на речевого партнера (мимика, такесика, просодика), в глубинах коллективного сознания Интернет-сообщества зарождается особый вид пиктограммы как символического, так и иконического характера - *эмотикон (emoticon)*. Опять же укажем на конвенциональность данного новообразования. Уже известно о существовании сотен эмотиконов, использующихся во всех видах Интернет-коммуникации. Основными, но отнюдь не единственными, хотя и преобладающими, считаются:

☺ или :-) = радость; улыбка;

☹ или :-(= грусть, злость;

> = злорадство; коварные намерения;

;) = обман, шутка, ярко выраженная негативная ирония;

; = подмигивание;

:-D = смех;

:-() = крик; удивление;

% = переутомление; перекошенный взгляд;

@ = переутомление; спутанные мозги.

Использование этих паралингвистических средств может изменить смысл высказывания, также как язык тела может изменить смысл устного общения в разговорной речи [Emoticons in CMC 2000]. В следующем репликовом шаге *чаттер* (от англ. *chatter*, т.е. коммуникант, осуществляющий общение в Интернет чате) под псевдоименем *PUTin* демонстрирует способность эмотикона менять смысл предложения:

PUTin: *You know dear he doesn't love you at all ;)*

ПУТин: *Знаешь, дорогуша, наверное, он совсем тебя не любит ;)* [ICQ 2006].

Принято считать, что символ ;) означает обман, шутку. В традиционном общении то же высказывание могло бы быть сопровождено подмигиванием или улыбкой, но изоморфный (устно-письменный) характер Интернет-дискурса налагает при выражении всей полноты передаваемых смыслов определенные ограничения на структурное оформление диалогических реплик в Сети. Нам представляется очевидным то, что популярность, которую snискали эмотиконы в он-лайн коммуникации, обусловлена, прежде всего, тем, что они восполняют пробел, созданный в результате переноса разговорной речи в письменное пространство.

Как справедливо замечает английский лингвист Д. Брэзил, другая проблема, связанная с разговорной природой Интернет-общения в письменном пространстве, это отсутствие интонации [Brazil 1981:

146-157]. Для восполнения подобных лакун в киберобщении был разработан набор приемов, позволяющих частично исправить этот недостаток. В «Виртуальной орфографии» Е.И. Быковский указывает на то, что эмфатический материал может быть передан и другими способами (неинтонационно), такими как написание заглавными буквами всего слова, использование дополнительной пунктуации в конце предложения, а также любыми схожими методами, выделяющими высказывание или его часть из остального общения [Быковский 2001]. В подтверждение сказанному приведем фрагмент диалога двух завсегдаево одной из тематических комнат (*LIFESTYLES – СТИЛИ ЖИЗНИ*) веб-браузера ICQ:

(A) Steila_Di_Mare: *BOBBYYYY ???...WOW... UR NEW BOYFRIEND??? You seem not to lose your time in your Steptonehill ☺☺*

(A) Морская Звезда: *БОББИ??? ... ВАУ...ТВОЙ НОВЫЙ ПРИЯТЕЛЬ??? Кажется, ты совсем не теряешь время в своем Стептонхиле ☺☺*

(B) Desert_rose: *ROBERTA...my stepsister>> I told u about her last time...>> AND U CALL IT FAMILY BONDS...poor memory... girly*

(B) Роза Пустыни: *РОБЕРТА...моя сводная сестра>> Я рассказывала тебе о ней в прошлый раз...>> И ТЫ НАЗЫВАЕШЬ ЭТО СЕМЕЙНЫМИ СВЯЗЯМИ...короткая у тебя память...подруга*

[Рыжков 2006: 24].

Коммуниканты также могут прибегать к различному фонетическому спеллингу (орфографическому оформлению) для придания большей разговорности своим высказываниям:

(A) PUTin: *Get rid of that gismo fella...hehe*

(A) ПУТин: *Да избавься ты, наконец, от этой штуковины, парень...xexe*

(B) Desert_rose: *Desert_rose says muaha*

(B) Роза Пустыни: *Роза Пустыни злорадно улыбается [ICQ 2006].*

Тип виртуального смеха, выражаемый маркированными лексемами, различен в каждом из представленных репликовых шагов. «*Hehe*» - выражение искреннего смеха, в то время как «*muaha*» является представлением угрожающего смеха, неприятного по звучанию. Различие между соответствующими «значениями» этих двух видов он-лайн смеха очевидно, если принять во внимание письменные различия их фонетических элементов.

Язык Интернет-коммуникации, как и языковая система в целом, подвержен перманентным изменениям, являющимся необходимым условием его саморазвития. Эти изменения стимулируются противоречивостью протекающих в Сетевом общении процессов. Одним из

таких противоречий является реализация закона экономии речевых усилий отправителя и получателя информации, который, по мнению Конопкиной Е.С., «предполагает наличие антиномии минимизации и урбанизации ... которые находятся во взаимосвязи и в постоянной обратной пропорциональной зависимости друг от друга» [Конопкина 2005: 6]. Продукт высказывания экономит речевые усилия, делая сообщение максимально редуцированным; реципиент же, напротив, для экономии своих усилий при декодировке «нуждается в более развернутом, максимально эксплицируемом сообщении» [Бергельсон 2002: 57-58]. В последнем случае задействован «механизм детализации, конкретизации, расщепления мысли, понятия» [Конопкина 2005: 6].

В виртуальной коммуникации экономия усилий отправителя текстуальной информации проявляется в легализованном конвенциями сетевого общения пренебрежении правилами употребления единиц того или иного уровня языковой системы, например, усечение морфемной структуры слова (выпадение гласных в корневых морфемах); невыраженность категории определенности/неопределенности (артикла) в артиклевых языках; выпадение вспомогательных глаголов и предлогов; отсутствие вопросительных знаков в интерогативных конструкциях; написание существительных собственных с прописной буквы; лонгирование слов за счет многократного дублирования конечных гласных/согласных; отступление от грамматической нормы в употреблении множественного числа существительных и пр.:

prvte (private) chat – чат-комната закрытого(приватного) режима;

my names rominski (Rominski) - меня зовут Ромински;

do u like to marry me (Do you like to marry me?) - Ты бы на мне женился?;

this pics (these pictures) - эти фотографии;

I have GF(I have a GF) - У меня есть подруга;

I'll chat Sunday here (I'll chat on Sunday here) – Я буду чатиться здесь в воскресенье [ICQ 2006].

Очевидно, что это не облегчает, а, наоборот, затрудняет перцептивные процессы речевого партнера. «Поэтому, как только отправителю приходится соревноваться за избирательное внимание получателя ... эти правила сменяются другими, которые не только не пренебрегают заглавными буквами, но и максимально используют воздействие графических средств, дополняя ими символную информацию» [Бергельсон 2002: 58].

Наши наблюдения в части *изоморфности Интернет-диалога* могут быть обобщены в следующей таблице:

Таблица

БКК «Амбивалентный (устно-письменный) характер

Интернет-диалога» и его КК².

БКК	<i>Амбивалентный (устно-письменный) характер Интернет-диалога.</i>
1КК ²	«какофония» и многоголосие;
2КК ²	обратимый характер веб-коммуникативного речевого акта;
3КК ²	возможность вести несколько разных диалогов одновременно;
4КК ²	абстрагирование от материальных проявлений процесса речевого взаимодействия;
5КК ²	антиномия минимизации и урбанизации как реализация закона экономии речевых усилий.

Возведение подобной *амбивалентности* в статус реальной достигается, по нашему мнению, исключительно за счет технических возможностей электронной коммуникации и выработанных в Интернет-сообществе норм коммуникативного поведения.

Бергельсон М.Б. в своей статье «Языковые аспекты виртуальной коммуникации» задается вопросом – «Является ли виртуальная коммуникация - письменная по форме, но лишенная многих атрибутов последней, своего рода мостиком между обеими?» [Бергельсон 2002: 66]. Подобный вопрос нам кажется неоднозначным и в большей степени дискуссионным, но, безусловно, правомерным и своевременным. Как уже было отмечено выше, Интернет, по сути, есть «стыковое», «пограничное», «гибридное» новообразование. В этом и заключается уникальность и неповторимое своеобразие данного явления, позволяя нам говорить о непосредственном/опосредованном межличностном взаимодействии в Интернете как о совокупности речемыслительных действий коммуникантов, связанной с познанием, осмыслением и презентацией мира говорящим и осмыслением, реконструкцией языковой картины мира продуцента реципиентом, т.е. как об особой разновидности дискурса.

Более важно другое: функция любого языка, письменного ли, разговорного или комбинированного; возведенного в ранг дискурса или рассматриваемого лишь как языковое образование арготического характера, - это *коммуникативное взаимодействие*, осуществляемое между людьми, в том числе, и с целью стирания всяких социальных, национально-этнических, территориальных и пр. границ, а также с целью восполнения дефицита межличностного общения, что, уже, к сожалению, стало *базисным кластерным классификатором* нашего времени!

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Лингвистическая философия. Лингвистический энциклопедический словарь // под ред. Ярцевой В.Н. — М., Большая Российская энциклопедия, 2000. — С. 269-270.

Бергельсон М.Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации [Языковое поведение в сети Интернет] // Вестник МГУ, сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2002. — № 1. — С. 55-67.

Браславский П.И., Данилов С.Ю. Интернет как средство инкультурации и аккультурации. Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности: в 2 ч. / под общ. ред. Гришаевой Л.И., Поповой М.К.. — Ч. 1. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. — С. 215-228.

Быковский Е.И. Виртуальная орфография. — <http://www.press2006/gazette/bikovsky/orthography.html>

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. — Вып. 16. — С. 217-237.

Дьяконов И.М. Письмо. Лингвистический энциклопедический словарь // под ред. Ярцевой В.Н. — М., Большая Российская энциклопедия, 2000. — С. 375-379.

Конопкина Е.С. Минимизация слов и морфем как явление словообразования. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Елец: 2005. — 23 с.

Лейбов Р.С. Язык рисует Интернет. — <http://www.inter.net.ru/4/9.html>

Михайлов Л.М. Коммуникативная грамматика немецкого языка. — М., 1994. — С. 125-128.

Розина И.Н. Интернет-сообщество специалистов в области коммуникации // Новые инфокоммуникационные технологии в социально-гуманитарных науках и образовании: современное состояние, проблемы, перспективы развития / Под общ. ред. А.Н. Кулика. — М.: Логос, 2003. — С. 392-399.

Рыжков М.С. Речевые стратегии как компонент метакоммуникативной структуры диалогового взаимодействия участников Интернет-дискурса // Язык. Культура. Коммуникация. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. — Липецк: ЛГПУ, 2006. — С. 20-27.

Смирнов Ф.О. Интернет-общение на английском и русском языках: опыт лингвокультурного сопоставления. — <http://www.visualtech.ru/vculture/folklor/Folklor.html>

Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. — М.: РУДН, 2004. — 32 с.

Brazil D. The place of intonation in a discourse model. *Studies in Discourse analysis*. Malcolm Coulthard and Martin Montgomery, eds. London: Routledge, 1981. — P. 146-157.

Lengel L., Tomic A. Computer Mediated Communication. — London: Sage, 2004. — P. 272.

McLuhan M., *Understanding Media: the Extensions of Man*. — New York: Signet Books, 1964. — 216 p.

Paolillo J. C. "Language Choice on soc.culture.punjab," *Electronic Journal of Communication*, special issue on "Computer-Mediated Discourse Analysis," S. Herring, ed., 1996. — P. 3-10.

Emoticons in CMC.

— <http://mail.spb.fio.ru/archive/group120/c3wu9/emoticon.html>

ICQ. Chat sessions. Rooms: *LIFESTYLES*; *EASTERN EUROPE*; *LOVE IS IN THE AIR*. March, 20th – 21st, 2006.

Ю.А.Трегубова

г. Елец

Социолингвистическая модель неконтактного русско-английского двуязычия учащейся молодежи Липецкой области

Под термином «двуязычие» обычно понимают «знание одним лицом, группой людей, частью народа или целой народностью, кроме своего родного, еще одного языка», при этом «степень совершенства владения вторым языком может быть различной» [Дешериев 1966:325-330].

Понятия «контактное» и «неконтактное» двуязычие были введены Ю.Д. Дешериевым. Основным критерием различия данных понятий является «способ усвоения второго языка в зависимости от длительности и активности непосредственного общения двух народов или – опосредованного и пассивного контакта с другим народом или языком» [Аюпова 1988:23].

Неконтактное двуязычие обычно является следствием целенаправленного изучения иностранных языков в искусственных условиях, максимально методически приближенных к естественным, воссоздающим реальную коммуникативную ситуацию: в детском саду, в школе, в ВУЗе, на различных языковых и специальных курсах. Поскольку неконтактное двуязычие предполагает нерегулярное употребление билингвом второго языка, то в таких случаях часто отмечается использование иностранного языка в ограниченных целях, «вдали от основной массы носителей языка» [Дешериев 1966:331-332].

Однако нельзя не считаться с тем, что неконтактное двуязычие «способствует укреплению сотрудничества с другими странами именно благодаря тому, что русский, английский, французский, арабский, испанский, китайский и некоторые другие языки выполняют официальные функции для заключения договоров и проведения других межгосударственных актов» [Аюпова 1988:24].

Так как иностранные языки являются обязательным предметом в различных учебных заведениях, то именно неконтактное русско-английское двуязычие является преобладающим в молодежной среде Липецкой области.

Основываясь на исследовании таджикско-русского двуязычия Р.И. Хашимова, в котором он определил три изоглоссы русской речи нерусских, лингвистическую классификацию национально-русского двуязычия и выделил восемь форм двуязычия по степени убывания интерференции [Хашимов 1987:29-31], в изучении русско-английского двуязычия учащейся молодежи Липецкой области можно выделить две изоглоссы английской речи русских учащихся.

Первая изоглосса характеризуется наличием в английской речи учащихся регулярной и коммуникативно значимой интерференцией на различных уровнях языка, а вторая изоглосса – нерегулярной и коммуникативно незначимой интерференцией, при этом обе изоглоссы английской речи учащихся имеют внешние признаки проявления интерференционных процессов на каком-либо уровне речи, т.е. отклонения от норм английского языка в обеих изоглоссах носят эксплицитный характер.

Принимая за основу лингвистическую классификацию национально-русского двуязычия Р.И. Хашимова, мы разработали классификацию русско-английского неконтактного билингвизма учащейся молодежи Липецкой области в зависимости от регулярности-нерегулярности интерференции в английской речи учащихся, представленную Таблицей 1.

Таблица 1. Зависимость формы неконтактного русско-английского билингвизма от степени проявления интерференции в английской речи учащихся.

Форма билингвизма	Интерференция					
	Регулярная			Нерегулярная		
	Лексико-семантическая	Фонетическая	Грамматическая	Лексико-семантическая	Фонетическая	Грамматическая
Рецептивная	+	+	+	+	+	+
Трансформационная	-	+	+	+	+	+
Репродуктивная	-	-	+	+	+	+
Продуктивная	-	-	-	+	+	+

На основе изучения интерференционных процессов в английской речи учащейся молодежи, их регулярности – нерегулярности, коммуникативной значимости – незначимости, можно условно выделить две категории учащихся:

1. школьники 10-11 классов школ, студенты колледжей, студенты 1-2 курсов неязыковых факультетов ВУЗов Липецкой области;
2. школьники, занимающиеся изучением английского языка дополнительно помимо занятий в школе, студенты 1-5 курсов факультетов иностранных языков ВУЗов Липецкой области;

Таким образом, первую категорию составляют учащиеся, изучающие английский язык обязательно по программе учебных заведений в среднем 2-3 часа в неделю и не имеющие четкой и сильной мотивации в изучении английского языка. Во вторую категорию входят учащиеся, выбравшие английский язык в качестве будущей профессии и занимающиеся в среднем 6-12 часов в неделю.

Английская речь учащихся первой категории характеризуется наличием регулярной и коммуникативно значимой интерференции на различных уровнях английского языка под влиянием родного языка, в то время как интерференция в английской речи учащихся, составляющих вторую категорию, имеет нерегулярный характер.

На основе социальных и лингвистических параметров можно сформулировать социолингвистическую модель неконтактного русско-английского двуязычия. Данная модель состоит из категории учащихся и формы русско-английского двуязычия. Родной язык учащихся – русский мы обозначили символом P , дополнив символом группы – P_1, P_2 . Английскую речь учащихся мы обозначили символом A , дополнив символом соответствующей ступени двуязычия A_1 – первая ступень двуязычия, A_2 – вторая ступень двуязычия, A_3 – третья ступень двуязычия, A_4 – четвертая ступень двуязычия. Учитывая то, что английская речь учащихся обеих категорий характеризуется регулярностью – нерегулярностью интерференции, то социолингвистическая модель русско-английского двуязычия будет выглядеть следующим образом: P_1A_1, P_1A_2 и т.д. Уровень владения английским языком в данных категориях учащихся колеблется в пределах нескольких ступеней неконтактного русско-английского двуязычия, то общая социолингвистическая модель двуязычия будет состоять из одной категории учащихся и нескольких ступеней неконтактного русско-английского двуязычия:

Модель 1: P_1A_1, A_2

В английской речи учащихся первой категории (P_1 – школьники 10-11 классов школ, студенты колледжей, студенты 1-2 курсов неязыковых факультетов ВУЗов Липецкой области) интерференция колеб-

лется в пределах первой и второй ступеней неконтактного русско-английского двуязычия учащихся Липецкой области.

Модель 2: P₂A₃, A₄

В английской речи учащихся второй категории (P₂ – школьники, занимающиеся изучением английского языка дополнительно помимо занятий в школе, студенты 1-5 курсов факультетов иностранных языков ВУЗов Липецкой области) интерференция колеблется в пределах третьей и четвертой ступеней неконтактного русско-английского двуязычия учащихся Липецкой области.

Таким образом, социолингвистическое исследование модели неконтактного русско-английского двуязычия учащейся молодежи представляется важным для изучения иностранных языков в среде учащейся молодежи, и должно основываться на изучении степени владения вторым языком (английским), а также на изучении процессов интерференции в английской речи учащихся, которые проявляются на различных уровнях изучаемого языка.

Литература

Аюпова Л.Л. Вопросы социолингвистики: типы двуязычия в Башкирии. Свердловск, Изд-во Уральского ун-та, 1988.

Дешериев Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966.

Михайлов М. М. Двуязычие: Принципы и проблемы. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 1969.

Хашимов Р. И. Становление и функционирование таджикско-русского двуязычия (социолингвистический аспект): Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. доктора филол. н-к. – Москва, 1987.

Хашимов Р. И. Таджикско-русское двуязычие (социолингвистический аспект). Душанбе: Дониш, 1986.

Сведения об авторах

Бурцев Владимир Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русского языка Елецкого государственного университета.

Быкасова Лариса Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент Таганрогского государственного педагогического института.

Васильев Шавкат Ибрагимович, кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Стерлитамакского филиала Московского государственного открытого педагогического университета имени М.А.Шолохова.

Винниченко Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Поморского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Зверев Андрей Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор (г. Черновцы, Украина).

Ильченко Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранной филологии Новороссийского филиала Кубанского государственного университета

Климова Марина Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики начального образования Елецкого государственного университета.

Кравец Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Таганрогского государственного педагогического института.

Кузнецова Олеся Михайловна, аспирант кафедры современного русского языка и методики его преподавания Елецкого государственного университета.

Лаврищева Екатерина Владимировна, аспирант кафедры теории и истории русского языка Елецкого государственного университета.

Ломов Александр Григорьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Елецкого государственного университета.

Межжгерина Анна Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент Национального авиационного университета (г. Киев, Украина).

Мещерякова Ольга Александровна, докторант кафедры теории и истории русского языка Елецкого государственного университета

Мирохина Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русского языка Елецкого государственного университета.

Мясникова Ирина Ивановна, аспирант кафедры теории и истории русского языка Елецкого государственного университета.

Пальчун Галина Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественно-географического профиля Елецкого государственного университета.

Петрова Т.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Поморского государственного университета имени М.В.Ломоносова

Пищулина О.Ю. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русского языка Елецкого государственного университета.

Рыжков Михал Сергеевич, аспирант кафедры теории и истории русского языка Елецкого государственного университета.

Селеменова Ольга Александровна, ассистент кафедры современного русского языка и методики его преподавания Елецкого государственного университета.

Сетаров Руслан Джеватович, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русского языка Елецкого государственного университета.

Смирнова Римма Федоровна, кандидат филологических наук, доцент Таганрогского государственного педагогического института

Чернега Людмила Владимировна, кандидат филологических наук, доцент русского языка и методики начального обучения Таганрогского государственного педагогического института.

Хашимов Рахим Ибрагимович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории русского языка Елецкого государственного университета итмени И.А.Булнина

Шелепова Людмила Ивановна, доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета.

Шетэля Виктор Мечиславович, кандидат филологических наук, доцент Институт русского языка РАН.